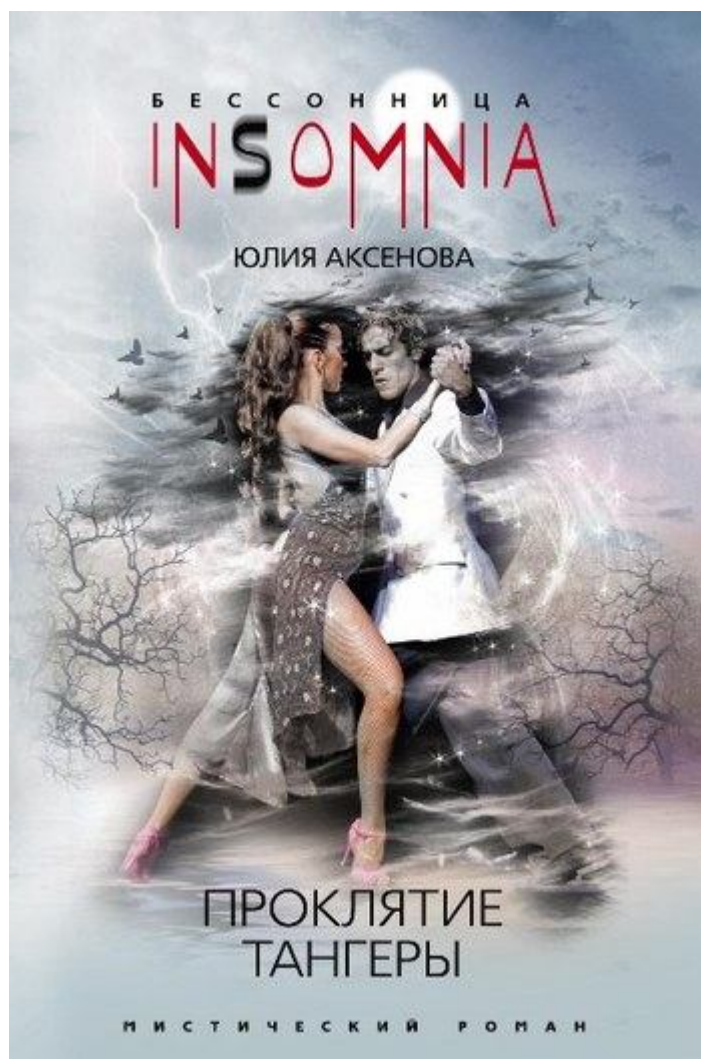

Юлия Аксенова Проклятие тангеры

Шумный радостный праздник, которого столичные поклонники танго ждали целый год, обернулся чередой потерь и дурных предзнаменований. Первые же дни зимнего фестиваля омрачились несколькими смертями. Случайными с виду жертвами стали самые знаменитые люди в московском сообществе танго – этом интимнейшем мире сублимированной чувственности. Для них, так внезапно и нелепо погибших, танго давно стало смыслом жизни, заменив все прочие интересы и достижения. По клубам стали шепотом рассказывать легенду о Черной Тангере, мистической исполнительнице танго, которая уводит своих партнеров в мир иной...

*Мы в этом танце
До неприличия близки,
Станцуем танго —
Все остальное – пустяки!*
А. Горбачева. Танго

Понедельник Подпольная «Аргентина»

*Засыпая, я вижу вновь,
Что балконная дверь чуть приоткрыта,
И кисейную тюль
В окно, где пыльный июль,
Выдувает капризный сквозняк.*
И. Богусhevская. Рио-Рита

Ритмичная музыка выплеснулась в открытую дверь, мгновенно застыла льдинками аккордов в морозном воздухе и под обжигающим порывом ветра рассыпалась вьюжной пылью.

Музыка колыбалась, закручивалась бурунчиками, пока он спускался по узкой лестнице в полуподвал. Она плыла по разрисованному видам старинных узких улиц и танцующих пар коридору. Сгущалась, чем ближе к ее обиталищу он подходил. В широком холле сложная танцевальная мелодия разлилась вольготно, резвилась, играла, теребила сердечные струны. Однако здесь никто, кроме вновь пришедшего, казалось, не обращал на нее внимания. Две женщины неопределенного возраста оживленно болтали, держа в руках по бокалу темно-красного вина. Одна была одета в полупрозрачное платье с глубоким декольте и обнаженной спиной, другая – в футболку с надписью «Milonga forever» и серые джинсы из грубой ткани. Зато на ногах у обеих – красивые туфли со шпильками сантиметров десяти высотой. Вошедший беззлобно усмехнулся. Просторное кресло в укромном уголке за нарядной новогодней елкой оккупировала парочка. Сидели молча, тесно прижавшись друг к другу, сплетя руки.

Вошедшему не было резона здесь задерживаться. Уворачиваясь от свисающей с потолка блестящей мишуры, он двинулся к дверному проему, за которым была подсвеченная огненными бликами темнота и двигались тени в такт очередной мелодии.

После ярко освещенного холла в зале, где горели только свечи, на глаза будто упала темная ткань. Танцующие пары покачивались – разнообразно, но ритмично, – так бегут волны морского прибоя. Он стал всматриваться. Сердце привычно сжалось. Почти незаметно. Слегка. Но сжалось. С кем она танцует сегодня? Сколь нежно лежит на ее талии рука чужого мужчины? Сколь властно привлекает к себе гибкое, податливое тело женщины? Женщины, которая с захватывающей дух стремительностью наполнила с недавних пор жизнь его души и тела, его дом, его дела и развлечения.

– Костя!

Он невольно выдохнул с облегчением: она и не танцевала вовсе! Она заметила своего мужчину прежде, чем он догадался повернуть голову в сторону барной стойки. Ее улыбка светилась искренней радостью.

– Привет, Ксюш! – бросил Константин нарочито небрежно.

Нарочито небрежно поцеловал губы, простое прикосновение к которым запускало гулять по беззащитному организму сладкий огонек.

Ксения наплевала на его сдержанность; ладони стремительным и плавным жестом скользнули вверх. Короткое приветственное объятие.

– Как дела?

– Все хорошо!

Константин с удовольствием отметил, что смуглость ее лица заметна даже в полутемном зале. И бархатистая кожа плеч хранила золотой загар. Он покосился в сторону зеркала. Вид собственной физиономии на первый взгляд огорчал: красная, как скорлупа вареного рака, и, главное, облезает! Но зато, когда они с Ксенией стоят рядом, да еще держась за руки, как сейчас, любому сразу ясно, что новогодние праздники они провели в далеком солнечном краю – вместе! Пусть знают, завидуют, отчаиваются; пусть потеряют

всяческую надежду!

– Ну, ты созрел? – поинтересовался, протягивая ему руку, импозантный седовласый джентльмен. По-другому и не назовешь Леонида Коренева – истинного учителя танго.

Высокий, склонный к полноте, он, пожалуй, казался бы даже грузным, если бы не двигался так непринужденно, изящно, гибко. В тесном мире любителей танго, где все от мала до велика обращались друг к другу по имени, никто не называл Коренева Леней. Звали либо по фамилии, либо накрепко прилипшим к нему уважительным прозвищем: Лео. Ученики с гордостью поясняли: «Ну как же, наш лев!» Большая голова, увенчанная пышными седыми кудрями, и впрямь вызывала ассоциации с царем зверей, а для восторженных учеников он был конечно же царем танцпола.

Константин растерялся. Он довольно часто общался с Леонидом: когда заезжал за Ксенией на урок, когда приходил на милонгу. Ксения перезнакомила его со всей группой, и каждый дружелюбно перекидывался с ним хоть парой слов. Костя много раз слышал, как Лео острит во время урока, подшучивает над учениками, но ни разу тот не пересекал грань бестактности. Как же он позволил себе сейчас задать вопрос столь личного свойства, да еще при Ксении?!

Лео смотрел в упор темными, как маслины, глазами – слегка раскосыми, слегка прищуренными, хитрющими. Как будто знал, что Костя уже почти готов дать положительный ответ, но один нюанс так сильно его смущает, так огорчает, вызывает такую досаду!

– Ну?! – настойчиво потребовал Лео. Его необычайно подвижное лицо выразило глубокую серьезность. – Пора догонять Ксению! А то смотри, не ровен час, она у нас в примы выбьется, – лукавый и ободряющий взгляд в сторону молчаливой третьей участницы беседы и смущенное удовольствие на ее лице, – а ты так и останешься пажом королевы: отвезти, привезти, тувельки притащить из багажника, застегнуть на загорелой ножке!

Все это говорилось, очевидно, не столько для Кости, сколько для Ксении. Та застенчиво смеялась, переводя взгляд с одного мужчины на другого.

«Так он – о танго!» – с облегчением подумал Костя.

– Некогда мне учиться, – сообщил он радостно, – согласен на роль пажа при королеве! – подмигнул Ксении. – Очень романтично, а?

– Ну, смотри! – не унимался разрезвившийся Коренев. – На нее знаешь какой спрос пойдет среди хороших танцоров! Как бы не увели! Чуть-чуть осталось. – Учитель танго посерьезнел. Он вновь обращался к ученице: – Ногу расслабить, и только. Я же не много прошу!

– Одну? – приободрилась Ксения.

– Одну! – подхватил Лео с охотой. – Вторая уже в порядке!

Косте вновь было несколько не по себе. Ну, хоть чуточку подсократить работу – и впрямь пошел бы подтягивать двигательную сферу, догонять Ксюшку!

– Так что давай, Константин, учись, не тни время! – заключил Лео и, сочтя беседу завершенной, быстро удалился гибкой походкой, гордо неся благородную голову.

– Ты танцуешь?

Его будто не заметили! Немолодой худощавый мужчина с пышными усами и почти непристойным лукавством в глазах смотрел только на Ксению. Константин счел его бестактным: разве не видит, что люди только встретились, что они в особых отношениях?! Но любимая бросила на него короткий, уже не видящий взгляд, формально уточнила:

– Ты не против?

Константин промедлил с ответом. Глаза женщины ожили, в них появился интерес. Костя заставил себя наконец кивнуть. Ксения мимолетно улыбнулась и тут же порхнула – иного слова не подберешь! – к усатому.

Константин сжал зубы. Все же придется учиться танцевать. Разумеется, не этот вычурный танец под отвратительные тягучие мелодии! Ксения обещала, что пойдет с ним на любые уроки – хоть вальс разучивать, хоть сальсу.

Глаза автоматически отслеживали движения знакомой пары. Сегодня танцпол был битком набит: первая фестивальная милонга! И все же Ксения выделялась в толпе: этим вечером она надела весьма открытый сарафан яркого небесно-голубого цвета, оканчивавшийся в районе бедер лохмотьями разной длины. Уже после нескольких сдержанных шагов движения едва прикрытых резаной тканью стройных ног стали неприлично размашистыми, соблазнительными, откровенными. Они сновали вокруг ног партнера, обвивали, скользили по ним вверх, все выше. Константин запомнил названия этих па. Ксения считала, что, если он сумеет подобрать к *этому* умные слова, то эротический смысл сам собою улетучится из привычных и понятных движений. Слова вылезали из памяти легко. Только не успокаивали. Они шипели по-змеиному и жалили, как шершни: очо, ганчо, саккада, баррида...

Усатый партнер жестко зажал правую ладонь Ксении в своей левой. Левая рука женщины со спокойной нежностью скользила по тощей спине: то к шее, то к плечу. Ее грудь с абсолютной упругой откровенностью прижималась к груди партнера. Их разделяли два тонких полотнища ткани: голубое – сарафана Ксении и темно-синее – рубашки усатого. Пара в своем кружении по залу вновь приблизилась к Косте. Ксения то и дело оказывалась к нему лицом. Глаза были плотно закрыты, брови сдвинуты. На сжатых губах то и дело расцветала напряженная улыбка сдерживаемого удовольствия.

Константин и сам чувствовал, как сжимаются зубы и стекленеет взгляд. Господи, он никогда не считал себя ревнивым! Но как быть, если он совсем в другие моменты жизни видел Ксению именно такой: сдержанной, упорно не выпускающей на волю ни страсть, ни наслаждение. Но в те моменты ему казалось, что эта женщина по натуре достаточно холодна. На танцполе же наледь ее сдержанности выглядела фальшивой и ненадежной. Наблюдая со стороны танец возлюбленной с другим мужчиной, Константин не понимал, чего хочет сильнее: чтобы она, чопорно раскланявшись, вышла из игры, или чтобы отдалась наконец без остатка огненной стихии любимого танго? Хоть чему-то отдалась пылко, полностью забывая себя...

Но не с этим же усатым, невзрачным партнером, в жилах которого, сразу видно, – рыба кровь! Если бы Лео, быстрый и ловкий в движениях, излучающий мужское обаяние... Ксения часто жаловалась, что боится танцевать с Корневым даже на уроке, а уж на милонгах – танцевальных вечерах – тот, к счастью, не смотрит в ее сторону... Если бы великолепный Лео взял Ксению в объятия и понес по залу в стремительном, рваном ритме – у нее не осталось бы времени размышлять и рефлексировать. Ее умная, красивая голова наконец отключилась бы, а дивное тело... Ксения и Лео вместе смотрелись бы органично... Константина сильно передернуло. Надо учиться танцевать!

Поскольку продолжать пялиться на одну и ту же пару, хоть в ней и танцует любимая женщина, Константин счел неприличным, он вовсе оторвал взгляд от танцпола и медленно двинулся вдоль стен, рассматривая картины. Он не единожды видел и автора, и его произведения. Все же картины притягивали внимание. В основном это было нечто среднее между живописью и графикой. На темном фоне, где едва проступали смазанные силуэты каких-то предметов и людей, четкими, тонкими линиями – фигуры двух танцующих. Линии не изображали людей целиком – лишь угадывались знакомые танцевальные па, но в этих абстрактных фигурах были и динамика, и нежность. Одну картину Костя тут особенно ценил. Совсем другая стилистика: крупным планом живописный портрет танцующей танго девушки – только лицо и обнаженные плечи. Выражение полной самозабвенности – как удастся художникам такое передать?!

Он все-таки нет-нет да и поглядывал на танцующих. Усатый вцепился в Ксению намертво. Однажды та встретила взглядом с Константином – виновато улыбнулась. Во время очередного перерыва между мелодиями она вывернулась из-под руки партнера, придавившей ее плечо, что-то смущенно объяснила, указав рукой на свои ноги и неопределенно махнув головой в сторону друга. К Косте усатый Ксению не повел. Проводил до свободного стула, стоявшего у самой двери, – туда, «где взял». Как только бывший

партнер отвернулся, голубенькая фигурка вспорхнула со стула и направилась к Косте.

Ксения выхватила из кармана его пиджака веер, который сама же туда засунула, и принялась отчаянно обмахиваться. Ходить на милонгу без веера – признак неопытности тангеро или тангеры!

– Ну, молодой человек просто отойти от тебя не мог! – заметил Константин язвительно. На самом деле усатый был явно старше его самого – что-нибудь после полтинника.

– Молодой человек? – Ксения заливисто рассмеялась, глядя прямо ему в глаза. Взгляд был ласковым и теплым. Константину хотелось продлить удовольствие, и он снова поддразнил.

– Что ты смеешься? – спросил без улыбки. Ксения еще больше развеселилась. – Ну что ты смеешься?!

Ксения перестала смеяться и нежно чмокнула его в губы.

* * *

Официальное открытие московского международного тангофестиваля состоялось вчера. Новый – зимний – фестиваль обещал, судя по составу участников и количеству запланированных мероприятий, стать весьма масштабным событием. Открытие недаром приурочили к старому Новому году: на каникулы многие уезжают, да и Рождественский пост надо уважать. Теперь все в Москве, вышли на работу, но праздничное настроение еще сохраняется – самое время для танцевальной феерии! Народ валом повалит на мастер-классы приехавших всего на неделю знаменитых аргентинцев, на милонги и шоу.

Несмотря на воскресный день, шоу почтил своим присутствием посол Аргентины, традиционно сообщивший, что перед москвичами, российскими и зарубежными гостями мероприятия выступят действительно лучшие представители танго-культуры, известные и уважаемые на его родине танцоры. Неожиданно посол признался, что сам равнодушен к танго: его поколение в молодости считало танго устаревшей забавой пожилых, безнадежно несовременным танцем, короче, «отстоем». Еще неожиданнее он принялся превозносить русские народные танцы и всерьез укорять присутствующих за то, что они интересуются культурным наследием чужой страны больше, чем собственной. Видно, достали аргентинца эти обязательные – по несколько раз в год! – посещения фестивалей.

Его уважительная, но полная искреннего непонимания и скрытого пренебрежения к культуре танго речь возымела на Наташу запланированное дипломатом действие: она устыдилась и удивилась. В самом деле, почему бы, собираясь вечерами в клубе, не водить хороводы, не отплясывать барыню, кадрили? Но поскольку клубов русского танца все равно не существует – только самодеятельные ансамбли, где никакой импровизации – сплошное заучивание, то и говорить не о чем! Будем продолжать осваивать танго!

Хотя торжественное открытие состоялось воскресным вечером, свое название фестиваль «Танго новогодней ночи» оправдал только сегодня – большой милонгой в ночь с 13 на 14 января, под старый Новый год. Помимо танцев, ожидалось всяческие сюрпризы, конкурсы костюмов, розыгрыши призов.

Главная интрига праздника, прикрытая белым полотнищем с небрежно нашитой на него блестящей мишурой, ждала своего часа в торце главного танцевального зала клуба «Витанго» (полное название – «Витатанго» – редко кто произносил). В предпраздничные декабрьские дни этот зал оставался закрытым и из него доносились громкие звуки строительно-ремонтного происхождения. В каникулы клуб работал вяло: одна милонга да практики для немногочисленных энтузиастов. Наташа забрела разок. Главный зал так и оставался закрытым, хотя на сей раз хранил загадочную тишину.

Валентин Измайлов – хозяин клуба и один из главных предводителей московского танго-сообщества – в самом начале вечера объявил, что гостей ожидает грандиозный сюрприз, и попросил всех проявить сознательность: не заглядывать под белое полотнище раньше времени. Правду сказать, любители нарушать условия нашлись, и Наташа, не

терпевшая всяческих запретов и ограничений, оказалась в их первых рядах. Но ее постигла неудача. Измайлов, как оказалось, не полагался на честность гостей и прикрепил ткань мебельными скобками к полу и стенам. Не приподнять! По очертаниям тоже не угадать: огромный кусок материи попросту не имел никаких определенных очертаний.

Наташа танцевала, общалась с народом, участвовала в конкурсах и даже выиграла в лотерею майку с названием клуба, но любопытство распирало ее все сильнее.

Когда Измайлов остановил музыку, Наташа танцевала с Романом. Валентин попросил всех гостей выйти из зала, чтобы он мог спокойно подготовить к демонстрации обещанный сюрприз.

– Давай спрячемся и все увидим первыми! – веселым шепотом предложил Рома.

Наташа рассмеялась, захлопала в ладоши и запрыгала на месте, в восторге от предстоящего озорства.

В наступившей суматохе молодые люди, крепко взявшись за руки, пробрались к барной стойке. Рома прикрыл Наташу своим широким телом, и она юркнула под высокую стойку. С удобством разместилась среди коробок с кофе, чайными пакетиками, вином и всяческим «сухим кормом». Каким образом удалось незамеченным просочиться сюда же массивному Роману, осталось для нее загадкой. Однако на то он и бывший десантник!

Шаги и голоса довольно скоро стихли. Музыка громче зазвучала в холле, а над их головами – тише. Сильно хлопнула и клацнула запором дверь.

– Оксана, поставь дверь на «собачку», чтобы не вошли раньше времени, – слышался повелительный голос Измайлова.

Не видя самого Валентина, а только слыша его сильный и властный голос, трудно было представить, что он исторгается из довольно щуплой груди, что его обладатель худощав и невелик ростом.

Прямо над Наташиной головой – бар находился у самой двери – снова громко клацнуло. Стук шпилек удалился в противоположный торец зала.

– Открепляй с этой стороны, а я – здесь, – опять распорядился Измайлов.

Роман сжал Наташину руку своей огромной ладонью. Прошептал в самое ухо:

– Смотри!

И легонько потянул ее к себе.

Оказывается, между фанерными панелями стойки имелась узкая щель. Заглянув в нее одним глазом, Наташа увидела, как Оксана и Измайлов, орудуя какими-то небольшими металлическими предметами, отдирают от пола и стены мебельные скобы, держащие ткань.

Рома заботливо прижимал девушку к груди, чтобы создать ей максимальный комфорт, а сам сопел над ее макушкой: тоже приник к щелочке.

Невысокий Измайлов придвинул к сюрпризу стул, встал на него и теперь сумел дотянуться до самого высоко расположенного уголка материи. Еще пара отщелкнутых скобок – и полотнище соскользнуло вниз. Наташа и Рома одновременно ахнули.

– Как здорово! – издала Наташа полусшепот-полуписк. – Он настоящий?

Камин! Большой, черный, со светлыми изразцами, разбросанными по фронтому, с широкими дверцами прозрачного стекла.

– Похоже, – теплое Ромино дыхание приятно обдувало ухо, – вон же труба уходит вверх.

– Точно настоящий! Смотри!

Валентин Измайлов взял несколько чурочек из солидной поленницы, сложенной рядом с камином, аккуратно уложил их внутри и – о, сказочное чудо! – принялся поджигать!

– Как романтично, правда? Пустой зал, свечи, камин, и мы, как дети, прячемся в укромном уголке, чтобы первыми узнать секрет!

Рома по-прежнему держал Наташу обеими руками и, отстранившись от щели, близко-близко смотрел ей в лицо. Полные губы, приоткрытые в полуулыбке, оказались как раз напротив ее губ. Еще мгновение – и Рома, скорее всего, ее поцелует. Наташа была не готова к такому стремительному развитию событий и от неожиданности дала задний ход.

– Очень романтично! – подхватила она с энтузиазмом. – Интересно, как только ему удалось получить разрешение и куда он вывел дымоход?

Роман стремительно прижал палец к ее губам. Наташа затихла. Ужас перед разоблачением перебил страх от слишком стремительного сближения с очень симпатичным ей мужчиной.

Мягко простучали шаги: мужская танцевальная обувь – нежнее домашних тапочек. Клацнула «собачка». Из двери протянулась широкая полоса света, на секунду вернулись музыка и шум. Дверь опять прикрыта. В холле Измайлов громко объявляет очередной конкурс: на самую оригинальную и на самую близкую к истине догадку, что находится в танцевальном зале. А тут...

Каблуки быстро и решительно застучали в сторону барной стойки. У Наташи бешено заколотилось сердце. Конечно, ничего страшного. Но неловкости – не оберешься! Рома произвольно – или намеренно? – стиснул ее предплечья и припал к щели. Наташа не рискнула пошевелиться.

Шаги подобралась совсем близко. Спустя мгновение Рома ослабил хватку. Шаги стали отдаляться. Наташа поднырнула под Ромину голову, чтобы тоже что-нибудь увидеть.

Оксана уже вновь стояла у камина. В руках – бокал темного вина и бутерброд, кажется с ветчиной. Отщипнутые кусочки ветчины и хлеба полетели в огонь. За ними Оксана плеснула туда же вино из бокала. Огромный язык пламени взвился вверх и исчез в трубе.

Дверь с шумом распахнулась настежь, в нее, предводительствуемый Валентином Измайловым, повалил народ. Было видно, как каждый входящий замедляет шаг или вовсе останавливается у входа. Слышались восхищенные вздохи, возгласы. Басовитый мужской голос завопил:

– Я победил! Слышите, это я угадал!

– Приступаем к завершающему этапу операции, – прошептал Рома. – Готовься, я дам знак!

Он скользнул между коробок с вином и провизией, задержался у маленькой дверцы бара, приподнял голову над стойкой и в мгновение ока оказался снаружи. Наташа не сразу сообразила, что он отчаянно машет протянутой назад рукой: мол, выходи скорее, можно! Она рванулась вперед. Выскакивая через дверцу, сильно ударилась плечом о край стойки. Раздался звон посуды, все хлипкое сооружение мелко затряслось. Наташе казалось, что это должны заметить все. В довершение бедлама на нее напал неудержимый приступ смеха, и все тело завибрировало, усиливая колебания стойки и звон посуды. Но, когда она выпрямилась и очухалась, обнаружила, что все обращены спиной к ней, лицом к камину, и слышат только треск поленьев и обсуждают только не обманувший ожиданий сюрприз.

Оказывается, из-под прилавка, где Наташа – от спешки и растерянности – чуть не застряла, Рома галантно вытащил ее за руку. Теперь молодые люди, довольные и сюрпризом, и удавшимся озорством, так и держась за руки, двинулись вперед.

Слишком злобным был взгляд, хоть и брошенный искоса и сбоку, чтобы его не заметить. Оксана, пунцовая, с разметавшимися кудрями, в бешенстве сверкнула глазами на благодушную парочку. Однако, заметив, что Наташа удивленно воззрилась на нее, девушка мгновенно изобразила полное безразличие и отвернулась.

«Неужели она заметила, как мы вылезаем из-под стойки?! Она же была в дальнем конце, у самого камина, а потом люди все загородили. Она, наверное, только что пробралась к столику со своим наполовину выплеснутым бокалом... И вообще, посмеялась бы над нами, съязвила. Откуда такая ненависть?!»

Наташа крепко задумалась. Оксана – официальная помощница Измайлова, Наташа – непризнанная правая рука Коренева. Оксану знают и уважают все, она отлично танцует, она – при плотном телосложении – все же гораздо стройнее. Какая тут конкуренция? Значит, верно подметила некогда, что у Оксаны особые отношения с Романом. Но ведь это было давно. Последнее время Рома всюду появляется только один. Обсуждать деликатную тему с самым молодым человеком посчитала неэтичным и несвоевременным.

Рома нырнул в толпу и вернулся с двумя полными бокалами: Измайлов уже начал говорить тост.

* * *

– Дорогие танговиты и гости нашего клуба! Теперь мы хотим сделать еще один подарок всем присутствующим, – произнес Измайлов. – Перед вами выступит хорошо известная многим пара из Аргентины...

Хозяин клуба, как обычно, лениво растягивал слова и говорил без улыбки, но в глазах его светилось торжество.

– У него сейчас есть все шансы лопнуть от самодовольства! – мягко произнес над ухом у Ксении знакомый голос.

Она обернулась, досадуя, что прослушала имена танцоров, но радуясь встрече.

– Толя, привет! Где пропадал?

По традиции танговской тусовки собеседники приветствовали друг друга коротким поцелуем.

– В мерлихлюндии. Ты знаешь, что я расстался с Таей?

– Я не знала...

– Не скрою, мне это не просто далось. – Выразительные интонации приглушенного голоса. – Еще осень навевала тоску, как ей и положено... Но теперь я снова здесь, – глаза Анатолия масленисто блеснули, – и я снова в поиске идеальной партнерши!

Надо было бы как-то пошутить на эту тему, но Ксения смутилась. Когда она только начинала заниматься танго, Толя Юшко, высокий, крупный, с широченной кормой и тяжелым, шлепающим шагом, уже преподносил себя как опытного партнера, не почивающего на лаврах, а постоянно оттачивающего технику танца и подыскивающего подходящую партнершу из начинающих, чтобы воспитать ее и вместе идти к вершинам мастерства. Он активно флиртовал с Ксенией, как, впрочем, и с другими свободными партнершами. Ксения отвечала ему взаимностью, то есть флиртовала и с ним, и с другими: надо было выбираться из глубочайшей депрессии. Анатолий стал первым, с кем она пошла на милонгу. Она тогда едва умела выполнять простые шаги и фигуры, но Толик вел так уверенно и разборчиво, что танец, полный импровизации, им удавался, выходило с огоньком! Короче говоря, Юшко оставил у Ксении впечатление отличного партнера и совсем бесперспективного ухажера: был щедр на неопределенные посулы, но скуп на их выполнение и вообще на элементарные знаки внимания.

Впоследствии Анатолий нашел, наконец, свой идеал. Ходили слухи, что крутая, то есть невероятно продвинутая в технике танца, партнерша помогла его мастерству подняться на недостижимую для многих высоту. Толя полностью отказался от любимого им прежде принципа: «сколько бы ни было девушек, всех перетанцую!»

И вот великолепный Юшко вернулся! Он, как обычно, стремится быть для женщин на танцполе привлекательным и желанным не только в танце. Ксения напряженно соображала, как сохранить расположение хорошего – что редкость! – партнера и при этом не обидеть Костю, откровенно флиртуя с другим мужчиной. А еще – черт возьми! – все-таки приятно, когда тебя зачисляют в претендентки на роль идеальной тангеры!

– Разве так уж трудно найти новую партнершу?

– Трудно! Я рассматриваю варианты...

Ксения наугад выбрала первую попавшуюся на глаза тангеру из бойких и давних участниц сообщества:

– Баира, например? Она нарасхват!

– Она сама всех хватает и силком тянет на танцпол. За несколько лет в танго так ничему и не научилась. – Это прозвучало зло.

– У тебя на Баиру зуб?

– Боже упаси! Я остаюсь в хороших отношениях со всеми своими бывшими

женщинами.

– Значит, она тебе когда-то нравилась?

– Ошибки молодости. Наш роман пришелся на время учебы в университете. Год назад она вышла замуж за какого-то аспиранта. Правильно сообразила, что, когда перевалит за сорок, она уже никому не будет нужна.

– Антонина? – продолжила Ксения, заметив другую знакомую тангеру. – Уж у нее-то отличная техника!

– Мало удовольствия – танцевать с этой бешеной лошадкой.

– В каком смысле?

– Она совершенно не слушает. Сама несется куда захочет!

Ксения не рискнула продолжать перебор: слушать то, что говорил Анатолий, было совестно! Призадумалась: любопытно, какую гадость Юшко станет говорить кому-нибудь о ней самой?

Вступительные аккорды сменились сложной и красивой мелодией. Участники милонги расселись на полу и стояли вдоль стен, а в центре образованного людьми круга по танц-полу металась в тесных объятиях красивая пара миниатюрных, хрупких аргентинцев. Ксения печально оглянулась: свободных мест, чтобы присесть – хотя бы на полу – и все видеть, не осталось. Ладно, кажется, это не надолго. Наконец, удалось сосредоточиться на зрелище. Она восхищенно ахнула, когда партнерша с невероятной скоростью и четкостью выполнила серию сложнейших шагов.

– Ты тоже так сможешь! – проворковал на ухо окрыленный ее смущением Юшко.

Ксения сдержанно улыбнулась. Хотелось ехидно поинтересоваться: «Под твоим чутким руководством?» Но она смолчала.

– Красиво загорела! – не унимался Анатолий. – В каких краях?

Ксения предполагала, что Костя, которому сейчас не пробиться к ней и которого она даже не находит взглядом в густой толпе, вполне возможно, видит ее. Ему наверняка тревожно наблюдать, как она улыбочиво шепчется с молодым мужчиной. Впрочем, она не делала решительно ничего плохого! Смотреть же красивых аргентинцев ей не особенно хотелось: ноги после двухнедельного перерыва сами просились в пляс, а голова охлаждала их пыл, напоминая, что такой техникой ей не овладеть никогда. Ксения повернулась к Толе:

– Спасибо за комплимент! Еще позaproшлой ночью я находилась на Шри-Ланке.

– Дело хорошее! – Юшко оживился. – Сколько, если не секрет, стоит это удовольствие?

Вот и повод мягко расставить все точки над запятыми!

– Не секрет. Но я не знаю.

Анатолий ничуть не смутился:

– Вот даже как! Ну, правильно! Это очень хорошо! Иначе зачем тогда все это танго, верно?!

– Вот именно! – Ксения засмеялась и, чтобы избежать уточняющих расспросов, перехватила инициативу беседы: – Толик, а ты-то как? Говорят, у тебя невероятные успехи в танго!

Анатолий, в свою очередь, скромно потупился:

– Я многому научился. Но с Тасей было невозможно... То, что она танцевала, – это было не танго!

– Должно быть, ты сам уже созрел до того, чтобы делиться мастерством! Не собираешься ли открыть свою школу?

Ксения думала, что шутит, подкалывает собеседника, но тот живо подхватил с нарочитой небрежностью:

– Возможно. Даже вероятно, что где-то через полгода я открою свою школу!

–хлопотное занятие! Не мешает основная работа? Ты все там же, все тем же?

– Нет. Ушел со всех работ.

– А жить на что? Станешь зарабатывать частными уроками танго?

– У меня достаточно средств. Я кое-что скопил. Хватит даже на то, чтобы съездить на

Мальдивы. И тебя с собой взять!

Ксения задыхнулась от неожиданности. Потом на язык прыгнул вопрос: «Это приглашение?» Очень хотелось узнать, что Анатолий ответит, как далеко он готов зайти в раздаче авансов. Она покатила вопрос во рту и успешно проглотила. Не вышло бы как в анекдоте про английскую королеву: «Вот видите, ваше величество, вы уже торгуетесь!» И вообще, стало как-то неприятно, хотелось скорее отодвинуться от восходящей звезды танго-культуры. Она вновь как бы застенчиво потупилась. На самом деле до Ксении в этот момент доходил оскорбительный смысл реплики Юшко.

– Толя, извини, я отойду!

И она скользнула вон из зала – благо стояли рядом с выходом! Решила по возвращении сразу пробираться к Косте.

На обратном пути из туалета Ксения нос к носу столкнулась с аргентинцами: те направлялись в раздевалку – переодеться к новому номеру. Вслед за ними – неотлучный гид: жена Измайлова, кажется Нина. Толпа в зале вновь рассредоточилась по танцполу, и высокая Костина фигура в праздничной белоснежной рубашке сразу стала видна. Ксения направилась к нему, но на полдороги невольно остановилась: что-то происходило в зале, обстановка стремительно менялась. Она, наконец, услышала громкий голос Оксаны – партнерши Измайлова, его помощницы на всех уроках: Оксана намеренно перекрикивала шум. Разговоры смолкали. Все поворачивали головы в сторону камина.

Оксана стояла с бокалом в руке. Она произносила тост. Лицо покраснелось, девушка сбивалась, спотыкалась на труднопроизносимых словах. Невозможно было определить: то ли волнуется, то ли успела немного захмелеть.

– Нам не хватает техники, – продолжала она речь, начала которой Ксения не слышала. – Ну, кого из нас можно поставить рядом с этими аргентинцами?! А у них, между прочим, средненький уровень! Шоу Себастьяна, кто помнит... Все помнят!..

Из зала пришла шумная поддержка:

– Помним! Конечно, помним!

– Спасибо! Ну вот, Себастьян куда круче!

Девушка повыше подняла бокал.

– Давайте учиться, перенимать тонкости, чтобы было не стыдно!

– Оксана, давай тост пооптимистичнее! – весело и дружелюбно попросили из толпы. – Что мы в танго – нули без палочки, мы и так знаем!

– Козлы без рогов, – добавил густой бас, тоже добродушно-шутливый, но на его обладателя покосились неодобрительно.

Ксения заметила, что один человек слушает дурашливую перепалку с каменным лицом – хозяин клуба, Валентин Измайлов. Он стоял у камина в двух шагах от Оксаны. Недовольство его росло с каждым произнесенным словом. Последней реплики он не перенес.

– Я надеюсь, – протянул ледяным тоном, пристально уставившись в глаза плечистому приземистому мужчине средних лет, только что неудачно упомянувшему козлов, – ты не имел в виду всех присутствующих?

– Нет, к дамам не относится. – Бас искренне смутился, и его попытку сгладить неловкость новой шуткой народ поддержал ободряющими улыбками, но тяжелый взгляд Измайлова быстро их погасил. – Я, вообще, себя имел в виду... прежде всего! – сдался бас, явно не настроенный конфликтовать.

Валентин медленно перевел глаза на Оксану, от которой все по-прежнему ждали тоста. Девушка скорчила в сторону шутника выразительную физиономию, на которой зрителям следовало прочесть сострадание за перенесенную им публичную порку и решительное осуждение – за отказ от дальнейшей борьбы. Потом быстро обернулась к Измайлову:

– Валентин, да ко всем это относится, и к преподавателям! Мы ленимся, мы не учимся новому. Прибыль – это в танце не главное!

Лицо хозяина клуба вновь окаменело.

– Короче... Ребята! И девушки! Как скажет наш уважаемый предводитель, дорогие

танговиты и гости! Я желаю нам всем настоящего аргентинского танго. Чтобы вот... как огонь в этом камине! И хороших учителей!

Народ с облегчением принялся чокаться пластиковыми стаканчиками. Тишина начала разбавляться репликами и смехом. Но так хорошо знакомый присутствующим тягучий голос Измайлова слышали все:

– А кому что-то не нравится в нашей системе преподавания, может уходить. Я не задерживаю.

Многие изумленно обернулись. В том числе и Ксения, которая вновь двинулась к Косте, заботливо державшему второй стаканчик с шампанским – для нее, и призывно, но с осторожностью помахивавшему им в воздухе.

В первый момент Ксения испытала облегчение, заметив, что Валентин не смотрит в зал, а пристально уставился на Оксану. Лицо девушки пошло красными пятнами. Она залпом допила шампанское. Казалось, что она сейчас разразится во всеуслышание новой тирадой, гораздо менее безобидной, чем тост. Но тут в зал впорхнула Нина – и объявила, что танцоры подготовились к новому выступлению. Рассаживаясь вдоль стен на паркете, нарядная публика с веселым любопытством, но вполголоса обсуждала ссору Измайлова со своей верной помощницей.

Занять место на полу в первом ряду зрителей Ксения не успела. А долго стоять на ногах для нее с детства было мукой. Пройти пешком налегке километров десять – это с радостью! Но простоять десять минут подпирая стенку – увольте! Удобно стоявшие стулья расхватили. Костя, у которого была такая возможность, почему-то не поторопился занять ей место. Тогда она решительно направилась к неудобью, увлекая за собой Костю. Хотела просто опереться о стул коленями – все полегче будет! Но Костя сел сам, а ее пристроил к себе на колено. Теперь он мало что видел за спинами и затылками, но Ксения, оказавшаяся повыше, получила вполне приличный обзор.

Прочное, удобное бедро, теплая, широкая грудь, к которой она прислонилась, крепкая рука, поддерживавшая ее плечо... С Костей так уютно и просто! Он сильный, надежный! Мечта любой женщины... Только теперь, отогреваясь у него на руках, Ксения заметила, что открытая спина, грудь, ноги в тонких колготках замерзли в полуподвальном помещении, где окна по случаю праздничного скопления народа были приоткрыты и атмосфера соткана из сплошных сквозняков.

– Костя, тебе в бок не дует? Ты же сидишь почти под самым окном! Накинул бы пиджак!

– Все в порядке! Мне жарко. Смотри, чтоб тебя не продуло.

– Мне с тобой тоже жарко!

– Врешь?

* * *

Маленьким аргентинцам долго восторженно хлопали. Они станцевали на бис. Измайлов, выступавший на этой милонге не только хозяином, но и диджеем, выбрал мелодию с незнакомого им диска – быструю, но с четким ритмом. Танцоры выдали блестящую импровизацию и вновь сорвали бурю аплодисментов. Ко всеобщему удовольствию оказалось, что шоу еще не окончено. Под новую – медленную – мелодию аргентинец протянул руку Нине и аккуратно повел ее, постепенно усложняя танец. Вторую часть длинной песни он танцевал с Оксаной. Вот теперь аргентинцы удалились переодеваться, как обычно в сопровождении Нины. Публика, еще переживавшая увиденное, неохотно, медлительно приходила в движение, когда Оксана, оставшаяся в центре круга, подскочила к Измайлову и звонко крикнула:

– Станцуй так же, как он! Станцуй со мной! Покажи класс!

– С тобой? – Валентин надменно поднял бровь. – Ты видела, *как* Баутисто танцевал с тобой?

Лицо девушки вновь пошло красными пятнами.

– Станцуй хоть с кем-нибудь! С его партнершей! Попробуй сделать это лучше него, если не можешь так же!

– Я уже сказал. – Измайлов пренебрежительно усмехнулся и продолжал в гробовой тишине: – Те, кому что-то не нравится, могут здесь не задерживаться.

Оксана открыла и закрыла рот, глядя снизу вверх, облила своего учителя и партнера напалмом презрения, неожиданно быстро наклонилась и сорвала с ног алые туфли на высоченной шпильке. В этих туфлях она всегда приходила на уроки. Распрямившись, швырнула их на пол и босиком, с великолепно выпрямленной гимнастической спиной, среди растерянного молчания пересекла зал. В дверном проеме обернулась, в полной тишине произнесла негромко, явно рисуясь:

– Думаешь, я уйду – и на этом все закончится? Они сейчас молчат. Но рано или поздно от тебя уйдут все!

Валентин, казалось, с облегчением проводил ее взглядом. Народ продолжал изумленно безмолвствовать. Крепкий парень с лысиной во всю макушку и хвостиком на затылке поднялся в дальнем углу, пробрался к двери. Проходя мимо брошенных девушкой туфель, с сомнением покосился на них и двинулся своей дорогой.

Измайлов опустил глаза на красные туфли. Неторопливо, с достоинством, будто исполнял специально придуманный номер, наклонился, безгловым жестом поднял туфли, безгловым оглядел их, держа на весу. Всем, кто стоял поближе, стало видно, что туфельки старые, потертые, с сильно стоптанной, едва не до дыр протершейся подошвой. Коротко размахнувшись, Валентин швырнул туфли в камин. Легкий вздох пронесся по дрогнувшим рядам любителей танго.

– Вот такие у нас аргентинские страсти, – бросил Валентин, демонстративно отряхнул руки и неторопливо направился к бару.

Пламя, плясавшее на поленьях, отступило от прибывшего его предмета. Долго, осторожно приближалось, пробовало туфли на язык, вновь отскакивало, шипя и отплевываясь. А потом внезапно вспыхнуло, охватив их целиком. Красная кожа мгновенно растворилась среди огненных всполохов. Затем туфли почернели и стали терять форму. По залу распространился запах горелой кожи, резины, какой-то синтетики; пополз над паркетом, потянулся к открытым окнам едкий сизый дым.

Двое-трое мужчин бросились отдергивать шторы и распахивать еще шире расположенные под потолком окна. Остальные тангерос и тангеры, не сговариваясь, повалили в просторный холл – пережидать газовую атаку на безопасном расстоянии.

Костя боролся с желанием спросить Ксению, не находит ли она атмосферу праздника безнадежно испорченной. Умная женщина поймет, что он хотел бы уйти, и сама предложит покинуть милонгу. Но, пока она не устала от танцев, Ксению уводить опасно: расстроится и будет через силу бодриться и изображать приветливость.

– У них что, более серьезные отношения, помимо деловых? – поинтересовался он.

– Ты про Валентина и Оксану? Совершенно точно нет! Измайлов слишком умен и расчетлив, чтобы устраивать такое под носом у жены.

– То есть она взвилась только из-за того, что с ней не согласились?

– Ее практически выгнали!

– Ничего подобного! Он сказал вообще, кому сильно не нравится, может уйти. А она... даже туфли с ног посрывала. Какая темпераментная девушка!

– Я не понимаю: ты восхищаешься ею или осуждаешь?

Костя смущенно пожал плечами.

– Просто констатирую факт. Она, к сожалению, не в моем вкусе.

В холле звучала музыка. Возбуждение от недавнего инцидента постепенно улеглось, некоторые пары начали танцевать прямо здесь. К Ксении подошел молодой человек, недавно догонявший среди немой сцены взрывную Оксану. Застенчиво улыбнулся пухлыми губами, задал традиционный вопрос: «Ты танцуешь?» И расцвел всем своим круглым, добродушным

лицом, когда она ответила утвердительно. Костя опять отметил – на сей раз с удовольствием, – что у парня на голове красуется огромная, во всю макушку, лысина. Жених ли он там чей-то, нет ли...

* * *

Рома лавировал между людьми, ведя Ксению за руку. Он искал место, где можно было бы начать танцевать.

Ксения поинтересовалась, подошла ли Роману для работы в тренинговом центре девушка, которую недавно направила к нему. Некоторое время назад выяснилось, что Рома тоже психолог, возглавляет тренинговую службу в серьезной компании. Когда тот пожаловался, что не может найти специалиста, Ксения направила к нему свою бывшую сотрудницу – очень толковую. Рома смущенно ответил, что с девушкой все некогда встретиться: то командировки, то работы завал, а вечерами вот танго.

Места все не находилось. Он в отчаянии предложил:

– Пойдем в зал! Там, наверное, уже проветрилось.

Ксения мимолетно подумала о распахнутых окнах, но решила рискнуть: Рома своей массой прикроет ее от любого сквозняка. А ведет он интересно: музыкально, разнообразно. При этом не переходит границ ее крепкого среднего уровня: не делает ничего слишком тонкого, пугающе непонятного. Зато скорость и неожиданность в шагах! Пусть у него будет простор!

Они вошли в зал и замерли на пороге. Он, оказывается, не был пуст! Одна пара уже танцевала здесь – среди едкого, но с каждой минутой слабевшего запаха гари и острого холода. И какая пара!

Когда из камина повалил дым, первым бросился открывать окна Корнев. Да так, видно, и остался в зале. А вот когда и зачем вернулась сюда Оксана?!

Лео мог танцевать отдельно под любой из инструментов, свивающих мелодию танго. Он идеально слышал перебои ритма, внезапные удвоения, неожиданные паузы – и обыгрывал их: остановкой, замедленным, бесконечно тягучим шагом, пулеметной очередью коротеньких вертлявых шажков. То он проделывал все это сам, вынуждая партнершу замереть на месте, то, наоборот, вальяжно приостановившись, крутил ее корпусом, заставляя, будто невольно, высоко подбрасывать ноги, с немыслимой скоростью бежать извилистым маршрутом вокруг него. Партнерше, оказавшейся с ним в паре, требовалось не только знание богатого ассортимента движений, но также высокая чувствительность – чтобы распознавать самые разнообразные и неожиданные «команды», подаваемые неуловимыми поворотами корпуса, и хорошая скорость реакции – чтобы вовремя эти «команды» выполнять. На милонгах Лео почти без исключений выбирал себе в пару стройных, длинноногих женщин. Но лишь тех, что умели виртуозно танцевать и чутко его слушаться.

Помимо великолепной техники и музыкальности, у Лео была своя изюминка. Он вечно сохранял в манере танца некоторую ленивую небрежность и в каждом своем танго оставался остроумным шутником. Утрированное движение, едва уловимое кривлянье, легкая гримаса на лице подчеркивали неожиданные ходы и намеренные несуразности его танца. Он мог и с абсолютно серьезным видом поставить партнершу в несколько непристойную, но изящную позу и встряхнуть – так, чтобы мелко затряслись прекрасные формы. Он не придумал сам ни единого па – использовал только достижения аргентинцев. Но, следя именно за его танцем, зрители порой покатывались со смеху.

Для того чтобы понравиться Лео на танц-поле, Ксении не хватало быстроты реакции и уверенности в себе. Порой она, хоть и чувствовала, чего хочет от нее учитель, не решалась сделать непривычный шаг, казавшийся неправильным, противоречащим всем усвоенным прежде стандартам. Лео определенно симпатизировал элегантной, контактной ученице с ладной фигурой, но больше одного танца – и то во время урока – на нее не расходовал...

Мелодии гасли и вспыхивали вновь, сменяя друг друга, а Корнев не выпускал из рук

нынешнюю свою партнершу. Он танцевал с Оксаной крайне редко: девушка небольшого росточка, плотненькая была не в его танго-вкусе, да к тому же – помощница главного конкурента в борьбе за умы и ноги начинающих тангеро.

Из танцзала, где по-прежнему были открыты все окна, несло стужей – и камин ни капельки не спасал! Глубокий вырез темно-бордового платья на спине Оксаны прикрывал дымчатый шарф. Она танцевала босиком.

– Какой молодец Лео, что вернул Оксану! – сказала Ксения, обернувшись к своему спутнику.

Рома не реагировал ни пожатием плеч, ни шевелением бровей. Глаза его затуманились, черты рыхловатого лица размягчились более обычного. Рука болталась вяло и расслабленно, и Ксения заметила, что не Рома, а она сама по инерции сжимает его ладонь в своей.

Раньше Роман и Оксана крепко дружили: вместе – на милонги, вместе – на все уроки. Ксения училась в другой группе и пропустила момент, когда ребята расстались. Тогда казалось, что Оксана проявляет больше заинтересованности в общении, да и после охлаждения отношений Рома не был замечен в закидывании бывшей возлюбленной нежными взглядами. И вот теперь вдруг обнаружилось, сколь небезразлична ему девушка!

Прошло еще не меньше десяти секунд до того, как Рома вздрогнул и обернулся. Взгляд медленно обретал осмысленность и одновременно становился смущенным.

– Извини, пожалуйста! – Роман всегда отличался трогательной вежливостью. – Я задумался... Засмотрелся. Так красиво, правда?

Ксения едва успела кивнуть и вновь перестала для него существовать. Осторожно отпустила Ромину руку, не желая мешать ни ему, ни самозабвенно танцующей паре. Сделала было шаг назад, но задержалась, стоя уже за порогом. Несостоявшийся партнер даже не обернулся, а Ксения продолжала вглядываться в зал из-за его спины.

Так странно изменился Корнев! Его всегда желтовато-бледное лицо буквально пылало. Он, как обычно, виртуозно обыгрывал мелодию танго, и даже плотненькая Оксана казалась в его руках ковыльным перышком, пляшущим язычком пламени, не имеющим ни веса, ни массы. Только был он необычайно сосредоточен. В любой другой раз Лео обязательно подмигнул бы робкой парочке, застрявшей на пороге танцзала, сделал бы переднее болео в их сторону, то есть со всей силы махнул свободной ногой партнерши перед самым носом у Романа, а в перерыве между мелодиями мог бросить остроумную и едкую реплику. На сей раз он не обращал на вошедших никакого внимания – будто не видел! Но и со своей партнершей он не шутил! Лицо оставалось отчужденным, движения – четкими и скупыми. Он не играл, не забавлялся танцем, а вкладывался в него без остатка – впервые на памяти Ксении! Оксана же уткнулась лицом в его плечо – густые и длинные черные волосы разметались по его рубашке – и ни разу не повернула головы, какие бы пируэты ни выделявали ее ноги. Может, плакала навзрыд, и по светлой рубашке Корнева расплывалась черная тушь, перемешиваясь с румянами? Пара ни разу не разомкнула тесных объятий, что также было нехарактерно для танцевальной манеры Лео.

В полутемном пустынном зале мерцали огоньки десятков свечей, камин ярко разгорелся, он успел без остатка переварить старые туфли. Сквозняк полоскал плотные шторы, хлопал ими со всей силы, поднимал так высоко, что становилась видна темнота за распахнутыми настежь окнами – будто жаркой летней полночью, если забыть о холоде! Среди отсветов живых огней и полета занавесей пара смотрелась романтично, таинственно.

Ксении почудилось, будто она созерцает сцену слишком интимную, не предназначенную для чужих глаз. Она ушла и, оказавшись в холле, немедленно отобрала у Кости пиджак.

* * *

Сгусток живого счастья, облеченный в стройное тело и приятное, улыбочивое лицо, носившие имя Ксения Царева, аккуратно прошагал на высоких шпильках в сторонке от

Виталия – по направлению к раздевалке. Об руку с женщиной – мужчина – тугой узел, сплетенный из гордости и желания, силы и тревоги: Константин. Виталию было очевидно, что Костя доживает последние холостяцкие дни, хотя сам еще не догадывается об этом. Виталий тоже сомневался бы, даже если бы его женщиной была Ксения Царева! Тем не менее он проводил уходящую парочку привычным вздохом и дежурной мыслью: «Когда же у меня-то жизнь наладится?»

Было немного досадно, что Ксенька, с которой больше года отзанимались в одной группе, с которой так увлеченно обсуждали вопросы трансперсональной психологии, которая весь прошлый новогодний праздник доверчиво проплакала в уголке танцзала в его плечо, рассказывая о своей несчастной любви¹, сейчас не отыскала его взглядом, чтобы кивнуть на прощание. Виталий еще раз вздохнул.

Спать хотелось отчаянно. Глупо было во втором часу ночи пить третью чашку кофе и нарываться на дичайшую аритмию. Пора ехать домой. Перед отъездом, ясное дело, следовало протанцевать последнюю *танду*, в просторечии – «блок»: четыре собранных вместе в непрерывную запись мелодии. Длинная, худощавая – жердь жердью, если бы не двигалась так великолепно! – Лера Петрова обнаружилась сразу: ее стриженный перышками затылок возвышался над головами беседующих и танцующих. Лера на высоких каблуках была ростом вровень видному Виталию!

В зале было темно и пустынно, и Виталия туда совсем не тянуло, хотя он терпеть не мог танцевать в тесной толпе. Кто же это любит!

– Ну, как твои поиски, Виталик?

Он понял, что Лера имеет в виду.

– А я и не ищу. Где искать-то? И как?

– Ты, Виталик, рисуешься просто! Посмотри, сколько вокруг женщин! Симпатичных, умных, свободных...

– Это не женщины! – парировал Виталий. Он примерно знал каждую следующую фразу полужутливого диалога.

– Как не женщины? – опешила собеседница. – Что ты имеешь в виду?

– Потому что вместо того, чтобы просто дать, они пускаются в какие-то никому не нужные рассуждения: зачем, когда, на каких условиях!

– Виталий! Но ты же говорил, что тебя давно перестали устраивать связи на уровне провинциального санатория!

– Перестали.

– А если женщина дает сразу и без рассуждений, это и есть санаторий!

– Нет, я поднимаю планку! – твердо заявил Виталий, вовсе не намеренный при этом соглашаться с Лерой.

Однако та просияла:

– То-то же! Обрати внимание вон на ту, черненькую. – Она махнула головой в сторону пухленькой хохотушки Наташи, помощницы Коренева. – По-моему, она неравнодушна к мужчинам, и у тебя есть шанс! Она не производит впечатления безмозглой.

В углу располагался столик, на котором каждый из участников рождественской милогги оставил свое угощение: тортики, домашние пироги, конфеты, вино. Бережно взяв Наташу за руку, ее как раз в этот момент подводил к столику полный молодой человек с хвостиком на затылке – Виталий сейчас не сумел вспомнить имя – из фанатов – «добровольцев». Он прежде учился у Измайлова, теперь все чаще захаживал к Лео. Наташе последнее время определенно нравилось с ним заниматься, и Виталию доставалось от талантливой девушки меньше внимания и помощи, чем прежде. Он посмеивался, молодежи старался не мешать и чаще для разъяснения сложных моментов теребил самого Коренева. Виталий проследил взглядом, как толстячок заботливо обеспечивает свою спутницу едой и

¹ События, происходившие с Ксенией Царевой в ту зиму, описаны в романе «Повелитель ветра».

выпивкой. Наташа, против обыкновения, не заливалась смехом через каждое слово, а мягко, нежно улыбалась кавалеру.

Виталий иронично повел бровью и вернулся к беседе:

- Наташка – ведущий программист в какой-то крупной фирме.
- Да, я забыла, что вы занимаетесь в одной группе! Так в чем же дело?
- Она не в моем вкусе. Я же говорил: не люблю брюнеток и толстушек!
- Предпочитаешь белые перья и строгие формы, вроде моих? – поддела Лера.
- С замужними бесперспективно: я, кажется, хочу нормальную семью.

Виталий уклонился от истины. Не в перспективах дело. Худошавое, скуластое, несколько «лошадиное» лицо Леры тоже не возбуждало его воображения. Зато с Петровой классно дружить и танцевать, как раз потому, что она вовсе не навязывается в ином качестве!

– Ты, друг мой, как я вижу, слишком привередлив! Это заставляет сомневаться: хочешь ли ты вообще... чего-то?

– Чего-то – точно хочу!

Виталий, резко отшагивая назад, увлек за собой и слегка развернул партнершу, ее нога автоматически обвилась вокруг его колена. Получилась эффектная концовка под последний такт мелодии. Умница Лерка: не подвела! Крутнул-то он, если честно, коряво.

Ритм сменился – в новой мелодии он был скорым и четким. Милонга – быстрое танго, требующее хорошей разворотливости и иного типа движений. Из учеников старшей группы только глубокоуважаемый друг Сергей Травкин справлялся с исполнением милонги еще хуже. Но разве такое утешает? Травкин нерегулярно ходит на уроки и вообще по другой части. Кто бы знал, как основательный, неторопливый Виталий не любил танцевать милонгу! Его бывшая партнерша знала. Он так мучительно и невпопад дергал ее под торопливые аккорды милонги.

Ее звали Света. Она была активна в постели, пекла вкусные пирожки, изъяснялась пошлыми шутками и банальными суждениями, но у нее был ласковый и теплый взгляд. Виталий настраивался серьезно, однако в капризах Светланы, необоснованном надувании губ и отстранении вновь заблестел глуповатыми масляными глазками «санаторий». Из-за нее Виталий упустил Ксению. Впрочем, Бог, значит, не дал!

Виталий прилежно учился, честно осваивал и милонгу, но для завершения танцевального вечера это тяжеловато! Тем временем тело, приученное ходить под музыку, сделало первые короткие и быстрые шаги. Легкость, с какой Лера послушалась – или, как принято говорить среди любителей танго, «повелась», – выглядела как издевательство. Виталий остановился. Пропустил два такта, еще два. В голове звенела пустота, тело напрасно ждало хоть каких-то команд от высшей нервной системы и, не получая ни единой, погружалось в нирвану.

Мимо, подскакивая и подергиваясь, промелькивали пары. Виталий перестал понимать, что нужно делать и зачем. Такты утекали катастрофически быстро; секунды – гораздо медленнее! Лера заглянула ему в лицо, ее глаза выражали поддержку и желание помочь. Виталий не ждал помощи и не нуждался в ней. В голове проносились пустые мысли, бесхозные наблюдения.

Вот партнер ближайшей пары в повороте толкнул Леру плечом. Не сильно, она даже не качнулась. Вот рядом оказались Наташа с Романом – теперь Виталий без напряжения вспомнил имя толстого танго-фаната с хвостиком – нового Наташиного любимца. Они приостановились на месте: Рома довольно умело побуждал Наташу крутить болео, из которых ее нога с легкостью улетала в ганчо. Целая серия глубоких красивых волькад. Молодые люди громко разговаривали, чтобы перекрыть голосами музыку.

– Золушке пора покинуть бал: через полчаса закроют метро на вход.

– А пересадка?

– Я по прямой. Только до дому идти дворами страшно. Но я привыкла... А тебе далеко добираться?

– Далеко, за город. Но у меня есть *машинка!*..

Рома стремительно повел Наташу вперед. Виталий качнулся в том же направлении – Лера неуверенно сделала короткий отшаг назад, но ее партнер вновь стоял как вкопанный.

Вновь – по касательной к сознанию – образы, ощущения, звуки.

Из двери зала несет ледяным сквозняком – прямиком в поясницу – верный радикулит. Правым глазом видно: в зале темно и горят свечи. Знакомый силуэт вырос на пороге.

Теперь остро захотелось уйти. Любым шагом – не обязательно танговым. Лишь бы оказаться в другом месте, подальше. Но ноги намертво прилипли к полу. Сострадание победило желание бежать немедленно от печального и пугающего зрелища, неуместного здесь, среди беззаботности танцевальной вечеринки. Виталий открыл рот, чтобы спросить Лео, что с ним случилось и не нужна ли помощь, но слова не шли: горло перехватило, будто от порыва стужи.

– Что с тобой? – Уравновешенная и не склонная к панике Лера теперь смотрела на Виталия с откровенной тревогой. – Нехорошо?

– Кому? – упрямо уточнил Виталий, отказываясь верить, что вопрос обращен к нему. При чем тут он?! Горло все еще плохо повиновалось, и он выразительно закивал в сторону медленно бредшего вдоль стеночки Коренева.

– Он!.. Посмотри!.. – наконец удалось ему выдать из себя.

Лера послушно обернулась, но Лео уже скрылся в коридоре, ведущем к раздевалкам и выходу. Она с еще большей тревогой воззрилась на Виталия, вцепилась в его плечи с явным намерением удержать большое тело от падения.

– Подожди. Извини! Я сейчас...

Оцепенение уходило медленно, постепенно. Он шел к раздевалкам, искренно желая поторопиться, но ускорение не давалось ему так же фатально, как удвоения и утроения коварной милоны. Впрочем, куда Лео денется в таком состоянии? Вот уж подходящее к случаю выражение: краше в гроб кладут! Он в раздевалке или в туалете.

Коренев не обнаружился ни по первому адресу, ни по второму, ни за дверями гостеприимного подвала, куда Виталий выскочил, едва накинув куртку. Рвануть по морозу к автостоянке? А если Лео оставил машину за углом? Или прибыл сегодня пешком и теперь ловит такси на другой стороне улицы? Мелкие колючие снежинки впились в кожу лица и не защищенной ни шарфом, ни воротником шеи. Виталий ретировался в подвал, постукивая зубами, достал мобильный телефон.

Вздрогнул от незнакомого низкого женского голоса, нежного и чувственного, пожелавшего ему спокойной ночи. Обернулся. Наташа! Об руку с тем толстым парнем, бывшим десантником, – опять забыл, как его зовут! Не только голос – Наташа и внешне преобразилась: и без того прямые от хореографических занятий плечи гордо расправлены, пышная грудь вздымается, на щеках играет румянец, темные глаза весело блестят. Хорошенькая! Можно бы и наплевать, что брюнетка, только поздно: девушка плавится от удовольствия, заполучив кавалера! Виталий тепло распрощался с молодыми людьми – безо всяких двусмысленных взглядов и намеков: зачем их смущать? Еще спугнешь ненароком едва нарождающийся роман! Пусть хоть кому-то хоть однажды по-настоящему повезет в этом подвале!

– Рома, я так рада, что ты меня подвезешь!

Наташа с кавалером чинно поднимались по крутой лестнице.

– Правда, не представляю, каким образом теперь проникнуть в дом! – Помощница Коренева мелодично рассмеялась.

– Как ты это делаешь обычно? – невозмутимо уточнил мужчина.

– Обычно я не забываю ключи! Родные уже глубоко спят; совестно их будить. А твоего возвращения кто-нибудь ждет по вечерам?

– Моя мама живет в Дубне...

В трубку, по-прежнему прижатую к уху Виталия, наконец, ворвался уличный шум и гул ветра, перекрывая знакомый голос.

– Ну, ты пошел спать? – осведомился Виталий нарочито бодро. С трудом расслышал утвердительный ответ. – Что же ты, мимо идешь и даже не прощаешься?!

Сквозь шорохи донеслось обрывочное:

– Извини... Тебя не заметишь... Больше никогда...

Показалось, в заглушенном шумами голосе прозвучала привычная ирония.

Виталий наскоро попрощался и дал отбой. О помощи его никто не просит – вот и ладно! Почудилось что-то, все в порядке!

Вторник. Две ночи Милонгеро

*В этот рай, где было больше слез, чем смеха,
Где гостит так часто слово «грусть»,
В этот рай, где было больше тьмы, чем света,
Милый друг, никогда я не вернусь.*

И. Богушевская. Прощай!

– Ну, выходи! Боишься, сука?!! Е... т... м...! Всех из калаша положу!

Между пьяным матерщинником и двумя обнаженными телами не было преграды. Газовое отопление работало на совесть, и окно было приоткрыто, а дебошир стоял прямо под ним. К счастью, на окне поставлена крепкая решетка. Но голосу решетка не помеха!

Пришелец то орал, то лупил в дверь. Дверь тоже очень крепкая, в железной раме, да еще двойная, и заперта на ночь на два замка. Но от звука ударов казалось, что обе двери легко проломятся, слетят с петель. Еще точнее: казалось, что лупят по двери не снаружи дома, а изнутри и что крик раздается прямо здесь, в маленькой, аккуратненькой комнате загородного дома.

На улице царил пасмурная, беззвездная ночь, обильно подсвеченная уличными фонарями, высветленная, насколько возможно, не слишком обильным снегом, но все же темная и по-сельски глухая. Роман припал к окну, высунувшись между плотными шторами и без стеснения предоставив Наташе созерцать свой несколько раскормленный тыл. Тут уж не до стеснения, разумеется... Наташа села на кровати, лишь до пояса прикрытая одеялом. Ей и вовсе смущаться не приходилось: Рома ее сейчас не видит. Они не зажигали света, не разговаривали и старались двигаться бесшумно. Наташе хотелось, чтобы Рома хоть что-нибудь шепотом, жестами ей объяснил, распорядился, как действовать. Но тот не двигался, не отлипал от окна.

Наташа от полной своей непригодности в деле защиты и чтобы как-то справиться с шоком, разбиралась в овладевших ею противоречивых чувствах. С одной стороны, она пока воспринимала ситуацию как относительно безопасную для собственной жизни и здоровья: если голос пьяного дебошира и разгуливает по дому, то самому отморозку сюда не добраться. С другой стороны, кто знает, что он учудит в следующую минуту: начнет и впрямь стрелять в окно из автомата, подожжет дом начиная с двери... Почему-то Наташе казалось, что из всех этих ситуаций найдется довольно простой выход. Она хладнокровно просчитывала варианты спасения, да и на Романа можно положиться: все-таки парень в свое время два года отслужил в ВДВ...

Рома, до сих пор хранивший память об армейском братстве и гордость за приобретенные навыки, в том числе навыки рукопашного боя, – вот кто вызывал сейчас у Наташи и парализующий страх, и разочарование, и злость.

Первые несколько минут после того, как некто начал колотить в дверь и выкрикивать угрозы, молодые люди проснулись и Роман подошел к окну, Наташа очень боялась, что бывший десантник сейчас бросится на улицу – выпроваживать хулигана. Мгновения шли, выкрики становились отчетливо оскорбительными. Рома не оставит безнаказанной такую мерзкую матерную ругань в присутствии девушки, с которой проводит первую ночь после

столь романтического вечера. Он просто сгорит со стыда перед Наташей, если не выскочит, не врежет пьяному агрессору и не выпроводит того со двора немедленно!..

Наташа, стиснув пальцы, лихорадочно соображала, как его удержать, какие найти слова, чтобы остановить возвышенный порыв, представляла, как вцепится в Ромину руку, повиснет на ней. Не станет же благородный защитник стряхивать свою возлюбленную, будто надоевшую зануду жену! Остановить Рому надо будет обязательно. Если он полезет в драку, как бы дело не дошло до смертоубийства: вдруг у дебошира есть оружие?! Обыкновенного перочинного ножа хватит, чтобы опасно ранить давно потерявшего боевую квалификацию, мирного и доброго бывшего десантника!

Однако мгновения продолжали вязко, через силу сменять друг друга, а Роман по-прежнему стоял в неэстетичной позе, приклеившись лицом к окну, и благоразумно не торопился покидать маленькую крепость.

Когда Наташа поняла, что ее мужчина не сдвинется с места, она испытала облегчение, а сразу вслед за этим почувствовала себя оскорбленной. Он даже не пытается защитить ее честь! Впрочем, какая тут честь? Нарушитель не в курсе, что здесь находится женщина, он ни слова не сказал в ее адрес. Но защитить ее уши от грязной брани следовало бы! Наташа понимала, что совершенно неправильно ждать от тридцатипятилетнего мужчины глупой и опасной юношеской горячности. Но мудрость взрослой двадцативосьмилетней женщины совсем не спасала от разочарования!

– Выходи, такой-растакой!.. Кусты понасажал! – донеслась со двора принципиально новая реплика. Раздался треск ломаемых веток.

Все! Теперь Рома точно пойдет разбираться! Иначе хозяин кусочка старой дачи, который он снимает уже второй год, не простит ему погубленной садовой растительности и откажет в дальнейшей аренде, а он держится за это крайне дешевое и относительно удобное жилье! Однако Рома, припавший к окну, даже не вздрогнул. Видно, ни за что особо ценное налетчик не успел схватиться.

Тут Наташе стало совсем дурно. Она точно поняла, при каких обстоятельствах Рома выйдет на бой обязательно, без вариантов! Если угроза нависнет над его стареньким, но любовно обихоженым и облагороженным «москвичом» – единственным транспортным средством, которое на данный момент может себе позволить без году неделя ведущий бизнес-тренер солидной фирмы, приезжий из дальнего подмосковного городка, фанатичный любитель танго, тратящий на занятия немало заработанных средств. Когда разъяренный хулиган приблизится к машине, Рома выскочит на улицу, вступит в схватку, будет опасно ранен ножом, который обязательно есть у преступника. Наташа останется один на один с бандитом... Эта перспектива почему-то не пугала: она была уверена, что пьянчуга убежит, ужаснувшись содеянного... Наташа останется один на один с тяжелораненым другом, своим полным незнанием основ оказания первой медицинской помощи и мобильным телефоном, по которому неизвестно, как вызвать скорую, если учесть, что они за городом и местные номера неотложки и милиции ей неведомы...

– Так и не вышел!.. – В громком голосе, донесшемся на сей раз издалека, уже не было угрозы – лишь глубокая горечь. – Так и не вышел... – повторил незванный гость на грани различимости.

И все стихло. Только автомобили тихонько шелестели по расположенному в отдалении шоссе.

Рома обернулся:

– Не спишь?

Кажется, это из «Алисы в Стране чудес»: «Если англичане оказались в глупом положении, они начинают вести светскую беседу». Наташа ободряюще улыбнулась.

Раньше Роман все больше тусовался у Измайлова, и Наташа была знакома с ним только шапочно. А не так давно он перекочевал в группу Коренева на правах волонтера.

На уроках, как правило, хронически не хватает партнеров. Плата за занятия не так уж мала, а женщины порой половину учебного времени простаивают у стенок в ожидании,

когда у одного-двух не имеющих постоянной пары партнеров дойдет до них очередь и интерес. Некоторые уходят, наскучив ожиданием либо не выдержав накала конкурентной борьбы с более яркими, привлекательными и талантливыми ученицами.

Пухленькая Наташа вначале тоже страдала от недостаточного внимания партнеров. Простой и выигрышный ход – одеться броско, – помогающий многим посредственным ученицам выбиться в примы, ей был противопоказан. Наташе хватало вкуса, чтобы понять: ее фигуру одежда ярких цветов, с глубокими вырезами, облегающая и ультракороткая сделает нелепой! Она легко схватывала движения, но как достичь успехов, когда тебя редко выбирают?! Вообще-то многим мужчинам Наташа очень нравилась, однако на уроках танго царил другой идеал – и немудрено: тут партнершу надо еще и вести в танце, поддерживать вытянутой рукой, вращаться вместе с ней.

Она стала брать частные уроки. Разумеется, у Коренева. Спустя непродолжительное время тот уже не мыслил, как вести урок, не обращаясь то и дело к помощи Наташи, которая освоила программу быстрее других и все новое схватывала на лету. Наташа стала довольно успешно осваивать и мужскую партию, чтобы «бесхозные» партнерши меньше простаивали, подпирая стенку. Раз уж ее тело поняло принцип танговской пластики, она могла с математической точностью объяснить любое движение. А если ты можешь что-то объяснить, то почему не сделать это для других?! Тем более что Коренев как раз был не в состоянии рассказать словами, как надо делать то или иное движение. Наташа щедро делилась танцевальным опытом как с женской частью группы, так и с мужской.

В приглашениях позаниматься на уроке и потанцевать на милонге не стало отбоя. В качестве бонуса, на который Наташа совсем не рассчитывала, зеркало в скором времени стало показывать нереально узкую талию, сильно осунувшиеся ягодички, мускулистые ноги идеальной формы. Грудь же сохранила прежний объем, что на фоне остальных перемен сделало ее конфигурацию невероятно выигрышной.

Разумеется, далеко не всем девушкам хватало времени, денег, желания, таланта, чтобы совершить рывок в примы, подобный Наташиному. Вот для таких партнерш, чтобы вернуть их интерес к занятиям и сохранить для клуба их денежки, приглашали волонтеров – любых достаточно продвинутых партнеров из других групп: позаниматься бесплатно, «поводить» барышень. Только истинные фанаты готовы приходить на занятия четыре-пять раз в неделю, долбить заново уже кое-как освоенную технику, оттачивать мастерство, занимаясь с самыми бесталанными и отстающими ученицами.

Рома в кратчайшие сроки превратился из неуклюжего новичка в фаната. Когда Наташа в конце ноября вернулась из отпуска, она была поражена тем, как ловко, уверенно, с каким чудесным чувством ритма ведет бывший толстый увалень из младшей группы Измайлова, которого она едва помнила. Тут еще заслуга Коренева: он на несколько голов выше Измайлова в танго – и как танцор, и как препод.

– Ложись! Давай спать!

Рома забрался обратно под одеяло, тяжелой рукой потянул туда же за плечи Наташу. Она не сопротивлялась, просто реагировала заторможенно. Молодой мужчина истолковал неподатливость ее тела по-своему, сел рядом.

– Наташ, прости, пожалуйста! Он год не объявлялся. Надо же было, чтобы он пришел именно в эту ночь.

Девушка молчала, мало что понимая.

– Если бы я вышел драться, – добавил ведущий бизнес-тренер крупной фирмы еще более неуверенно, – получилось бы гораздо хуже... Давай спать?

– Ром, а он не вернется?

– Не знаю. – В голосе бывшего десантника звучала трогательная покаянная растерянность.

Взгляд Наташи в который раз некстати прилепился к широкой лысине, уютно раскинувшейся среди светлых кудрей на макушке ее новоиспеченного любовника. До сего

момента ей удавалось вовремя отводить глаза, но сейчас ни они, ни тело почти не слушалось вялых и противоречивых указаний ее утомленной психики.

– Кто это? – Голос прозвучал глухо и угрожающе, хотя Наташа вовсе не собиралась разыгрывать недовольство.

– А! – Рома с облегчением выдохнул: наконец-то понял, что на самом деле от него сейчас требуется. Не оправдания, не извинения – объяснение ситуации. – Это родственник моего хозяина. По-моему, племянник. Дом поделен на несколько частей. Все владельцы состоят в родстве. Они были очень недовольны, когда мой хозяин стал сдавать свою часть дома. Появился чужой человек, неизвестно, чего от него ждать...

– Но за два года они могли убедиться, что ты мирный, безобидный сосед!

– Да, я такой!

Рома улыбнулся смущенно, озорно и несколько кокетливо, как милый ребенок, который считает, что честно заслужил похвалу, но хочет продемонстрировать взрослым свою скромность. Наташа тихонько рассмеялась.

– Понимаешь, этот молодой человек появляется здесь крайне редко. У него, кажется, есть свои претензии на часть дома, где мы с тобой сейчас находимся. Когда крепко выпьет, он впадает в буйство; с ним никто из родных не может совладать. Вряд ли он даже думал о моем существовании. Скорее всего, мечтал устроить разборку с дядей.

– Ты так спокойно реагировал, Ром. Он по-настоящему опасен?

– Не знаю. Я не проверял! – Собеседник опять обезоруживающе улыбнулся.

На сей раз Роману удалось увлечь Наташу на подушку и, придавив массивной рукой плечо девушки, погрузить ее в сон – правда, не слишком глубокий.

Через два часа атака повторилась. Разудалый голос вновь что-то кричал под самым окном, правда, теперь реплики раздавались куда более мирные. Но Наташа испугалась не на шутку: недооценила выносливости хозяйского родственника! Она была уверена, что тот давно выбился из сил. Но если это не так, тогда кто знает, на какие еще подвиги хватит его заряда бодрости?! Однако стоило Роману зажечь свет, крик под окном прервался на полуслове.

Утром, как только Роман, вставая, убрал с Наташиного плеча тяжелую и мягкую руку, она очнулась. Уже рассвело, значит, было больше девяти утра. Спать хотелось отчаянно, однако Наташа поднялась и стала заторможенно одеваться.

Вернувшийся в комнату Рома ее тормошил. Задавал вопросы о настоящем моменте: не хочешь ли еще поспать, не согреть ли воды для мытья, сделать чаю или кофе. А в виноватом взгляде, в смущенном голосе читалось: «Ты не сердись за ночной инцидент? Считаешь, что я не имел права приводить тебя в дом, где так беспокойно? Думаешь, хреноватый я десантник и вообще ненадежный, да? Ну, скажи же хоть что-нибудь!»

Наташа не сердилась. Но она молчала. Это был шок. Это была досада, что попала в неловкую ситуацию.

Не выдержав неопределенности, Роман прямо спросил, как ей ночное происшествие: наверное, это очень неприятно, оказавшись в незнакомом месте, сразу попасть в такую передрыгу! Наташе стало жаль парня, она улыбнулась, ответила что-то ободряющее. Рома не скрывал облегчения.

– Тебе к которому часу на работу? – поинтересовалась Наташа.

– Могу себе позволить не торопиться, как и ты.

Да! Они же вечером обсуждали, что Наташе начальство без проблем дает один свободный день в неделю – лишь бы дело делалось, а у Романа всегда есть отгулы за проведение тренингов в выходные дни. Однако Наташа твердо решила уехать сразу после чая и стала придумывать предлог. Мозги едва шевелились, как и руки, которые хорошо бы побыстрей справились с натягиванием, завязыванием, застегиванием!

Завтрак Наташа приготовила сама из найденных в холодильнике яиц, поскольку выяснилось, что Рома обычно встречает утро ломтем колбасы: «Ее жарить не надо».

– А мюсли? Вкусно, питательно и куда менее вредно для здоровья. Их только молоком

залить!

– Вот видишь! А колбасу и молоком заливать не надо!

Рома становился все разговорчивее и веселее. Наташу тоже отпустило, более или менее убедительный предлог для отъезда нашелся.

Оставалось улизнуть таким образом, чтобы Рома не решил, будто она избегает продолжения близости. Ужас, который Наташа испытывала при мысли, что придется вновь, дрожа от холода на террасе, куда не проведены трубы отопления, споласкиваться над тазиком, и лишний раз посещать во дворе промороженный туалет с выгребной ямой, она не сумела бы, да и не желала преодолевать! Близость сама по себе произвела неоднозначное впечатление. Местами не без приятности, но Ромин энтузиазм, и без того вполне умеренный, казался натянутым, потому и Наташе не удалось расслабиться. Под конец она перестала понимать, для чего они все это затеяли. Тонуть в объятиях пухлого, уютного Романа, спать под его тяжелой большой рукой – вот что ее по-настоящему согрело. Если бы не ночное происшествие!.. Короче, Наташе на сегодня достаточно впечатлений. Скорее домой – расслабляться, переваривать!

Железнодорожная платформа рядом. Расписание электричек Рома знал наизусть. Так что провода вышли короткими. Обнялись, долго целовались на прощание, однако Рома не обещал позвонить и не назначил следующей встречи. Из тамбура Наташа бросила с небрежной доброжелательностью свое коронное: «Появляйся!» Круглое Ромино лицо расплылось в широкой улыбке, но он ничего не ответил.

За окном поплыли невзрачные пейзажи ближнего Подмосковья. Наташа расслабленно – после бессонной ночи – припоминала все ее события. Она-то полагала, что Рома просто робеет перед ней, такой востребованной партнершей. Видела, как смотрит с восхищением. Перед милонгой они случайно встретились. Рома так разволновался, что несколько раз споткнулся на крутой лестнице, ведущей в уютный подвал. В полутемном пустом зале, в тесной близости под стойкой бара он точно был готов поцеловать Наташу, а она тормознула. Потом думалось: надо ободрить его, показать, что все можно! И что же из этого вышло?

Целый день на работе Наташа клевала носом, но домой не ушла: перевозбуждение – все равно не уснуть! Туфли и платье с собой. Вечером урок в «Витанго» и после милонга. Вот на милонге она, наверное, долго не продержится!

Урок вела аргентинка, которой Наташа еще не видела. Тангера приехала в Москву одна, поэтому в шоу не участвовала. Наташа купила так называемый «пакет милонгера», то есть право посещать все мероприятия фестиваля. Грех было бы пропустить хоть что-то!

В начале урока вышла заминка. Помогать аргентинке вести занятие в качестве партнера и переводчика должен был Коренев. Однако он сильно простудился. Надеялся, что к вечеру удастся справиться с нездоровьем, – не вышло. Незадолго до начала сообщили, что Лео не придет. Видя всеобщую растерянность, Наташа едва удержалась от того, чтобы ринуться на выручку: подменять Коренева – это теперь функция Анны.

Уже год, как Наташа помогает Кореневу вести уроки. С удовольствием и добросовестно. И у нее, черт возьми, получается! К ней часто обращаются за разъяснением. Она старательно переводит на доступный новичкам язык то, что Лео может блистательно показать, но не в состоянии объяснить ни словами, ни разложением сложного движения на простейшие элементы. Наташа освоила партию партнера, которая была ей совсем неинтересна. Результаты добровольных усилий налицо! Мало кто из учеников знает, а кто не знает, те и не догадываются, что Наташа наравне со всеми платит за занятия. Коренев охотно пользуется ее помощью на уроках, вместе с тем официально он не признал ее помощницей. Лео редко танцует с Наташей на милонгах и бросает сразу, как только она допустит ошибку! Причину высокомерно-потребительского отношения он никогда бы не озвучил, но Наташа, к сожалению, догадалась. Ее пышные формы всему виной!

Сложная натура и импозантная, но с явными признаками старения внешность Коренева тоже оставляют Наташу вполне безразличной. Фанатичное обожание вообще не принято среди учениц в классах танго. Но она восхищается мастерством Лео! А вот он, похоже, ее

способностей вовсе не ценит!

Перед Новым годом Коренев объявил набор новичков. В такой группе без помощницы не обойтись. У Наташи екнуло сердце: не настал ли ее час?! Вот было бы волшебным, если... Как бы не так! Коренев пригласил себе в помощницы худую, жилистую, с крупными, грубыми чертами лица пенсионерку Анну, которая занималась в клубе оргвопросами и которую заглазно называли «бабушкой русского танго», а иногда и «дедушкой» – за ее пристрастие к мужской партии. Потому Коренев ее и взял: водит Анна на несколько порядков лучше Наташи, но и женской партией владеет неплохо.

Та и впрямь взялась за дело. Переводчика так и не нашли, пришлось полностью переключиться на язык тела. Получилась необычная и интереснейшая практика! Наташа, свободная от привычной необходимости уделять внимание всем участникам группы, занялась решением своих задач. Она подошла к Роме, радостно улыбаясь, стремясь загладить впечатление от своей утренней холодности:

– Наконец могу себе позволить танцевать на уроке только за девочку и с кем хочу!

– Здорово! – Рома широко улыбнулся, но продолжил несколько принужденно: – Тебя можно пригласить?

Наташа спросила, неужели он вновь купил колбасы и хлеба, чтобы ими завтракать, поинтересовалась, как прошел день и удалось ли заставить себя почитать Конан Дойля на языке оригинала или Рома предпочел подремать. Вчера, пока ехали за город, он рассказывал, что старается таким способом подтянуть свой английский. Роман отвечал подчеркнуто приветливо, но будто с неохотой, односложно. Пожаловался, что пришлось добираться до Москвы пешком: машина барахлит.

– Так что сегодня я не смогу тебя проводить, – добавил поспешно.

Наташа почувствовала себя так, будто ее ударили, и по выработанной годами привычке звонко расхохоталась в ответ.

* * *

Очень довольный и танцами, и общением, Виталий стал неторопливо пробираться вдоль стеночки к своему пиджаку, оставленному, как обычно, на спинке стула. Примерно в середине маршрута путь преграждало препятствие: массивная фигура десантника Романа, мечтательно созерцавшего танцпол. С Ромой Виталий сегодня еще не успел перекинуться и парой слов – лишь кивнули друг другу издали.

– Что-то ты там оччень сосредоточенно изучаешь! – весело гаркнул Виталий, приблизившись к молодому человеку почти вплотную.

Роман вздрогнул.

– Что?

– Это я тебя спрашиваю: что? – весело откликнулся Виталий. – Что ты там увидел такое необыкновенно интересное?

– Красивую девушку. – Рома улыбнулся смущенно и несколько рассеянно. – Вон там, в сером платье, видишь?

Виталий прищурился. Безнадежно вздохнул: «Не с моим зрением!..» В направлении, указанном Романом, у противоположной стены стояла Ксения и разговаривала со своим этим... женихом, преданно заглядывая тому в лицо снизу вверх. Нет, дай бог ей, конечно, счастья!.. Хорошая она женщина, интересная... Но как ухитрилась связаться с мужиком, который не занимается танго?! Как ей с ним не скучно?! А этот... чудик таскается за ней на все милонги, бдит...

– С такой бы потанцевать!

– А проблема-то в чем? – удивился Виталий.

К сладкой парочке подошла Наташа. Ксения оставила Константина в одиночестве: приобняв помощницу Коренева, подвела ту к столику в укромном уголке.

– Ты думаешь, она согласится?

– Что тут думать?! Подойди да пригласи! – Виталий по-прежнему не мог взять в толк, какие затруднения испытывает бывший десантник.

– Я даже языка не знаю. – Голос Романа становился все более тихим и испуганным.

– Какого языка?

– Толком никакого, кроме русского. Она из иностранных гостей, разве нет? Аргентинка – похоже?

– Тебе *видней*, – усмехнулся Виталий не без толики сдержанной горечи, однако этот тонкий нюанс укрылся от затуманенного взора молодого человека. Тот удивленно повел плечом. Пришлось печально пояснить: – Я не разгляжу отсюда. Девушек в сером не меньше пяти штук на танцполе. Все стройные и шевелятся неплохо.

– Наши так не танцуют! Я вообще никогда не видел, чтобы так танцевали! – гнул свою линию Рома.

– С кем она?

Рома рассеянно пожал плечами.

– С Корневым.

– Лео здесь нет, он болеет.

– Раньше...

Рома явно утерять интерес к общению с бестолковым собеседником. Но Виталия подстегивали любопытство и азарт: теперь он не даст мальчишке улизнуть от ответа, пока не выяснит все!

– Да на хрен он нужен, этот язык! Пойди и пригласи! Посмотри в глаза, как делают в Буэнос-Айресе. А лучше по-нашему, по-русски: протянул руку и повел!

Ромино лицо отразило смятение.

– Ты парень видный, танцуешь хорошо, – усилил нажим Виталий, – что ей не согласиться?! Ты же в нашей группе... как это называется? Прима-балерина! Прима-балерина, а? – Виталий засмеялся, приглашая собеседника развеселиться. – Иди и приглашай! Давай, вперед!

Роман потупил глаза.

– Не сегодня. Мне все равно уходить пора.

– Уходить?! Еще двенадцати нет! – удивился Виталий.

– Одиннадцать двадцать, – уточнил Рома. – Мне надо успеть на электричку.

– Где ж твоя машина? Ты вроде обычно на авто?

– Сегодня вот без машины. Барахлит.

Рома слегка отвернулся: мол, вопрос исчерпан и решен.

Виталий принял к сведению, что на танце с чудесной партнершей больше не надо настаивать. Но сообщение о проблемах с машиной вызвало у него искреннее сочувствие.

– Что стряслось?

– Да сам пока не понял. У меня старенький «москвич». С ним все время что-нибудь случается. Я не рискнул ехать.

– Ты по-прежнему живешь в Снегирах?

– По-прежнему.

– Так давай я тебя подвезу, если хочешь! Я сегодня еду не домой, а на дачу.

– Это где?

– Дальше. Манихино, знаешь?

– И тебе не сложно меня подвезти? Правда? – Роман буквально просиял.

– Все равно по пути. Какие проблемы?

– Спасибо, это будет здорово!

– Проблем-то нету! – повторил Виталий. – Я двинусь отсюда часа в два. Ты как?

– Отлично!

Музыка внезапно стихла. Кажется, даже оборвалась, не закончилась веселая и скорая аргентинская песенка – милонга. Виталий рефлекторно обернулся. Пары в растерянности топтались по паркету: кто-то из новичков упрямо заканчивал начатое движение,

многоопытные партнеры уже успели остановиться и обменивались со своими партнершами ироничными взглядами, репликами, усмешками.

«Это – не технический сбой, – подумал Виталий. – Сейчас будет какое-то объявление». Из каких мельчайших признаков сделал такое заключение, он не сумел бы внятно объяснить.

– Господа, пожалуйста, минуточку внимания! – Совершенно не сбалансированный, густой и слишком громкий голос Измайлова из микрофона покрыл легкий шепоток притихшего зала.

Измайлов принялся откашливаться. Чудовищно визгливый звук взрезал барабанные перепонки: неумелый пользователь слишком порывисто взмахнул микрофоном. Звук вмазался в мозг, в печенку, полоснул грудь.

Спустя мгновение Виталий, морщась, приходил в себя. Но в сердце металлическим заусенцем застряло беспокойство и вонзалось все глубже с каждым растеряннo, напряженно, смущенно произнесенным словом веду щего.

– Господа, я вынужден сообщить вам новость. Она очень неприятная для нас... Действительно, глубоко, глубоко печальная... Наше московское танго-сообщество еще очень молодое.

– Какое печальное известие! – иронично и тихо, насколько это было возможно для такого голоса, уронил густой бас за спиной Виталия.

– Нам еще не приходилось терять товарищей... – продолжал Измайлов, не слышавший опрометчивой реплики. – Но, к сожалению, однажды такой трагический момент обязательно настанет. Мы не были готовы...

Беспокойство сменилось острой тревогой. Виталий чувствовал, как ускоряется биение сердца.

– Только что мы узнали очень печальную новость...

Измайлов невыносимо долго тянул свое вступление к неизбежному теперь сообщению. «Сколько он будет жевать резину?!» – подумал Виталий с тоскливым возмущением и непроизвольно опустил на краешек ближайшего стула. Следующим, что он услышал, стало имя:

– ...Коренев. Он скончался скоростижно, от острой пневмонии. Еще вчера танцевал... Вот...

У Измайлова, сухого, холодного и уж точно не склонного к сантиментам, явно закончились слова. Тем не менее один из отцов-основателей московского танго пересилил себя и принялся петь, сочиняя на ходу, хвалы своему сподвижнику и сопернику.

Виталий перестал слушать. Он поднялся и неторопливо направился к столику диджея.

Понимая, что выглядит глупо, но совершенно этого не смущаясь, переспросил, кто умер. Он не сумел с первого раза поверить своим ушам. Теперь надо помочь явно растерянными организаторам милонги достойно почтить память великолепного танцора, уважаемого учителя и хорошего человека.

– Тут есть в буфете водка? Сухое вино на худой конец?

Стараниями Рогова все необходимое было в течение пяти минут закуплено в соседнем круглосуточном гастрономе. Измайлов, уже предупрежденный, пригласил присутствующих помянуть покойного.

– Что будем делать дальше? – вполголоса деловито спросил Измайлов у приближенных. Против того, что Виталий явочным порядком включил себя в импровизированный оперативный штаб, никто не возражал. – Прекратить милонгу, предложить всем разойтись?

Уверенности в голосе руководителя не хватало. И правильно!

– Нет, ребята, так нельзя! – авторитетно заявил Рогов. – Он был... ну, для нашего, московского, танго... великий танцор. В его честь, в его память должен звучать танец. Мы должны станцевать отношение к нему, к его смерти... безвременной.

– А откуда узнали, что он умер? – поинтересовался кто-то невпопад. – Он ведь один.

– Мама у него старенькая и молодая подруга. Так, ничего серьезного. Плохо танцует,

изредка приходила. Такая небольшого росточка, плотненькая.

Виталий внезапно вспомнил, что видел эту девушку в воскресенье на открытии. «Удивительно, – подумал ни к селу ни к городу, – он, выходит, в танго выбирал худых и длинноногих только для того, чтобы со стороны красиво смотрелось?»

– Она и сообщила. Он умер в больнице... Виталий, я думал об этом, – переключился Измайлов на более насущную тему. – Я хочу посвятить его памяти одну из милонг. Полностью. С рассказами, видеозаписями...

– Это хорошо и правильно. Но сейчас тоже надо танцевать. – Виталий усилил напор, лоббируя идею, ценность которой казалась ему очевидной. – Надо протанцевать блок. Объяснить всем, что и зачем делается. А потом уже разойтись.

– Пожалуй, – задумчиво протянул Измайлов. – У меня есть танда аргентинских песен совершенно надрывного звучания.

– Вот и поставь!.. Нет, объяви прямо сейчас, что будет, а потом ищи. А то народ уже засобирался. Мы должны сразу станцевать в память о Лео, прямо сейчас!

* * *

Идея танцевать траурное танго Ксении совсем не приглянулась: напыщенно! Нежданная и печальная весть, разумеется, исключала дальнейшее веселье, а трагическое исполнение танца требует настоящего, профессионального мастерства. Иначе выйдет пустышка или фарс. Однако она сочла неудобным уходить, пока не отзвучат последние четыре мелодии злосчастного вечера. Костя поддержал. Они молча сидели с пластиковыми стаканами едва пригубленной водки в руках. Ксения пыталась осмыслить происшедшее, Костя всем своим видом выражал сочувствие к тем переживаниям, которых она еще не испытывала – или уже не испытает? Кем был для нее Коренев? Почему ей совсем не горько, ни капельки не больно? Вот Наташа плачет у Леры на плече, вон другие женщины утирают слезы. У Ксении прежде тоже всегда слезы были близко. Медленно приближающийся Рогов бледен, брови сдвинуты, взгляд сосредоточенно-мрачен. Противно, однако, внезапно оказаться черствой!

– Можно тебя пригласить? – просто сказал Виталий, наклонившись к ней.

Ксения легонько вздохнула. Все-таки придется поучаствовать в фарсе. Но Виталию не откажешь. Хороший он человек! Он так естественно, так достойно, сдержанно огорчен! Ксения, кивнув Косте, поднялась.

* * *

Наташу пригласил Николай. В трезвом состоянии отличный танцор, тот, увы, успел наклюкаться, видимо начав еще до поминальных тостов. Так что вел еле-еле: сложно, но неразборчиво и слегка заваливаясь на разворотах. Наташа привычно терпела: и не такое с ней вытворяли неумелые партнеры на уроках. Она даже не замечала неудобства! Она старалась освоиться с двумя свалившимися на нее потерями.

Коренев выбрал в помощницы Анну, а в довершение несправедливости взял и умер. Роман жив, но предпочел Наташе другую. Первая потеря шокировала, вторая – жгла досадой и стыдом. Как же Наташа рыдала сегодня, узнав от Леры, что Оксана была прежде пассией Романа! Осенью они повздорили, Рома перешел заниматься в другую группу. На рождественской вечеринке Оксана увидела, что он активно ухаживает за другой. От огорчения выпила больше обычного, потому и толкнула дерзкую, опасную речь. Рома, увидев бывшую подругу в состоянии полного раздвоя, бросился на помощь. Та, все еще в раздражении и под парами, оттолкнула протянутую руку. Это – то, что Лера знала прежде и наблюдала лично третьего дня, случайно оказавшись в холле в нужный момент. О продолжении истории оставалось только догадываться. Обиженный Рома потащил Наташу в гости...

Наташа упустила из виду, что сама приложила немало старания, чтобы получить приглашение от нерешительного кавалера. Ей-то казалось: Рома просто робеет перед ее статусом в группе, ее вечно независимым поведением. Рома ей нравился, но и с ним она поначалу общалась так, будто ей никто не нужен...

Николай развернулся и пошел спиной вперед. На расстоянии двух шагов перед ним длинный, тощий, жутко талантливый Андрей Гуревич «подвесил» пластичную Таню – опытнойшую партнершу – в плавной и весьма сложной фигуре. Таня медленно-медленно переступает через его ногу. Лица у обоих сосредоточенные и печальные – настоящий танец-реквием! Оба они сейчас не на своей оси: отколонились далеко назад и держатся только за счет противовеса. Наташа зажмурилась. Если Николай вмажется в ребят спиной, они вряд ли устоят, скорее всего, упадут на пол! Ничего не произошло. Наташа открыла глаза и увидела Андрея, быстрой пробежкой уводящего свою партнершу подальше от опасного соседства.

...Протрезвев, Оксана, видно, одумалась, оценила искренний порыв бывшего десантника. Во всяком случае, сегодня Рома старался держаться от Наташи подальше, а она так растерялась! Не представляла, как спросить, что случилось. Даже попросила совета у Ксении. Та немножко поставила ей мозги на место, подсказала, как поговорить с Романом, чтобы потом не стыдиться и не сожалеть о сделанном.

Однако они обе еще не знали того, что видела и слышала Лера! Лера успела кратко изложить Наташе все, что знала, ровно к тому моменту, когда грянул новый гром – прозвучало сообщение о смерти Коренева. Наташа, впиваясь ногтями в ладони, сдерживалась, пока слушала приятельницу, но теперь появилась возможность разреветься в открытую! Высокая Лера всхлипывала и утирала слезы над ее макушкой. У той не было причины относиться к Лео неоднозначно. Они славно танцевали на милонгах и тепло приятельствовались.

Рушился весь ладный, красивый, так недавно и с такими трудами созданный, толком еще не достроенный уклад Наташиной жизни. Незачем больше ходить на занятия, стыдно и унижительно отвергнутой тенью бродить по милонгам... Хорошо, что можно не скрывать катящихся по щекам слез! Они застилали глаза, а без очков Наташа и так видела на пять шагов.

Николай в очередной раз качнулся на повороте, споткнулся, сбил ее с оси. Наташа выгнулась, чтобы не упасть, непроизвольно сморгнула слезы. На расстоянии протянутой руки Роман плавно вел партнершу. Четкая и пронзительная мелодия танго-вальса покачивала пару на своих медленных, темных волнах.

Наташа прищурилась. Рома ли перед ней?! Вот знакомая, обрамленная кудряшками лысина, вот длинный, пышный хвостик, перетянутый резиночкой. Но...

Рома всегда отлично чувствовал ритм, умел обыгрывать любые омуты, стремнины и перекаты мелодии. Однако обыкновенно он шагал, будто отбивал плац тяжелыми десантными ботинками. Разучивая новое движение, еще приговаривал про себя: «Бум-бум-бум!» Его лысая маковка, вопреки правилам танго, подскакивала вверх на каждом шаге, тело сотрясалось.

Сейчас Рома в своей нелепой, совсем не соответствующей моменту красной майке плыл над паркетом ровно, плавно, грациозно, словно щепка в медленном водовороте. Он, не запнувшись, не сбившись, не качнувшись ни разу, делал сложнейшие фигуры одну за другой. Его лицо было вдохновенно-отрешенным.

Укол ревности замер на полпути к измученному Наташиному сердцу. Рома так упоенно ведет не Оксану – Оксаны ведь нет сегодня – другую! Девушку можно назвать миниатюрной: небольшого росточка, тонка в кости, ни грамма жира, ноги – сама стройность. Тонкость фигуры отлично подчеркивали дымчато-серая туника – шелковая, скромная, но очень стильная и определенно дорогая – и лосины с кружавчиками под коленкой – того же цвета. Роскошная волна густых, пшеничных волос струится до пояса, сужаясь, сливается тонким ручейком, иссякает между облепленными «мокрым» шелком ягодицами. Голые

загорелые ноги движутся волшебю. Они мелькают со скоростью лопастей мельничного колеса, они порхают стремительно и непредсказуемо, как крылья мотылька, они замирают и, полные неги, ласкают колени партнера, они строго, как солдаты в траурном карауле, выстукивают бесконечной высоты каблуками печальный ритм. Бедрa делают в очо относительно идеально прямой линии спины полный круг – не меньше! Хотя и светленькая, несомненно аргентинка!

Николай, покачиваясь, шел вперед простыми шагами. Он плотно притиснул Наташу, прижался небритой скулой к ее щеке. Наташа, вопреки законам танца, слегка извернулась и скосила глаза на партнера. Остекленевший взгляд Николая был прикован к великолепной паре. Ноги, похоже, сами несли его вслед.

– Николай! – мягко позвала Наташа. – Мы сейчас в кого-нибудь врежемся!

Тот молча, все сильнее шатаясь, шел вперед.

– Николай, милый, очнись! – испуганно попросила Наташа, чувствуя себя заложницей его пьяной целеустремленности.

Каблук протянутой назад для очередного нелепого шага ноги ударился о чью-то беззащитную плоть.

– Николай, милый, отпусти меня! – взмолилась Наташа, нарушая все танцевальные приличия.

Николай резко оборвал движение и выпустил партнершу из рук. Оказывается, последняя мелодия отзвучала. Наташа растерянно огляделась. Роман по-прежнему в двух шагах от нее. Не замечает, мечтательный взор устремлен в эмпиреи. А где же партнерша? Наташе хотелось заглянуть в лицо чудесной танцовщице: обнаружится ли хоть в нем какой-нибудь изъян? Но девушка уже покинула недостойного своих талантов танцора.

* * *

Всю дорогу до скромного домика в Снегирях Виталий немилосердно, почти непрерывно зевал. Не помогали ни жевательная резинка, ни разговоры. Рома же поначалу трещал не умолкая. Прежде Виталий не замечал за флегматичным увальнем повышенной болтливости. Они немного пообсуждали скоропостижную кончину уважаемого обоими учителя, но что по этому поводу выскажешь, кроме глубоких сожалений и сентенций об осторожности: мол, нельзя раздетым на сквозняке!

Потом обнаружилось, что бывший десантник знает каждую достопримечательность на пути. Он рассказывал Виталию, который ездил по Волоколамке с раннего детства, но ничего подобного в жизни не слыхивал, о происхождении названий деревень, ныне обратившихся в городские окраины, об истории строительства и заселения самых старых дачных поселений, о памятниках архитектуры, снесенных и ныне существующих, что расположены вдоль трассы и в отдалении от нее.

Виталий приглушил неизменную магнитолу и впитывал интересную информацию как губка, но память быстро пресытилась и принялась сочиться мутными струйками похабных анекдотов. Виталий умудрялся втиснуть между Ромиными высокоинтеллектуальными рассуждениями очередной анекдот примерно в тему, громко над ним посмеяться, после чего ненадолго взбадривался, мог вести машину и дальше с интересом слушать попутчика.

– Рома, откуда ты столько всего знаешь? Ведь вся эта информация – она, скажем так, не общедоступная. Ее же надо где-то раскопать, добыть!

– У меня девушка была, – смущенно ответил бывший десантник, – краеведением занималась.

– Ей это все было просто интересно? – снова поразился Виталий.

– Нет, у нее было задание в педагогическом училище – разработать курс по краеведению. Я ей помогал, увлекся и заболел. Училище в Красногорске, потому мы изучали именно эти места.

– Чем ты заболел? – не понял Виталий.

– Краеведением.

– Я думал, с девушкой что-то связано... – протянул Виталий и скосил глаза на молодого человека: оценил ли тот иронию?

Но Рома не оценил:

– Нет, с девушкой расстались еще до того, как она закончила писать работу. Даже не знаю, одобрил ее преподаватель наши труды или нет.

– По какой причине расстался? – Только увлекательная, но житейская тема, безо всяких лингвистических терминов и исторических экскурсов, спасет хоть на несколько минут от злосчастной зевоты! – Ты, как я понял, был готов довольно много сделать ради нее? Вон, краеведение изучил!..

– Да я... еще раз заболел... Она позвала меня в танго. Я пришел и влюбился в этот танец. А ей не понравилось. Она бросила через два месяца и принялась меня ревновать к партнершам, к самому танго. Она требовала, чтобы я все бросил. А я уже заболел!.. Но зато, когда мы расстались, я смог посещать занятия по четыре раза в неделю!

– Не зря девушка ревновала, – вбросил Виталий тонкий намек.

– В сущности, зря, – твердо возразил Рома.

– В танго много интересных женщин. Оксана, например! – пошел Рогов напролом.

Он неожиданно нарвался на подробные, но путанные объяснения, что молодой человек скорее жалел Оксану, чем любил ее, что и прежде предпочитал частую смену впечатлений. А роман с Оксаной получился не только скоротечным, но и вялым. Ему удобно было оставаться ночевать у Оксаны в Москве, вместо того чтобы каждый вечер ехать в свою загородную резиденцию. В сущности, подло так пользоваться женщиной, поэтому Роман решил порвать удобную во всех отношениях связь, зацепился за дурацкий предлог... А вообще-то дело и не в этом, а в том, что как-то незаметно танго стало значительно интереснее Роману, чем секс.

– Да-а-а, – задумчиво протянул Виталий, вновь неудержимо зевая, – другие ходят танцевать, чтобы женщин помазать, познакомиться. А ты, значит, наоборот...

Он запутался в рассуждениях и остановился, но Рома неожиданно с энтузиазмом подхватил:

– ...Сбежал от девушки и ушел в парадоксальную аскезу...

Сон как рукой сняло! Виталий встряхнулся, выпрямился, насколько возможно, в мягком кресле.

– Во что ушел?!!

– То есть танго для меня сейчас важнее и интереснее обычных отношений...

– Нет, подожди! Какое слово ты сказал? Пара... доксальная что? Похоже на «осу» или червя такого поганого «акса»... «Цыганка Аза», короче говоря.

– Аскеза. Это отказ от плотских удовольствий ради служения идее, или Богу, или для достижения просветления.

– Ну, ты уже достиг просветления?

– В танго? – Рома улыбнулся.

– Пусть в танго! Аска...за сработала?

Улыбка вдруг сбежала с добродушного лица.

– Кажется, достиг, – сказал Рома абсолютно серьезно.

Виталий уже некоторое время чувствовал, как сердце дает сбои. Давненько не беспокоила аритмия! Надо скорее добраться до дачи. Поспать хотя бы пять часов!

– Но ты танцуешь в близком объятии? – уточнил Виталий, отлично зная ответ. Он хотел подвести собеседника к противоречиям в его высказываниях.

– Да. – Посерьезневший Рома начисто утерял многословность.

– А как же отказ от плоских... тьфу, платонических?..

– Плотских.

– Да, как же отказ от плотских удовольствий?

– Парадокс, – согласно кивнул Рома, будто полагал, что его спутнику и так все ясно, и

тот лишь ради хохмы болтает пустяки.

Длинная стрела на асфальте под прямым углом изгибалась влево, указывая путь. Виталий и так знал маршрут. Но рисунок на дороге чем-то его смутил.

– Сюда? – уточнил он.

Рома согласно кивнул и отвернулся, откинувшись на спинку сиденья. Короткое возбуждение, вызванное небольшой дозой алкоголя, прошло. Полуночная усталость взяла свое.

«Отрубился. А мне, как всегда, одному не положено даже вздремнуть. Ни верности, ни благодарности», – с горечью подумал Виталий. Он сильно обижался, если попутчики засыпали у него в машине, оставляя его один на один с монотонностью вождения и унылостью долгой дороги.

Врубил погромче магнитолау.

...Прощай!
Это был бессмертный роман,
И я его запишу,
Когда вот тут заживет!² —

выводил тонкий голосок на диске «Русское танго-1». Было время, Виталий частенько подвозил Ксению – то с урока, то с милогги. Так она просила его поставить этот диск, обязательно отыскивала эту песенку и, прервав разговор, самозабвенно подхватывала горестные вопли певицы...

Он притормозил на светофоре, включил левый поворот. И вдруг сообразил, чем смутил его начертанный на асфальте знак, почему полностью сбил с панталыку, заставил растеряться на хорошо знакомой дороге.

Белые прерывистые ленты разметки тянулись вдаль. Белые сплошные черты у обочин разбегались в стороны, изменяли главной дороге с пересекающей ее малозначительной шоссейкой. Стрелки на асфальте тоже всегда рисуют белым. Еще некоторые линии могут быть желтыми и красными. Но темными они не бывают никогда! Какой краской начертали ровную, четкую, разборчивую стрелу? Она не была ни черной, ни серой. Темной, словно на дорогу просто легла тень!

В таких необычных размышлениях Виталий подкатил к воротам – из скромного некрашеного штакетника, на которых висела табличка с крупно выведенной цифрой. Кажется, именно этот номер дома назвал Рома. Пора будить парня. Но тот проснулся сам, вяло поблагодарил Виталия и медленно полез вон из машины.

– Смотри, подъем завтра не проспй! – порекомендовал Виталий.

– Мне можно уже и не ложиться: надо к семи на электричку, иначе на работу опоздаю.

– Ну, давай подброшу тебя утром до метро.

Виталий мысленно застонал: так получилось красиво, великодушно, но самому-то придется встать чуть свет!

– Давай! – оловело кивнул Рома, будто предложение Рогова было само собой разумеющимся.

«Невменяем», – констатировал Виталий, стремительно развернулся и покатил, наконец, на родную дачу. Один сгрузил тяжеленный нагревательный бак для бани – новогодний подарок друга – и лег в постель.

Утреннее благотворительное путешествие за малознакомым в общем-то товарищем по танцполу обойдется в полчаса драгоценного сна. И без того добираться с дачи до работы на тридцать – сорок минут дольше, чем из дому, – соответственно раньше вставать. А тут еще придется тащиться сквозь города по старой Волоколамке вместо того, чтобы пролететь с

² Богушевская И. Прощай!

ветерком по Новой Риге. Но Виталий не желал – даже ради сна, которого катастрофически не хватало из-за вечерних уроков, практик, милонг, – отказывать себе в удовольствии сделать маленькое доброе дело. Чуть-чуть порисоваться, пообщаться лишней раз. Водительскую «измену» оказавшегося некрепким на спиртное десантника он скрепя сердце простил.

* * *

Ксения доверчиво прильнула к нему, обвив руками и ногами, и затихла, только поглаживала тихонько по плечу. Как будто все прошло идеально! Костя потерпел немного, сохраняя эту благостную диспозицию, но разочарование пересилило. Он отстранился, стал без улыбки смотреть Ксении в лицо. Неужели ей так не по душе все, что он делает?! Им чудно, легко, интересно вместе, но как доходит до самого главного, она будто через силу с ним. С отвращением? С неохотой? Она ведь любила кого-то прежде. Однажды до Кости дошел глухой намек: любила отчаянно, долго не могла забыть, теперь якобы полностью исцелилась благодаря ему. Или она всегда и со всеми такая, мягко говоря, не горячая? У некоторых мужиков крышу сносит именно от таких женщин! Но Костя не из их числа.

Самое обидное: в ней вспыхивала порой внутренняя страсть – обжигающая, ослепительная! Когда она позволяла себе по-настоящему разозлиться, когда отстаивала в споре свои убеждения... Как же этот огонь раздуть и научиться высекать по собственному желанию?! Если бы у самого Кости опыт был побогаче...

Они не так давно по-настоящему сошлись. Целых полгода длились милые, целомудренные свидания. Костя был так счастлив взаимным пониманием и симпатией, сразу вспыхнувшей между ними, что не торопил события. Просто время от времени вежливо приглашал в гости. Только осенью настал момент, когда Ксения сама сказала: хочу у тебя побывать. Надо отдать ей должное: она вовремя заметила, что Костя уже начал нервничать, отчаиваться и сомневаться, хочет ли она вообще чего-нибудь.

Ксения отвечала Косте тревожным взглядом. Чувствует: что-то не так. Только вряд ли понимает что! Раздражение усилилось. Костя резко повернул маленькую лампу на длинной многоколенчатой ножке так, чтобы светила прямо на Ксению. Выражение ее лица на миг стало еще более затравленным, но голос прозвучал спокойно, буднично:

– Что ты делаешь?

Губы принужденно улыбнулись.

Вот ее натура! В этом упрямом желании сохранить хладнокровие в ситуации, которая пугает, обижает, злит. В этом неистребимом чувстве собственного достоинства.

Костя внезапно успокоился.

– Пытаюсь разглядеть, какого цвета у тебя глаза.

Сказал – и тема эта впрямь стала ему интересна. Лицо женщины просветлело. Ксении бесполезно пытаться скрывать свои чувства: любая смена настроения отражается в подвижных, выразительных чертах. А она и не догадывается. Молчит, губы кусает, тешит свою гордость.

– Я вот смотрю, – продолжил Костя, развеселившись, – для карих слишком светлые, но и зелеными не назовешь.

– Ореховые? – предположила женщина умиротворенно, и глаза мягко засветились навстречу мужчине.

– Наверное, – согласился Костя. – А еще, – добавил с азартом исследователя, – у тебя по краю радужки темный ободок.

– Да-а-а?! – Подвергаемые исследованию глаза расширились. – Не замечала!

Пройдет! Он потерпит и дожидется результата! Ксения просто пока еще не привыкла к нему и чувствует себя скованно. Когда перестанет зажиматься, все наладится. Костя улыбнулся ей с искренней нежностью и убрал лампу. И снова открыл женщине свое объятие.

Среда.

Танцы на кофейной гуще

*Прощай! Все телефоны молчат,
И три минуты назад
Ушел последний трамвай.*

И. Богушевская. Прощай!

*Ах, Рио-Рита! Как высоко плыла ты над нами
Через страх и озноб...*

И. Богушевская. Рио-Рита

Из ворот вышел хмурый мужчина в черном пальто поверх белого халата. Несколько любопытных старушек у ворот кинулись было к нему. Но мужчина загрузился вместе с небольшим саквояжем в «скорую», и белый фургон с красным крестом укатил по направлению к станции. Милицейская легковушка осталась. Потом подъехал черный микроавтобус без окон. У Виталия снова екнуло сердце. Скоро! Он увидит и узнает наверняка. Ох, как же не хотелось видеть!

Утреннее радио, по своему обыкновению, на грани слышимости поливало грязью не то кого-то конкретно, не то всех подряд.

Он заставил себя подняться со звонком будильника. Если бы не обещание, данное Роману, проспал бы еще час, а то и полтора и без зазрения совести явился бы на работу к одиннадцати. Все равно делать там сейчас нечего: поставщики еще не раскачались после каникул, и, сколько ни теребят покупатели, выбравшие за время праздников почти весь ресурс, им пока при всем желании ничего не продашь! Запирая дачный дом, позвонил Роману. Тот не взял трубку. Выруливая на шоссе, набрал еще раз. Потом – у поворота в Снегирах. С прежним результатом!

Вначале Виталий немного разозлился: где уважение к старшим?! Потом ему стало смешно: придется устроить парню побудку по-казарменному! Но, когда он издали заметил у знакомых ворот милицейскую машину и «скорую» в окружении нескольких взволнованно что-то обсуждавших людей, сердце екнуло, бесславно рухнуло в пятки, и Виталий остановил автомобиль на обочине за несколько домов до места происшествия.

Часть дома, которую снимал Рома, была полностью выделена: свой участок земли, обнесенный забором, свои калитка и ворота. Что-то стряслось именно на Роминой стороне. Виталий сообразил, что, скорее всего, последним видел бывшего десантника в живых, сегодня названивал ему все утро, а теперь еще и приехал! Хотелось сначала сориентироваться в ситуации, а потом уже обнаруживаться перед ментами. Или не показываться вовсе. Стало совсем тревожно, когда «скорая» укатила ни с чем, а ее место занял черный микроавтобус. Виталий предпочел больше не терзать себя мучительными догадками. Вышел из машины и вразвалочку направился к зевакам.

– Что тут такое случилось?

Через несколько минут Виталий вздохнул с чувством опустошенности и, что греха таить, облегчения. Во-первых, ему не грозили милицейские разбирательства. Но во-вторых, человека, к которому успел привязаться за время кратких бесед на танцевальных уроках и недолгой совместной поездки, когда столько было всего интересного, и полезного, и веселого услышано и сказано, больше не существовало.

Ворота скромного садика открылись, гостеприимно распахнулась задняя дверь мрачного микроавтобуса. И Виталий увидел на носилках, несомого ногами вперед... Простыня от ветра слетела в ноги, скомкалась, ее не удосужились поправить. Роман был в одних трусах. Фигура – его, черты лица местами узнаваемы. Но голова, руки, торс – в кровавых ранах, нанесенных не то ножом, не то обломком стекла.

Виталий вывернулся из плотного кольца раскудахтавшихся соседей. Ему уже успели рассказать, что бедного Рому – такого вежливого, такого приятного молодого человека! – убил в очередном пьяном загуле племянник одного из владельцев дома. Дебошир давно

точил зуб на халявную жилплощадь, изредка угрожал и родному дяде, и его съемщикам. А вчера вот допился до смертоубийства. Все слышали под утро крики, но думали: просто мальчишка опять буйнит... Он убежал, но далеко не ушел, так как по следу пустили милиционера с собакой. В лесу отсиживался, отморозок...

Виталий медленно растер замерзшие руки, чтобы не дрожали, тронул машину с места.

Бывший десантник вчера немного выпил, при расставании выглядел совсем обессиленным. Но как он мог не справиться с примитивным перебравшим спиртного ублюдком? Как позволил всего себя располосовать?! Страшная и обидная смерть! Потому что нелепо.

Виталий часа три промаялся в офисе безо всякой работы и решил, что довольно.

Он извлек из памяти телефона имя: «Танго-Оксана». Помедлил прежде, чем нажать «вызов». Интересно, знает ли Оксана о смерти своего недавнего возлюбленного? Если нет, не хотелось бы становиться вестником беды. Много будет лишних вопросов: откуда знаешь, как это случилось? Если Оксана пока не в курсе, Виталий промолчит. Если же она знает – могли ведь обнаружить ее номер на кнопке быстрого вызова, например, – тогда как бы план не сорвался! И все же попробуем!

– Привет! Чего творишь?

Он так хотел осуществить задуманное, что автоматически включил все свое обаяние. Сам почувствовал, как голос наполнился нежными, игривыми, интимными интонациями. Мать много чего лишила его в этой жизни: и доброй памяти о родном доме, и шанса учиться в гражданском вузе, в каком он хотел, и возможности относиться даже к самой близкой женщине с доверием и уважением, и части оставленного лично ему бабушкой наследства – всего не перечислишь и не вспомнишь! Однако не поскупилась на привлекательную внешность и обаяние. Одно это заслуживало того, чтобы молить за нее Бога. Только вот язык не поворачивался.

Оксана отреагировала незапланированно:

– Готовлю обед... на двоих.

– О! – воскликнул Виталий с подлинным интересом. – Уже есть для кого стараться?

– Думаю, да... Ты ведь хочешь, чтобы я тебе погадала. Приезжай! Получишь комплексное обслуживание: я еще и вкусно тебя накормлю.

– Как ты догадалась?

– О том, что ты любишь настоящий украинский борщ с хорошим куском парного мяса и шкварочками?

У Виталия свело скулы от сладостного предвосхищения. Открой он в это мгновение рот, слюна закапала бы прямо на телефон. Он сглотнул... А вдруг Оксана сыплет в еду слишком много перца? Представил, что в борщ она для усиления вкуса, скорее всего, нальет уксус. Кроме того, еще неизвестно, в какой дыре она покупает так называемое «парное» мясо! Ни одно блюдо в мире, приготовленное слабыми руками женщины, не может сравниться с тем борщом, который Виталий готовит самолично каждую вторую пятницу в пятилитровой кастрюле – чтобы хватило на выходные и на угощение любому гостю... или гостье. Столь же совершенны только щи, которые Виталий тоже готовит сам, и тоже через неделю по пятницам.

– Как ты догадалась, – повторил он с напором, – что я хочу погадать?!

Легкий вздох послышался в трубке, и Оксана промолчала.

– Хочешь сказать, что я тебе только за этим и звоню? – произнес Виталий тепло и проникновенно; счел полезным добавить: – В последнее время.

– Как ты догадался? – с усталой грустью пошутила Оксана.

С предисловиями и реверансами можно заканчивать!

– Что привезти? – осведомился он деловито, но с прежней свойской теплотой.

Оксана не стала отнекиваться. Собранно, четко продиктовала список всего необходимого, будто он, давно продуманный и составленный, лежал под рукой.

Окрыленный, Виталий покатил в «Ашан».

– Всем нам, кобелям, одного надо. Я правильно тебя понял?

Крепкий кофе был уже выпит, и перевернутая чашка подсыхала в сторонке, а беседа опять вертелась вокруг скользкой и ненужной темы, но Рогова это не пугало: ведь его желание уже начало осуществляться!

– Если бы! Вам всем разное подавай!

Виталий с веселым интересом уставился на молодую женщину.

– Кому борща да галушек, кому погадать, – выразительный кивок в его сторону, – кому технику танца.

– Я?! Я хочу от тебя технику танца?!

Виталий редко танцевал с Оксаной: на милонгах она была нарасхват.

– Ты же не един в трех лицах, – съязвила Оксана. – Я сказала, что вам всем нужно *разное*.

– А кто хотел от тебя технику танца?

– Почему ты не интересуешься, кто хотел галушек?

Виталий пожал плечами. Танцы на данном этапе жизни увлекали его куда сильнее, чем еда.

– Если я стану спрашивать сразу обо всех твоих мужчинах – как бы ты не оскорбилась!

Оксана неопределенно хмыкнула.

– Ну, подумай, кто у нас вечно бродит в поисках идеальной партнерши и вечно пристраивается к девушкам, которые могут чему-то научить.

– А! Юшко, что ли? Так он и тебя успел?! – Виталий замолчал, не столько желая спешить, сколько просто потому, что не придумал, как закончить фразу.

Оксана сдвинула брови.

– Что успел?

– Успел... привлечь к обучению... себя... – кое-как закончил Виталий. – Обучению танго. Я это имел в виду. А ты что подумала?

Насупленные брови девушки не смогли противостоять озорной улыбке, внезапно выпрыгнувшей из-под усов мужчины: дрогнули, расцепились. Глаза Оксаны весело блеснули.

– *Вот это* Юшко почти успел. *Только* это, понял меня? И *то почти*. Мне не нужен бесплатный ученик.

– Но с каким пылом ты о нем говоришь! – поддел Виталий.

Оксана непонимающе хмыкнула и передернула плечом.

– Ну, хорошо. Ты очень хотела мне рассказать, кто ждал от тебя галушек!

– Хотела? Умеешь ты переложить всю ответственность на женщину!.. Я носила еду в судках Корневу. Пусть, конечно, земля ему будет пухом; о покойных плохо не говорят...

– Не понял ни-че-го. Что плохого в том, что Лео ел твою стряпню?

– Я начала заниматься у Измайлова три года назад. Корнев, как всегда, вел уроки в соседнем зале. Я и к нему бегала. Мне хотелось поскорее научиться. Я активная, ты же знаешь!

Виталий неопределенно улыбнулся.

– Корнев приходил после работы и вечно жаловался, что голоден, что не успел поесть, потому что в кафе или ресторане долго ждать, а у него остается всего пятнадцать минут до начала урока. А я из дому. Ну, ты же знаешь, какой у меня график.

Оксана работала в одном из многочисленных московских казино и после танцев часто спешила не домой, а туда.

– Жалко: мужик сидит на бутербродах, худеет. Я стала ему готовить.

– Ты же сама, так сказать, проявила инициативу. Чем же ты недовольна?

– Знаешь, вот хоть бы раз спросил, сколько тебе это стоит, или подарок подарил. Ел, нахваливал. Правда, дополнительно занимался со мной бесплатно. Этого мне хватало!

– Значит, все хорошо, все оплачено?

Виталий слышал, что Оксана еле сдерживает раздражение на покойного, и никак не мог взять в толк, чем оно вызвано.

– Я расскажу. Глупо, конечно. Может, легче станет. Мы с ним много раз обсуждали недостатки системы обучения танго, которая принята в клубе, провалы в технике танца и в преподавании. Он так критиковал Валентина – вам и не снилось! Ехидно, зло, тонко – не придерешься. И вот я говорю все то же самое публично – остаюсь выскочкой и изгоем! Он отмолчался, ни единой репликой меня не поддержал! Виталик, мне очень стыдно: я не в силах думать о покойном хорошо! Что делать?

– Вспомни: он тебя учил, старался и твои галушки нахваливал. Прости его, что ли. Теперь уже назад-то не вернешь, чтобы высказать в лицо, что накипело!

Виталию совсем не улыбалось читать гадалке проповедь и выступать в роли ее духовного наставника. Только не хватало кого-то чему-то учить, когда жить остается два понедельника! То есть Виталий, конечно, рассчитывал скоростно и благородно скончаться в глубокой старости, но присказку про два понедельника любил.

Он поднялся, подошел к журнальному столику, взял свою чашку, надел очки и приступил к знакомой процедуре.

– Змея. Кобра. Стоит на хвосте: вот. Распустила капюшон, готова броситься – прямо сюда, на меня как выскочит сейчас! Уже пасть приоткрыла! – Он обернулся к Оксане, вставшей за его плечом. – Видишь? Правильно?

Девушка кивнула, не отрывая блестящих черных глаз от чашки.

– Что еще?

– Рядом женщина. У нее платье или юбка лохмотьями. Вот здесь она приподняла ногу. Высокий каблук.

– Заметь, какие страшные провалы на месте глаз!

– Провалы? – Виталий прищурился, пожал плечами. – Да ну, просто глаза подведены. Макияж.

Оксана скроила гримаску несогласия, хотя спорить не стала. Что ж, ей виднее: она в этом деле спец!

– Ты говоришь, каблук, – продолжала Оксана раскалывать увиденную им стройную картину, – но обрати внимание, куда дальше тянется вот эта тонкая линия!

– Сливается с хвостом кобры!

– Так. Ну а еще какие фигуры тут есть?

– Еще одна женщина.

– Конечно, – усмехнулась Оксана, – неужели Виталию Рогову могло достаться что-нибудь другое?! Сплошные женщины тебя окружают!

– По усам текло, а в рот не попало, – пробормотал Виталий и погладил ладонью щеточку над верхней губой.

Оксана скептически вздернула бровь, неодобрительно покачала головой.

Она-то была бы не против напоить симпатичного, хоть и вдвое старше ее, любителя танго сказочным медом. Около двух лет назад, когда Виталий пришел заниматься к Измайлову, она много усилий приложила, чтобы заинтересовать нового ученика танцевальной школы собственной персоной. Но – увы! Смоляные волосы и черные глаза у женщин с ранней юности отталкивали Виталия. Спасибо генам отца и любимой бабушки по материнской линии, Виталик получился не в мать – сероглазым шатеном, и был избавлен от ужаса и отвращения при каждом взгляде в зеркало! Кроме того, Оксана повела себя слишком активно. Позже рядом оказалась столь же напористая Света. Но та была природной блондинкой.

Зато Оксана умела гадать на кофейной гуще, на картах, на фасоли!

На гадания, как на самую лакомую приманку, Оксана завлекла тогда Виталия к себе домой. Однако он поступил очень хитро: навез еды на такую сумму, чтобы больше не считать себя чем-либо обязанным. Потом он постарался честно, хотя и в виде отвлеченной

информации, объяснить Оксане, что не хочет иметь интимных отношений с черноволосыми и черноглазыми женщинами. Мать и сестра – угольные. Это будет почти инцест, притом с существом, которое не любить хочется, а, наоборот, оттолкнуть или самому бежать как можно дальше и без оглядки. Оксана не затаила обиду. Продолжали дружить.

Вскоре выяснилось, что девушка умеет не только гадать. Виталий попал в серию странных ДТП: то шину проколет, то повредит колесо в случайно подвернувшемся на дороге колодце. Когда дело дошло до столкновения, он не на шутку испугался. Пожаловался Оксане. На дне кофейной чашки четко увидел изображение змеи. Тогда змея была узкой, гибкой – не кобра, скорее гадюка: Виталий был убежден, что она ядовита! Выстроились рядом с пресмыкающимся и другие фигуры. Оксана ничего не знала об обстоятельствах прежней жизни Рогова, однако четко считала ситуацию: почти бывшая жена хочет успеть, пока не оформлен развод, заполучить наследство в виде автомобиля, квартиры и так далее. Отравить супруга она не смогла, пошла к колдуну.

Виталий, до сих пор скептически относившийся к гаданиям, тут же в них уверовал: он помнил странный вкус блюд, которыми жена пыталась его кормить незадолго до того, как он съехал жить отдельно. Оптом поверил и в колдуна. В особенности когда свеча, которую стала обносить вокруг него Оксана, ни с того ни с сего начала коптить на уровне сердца черным дымом, а на уровне солнечного сплетения и вовсе погасла, хотя дуновения ветерка в комнате не чувствовалось. Оксана зажгла новую свечу, что-то приговаривала над его макушкой и над пластиковой бутылкой с водой. Она надавала Виталию заданий для выполнения дома. После того случая он до сих пор ездил на авто безо всяких происшествий, разборка в ГАИ прошла на удивление легко, развод и раздел имущества произошли стремительно, причем наиболее выгодным для Виталия образом.

– Оксана, если ты можешь снять порчу, ты можешь ее и навести? – спросил он впоследствии.

Готовился из уклончивого ответа извлечь толику правды, но Оксана сказала просто:

– Могу.

И черные глаза молодой женщины в тот момент обратились так глубоко внутрь ее существа, что Виталий понял: не рисуется, не шутит.

– Но этого лучше никогда не делать! – И она ободряюще улыбнулась, совсем по-домашнему...

... – Виталик, очень серьезная опасность исходит от женщины. – Чашка с засохшими остатками кофе уже была отставлена в сторону; Оксана разложила на низком столике карты. – У нее темные волосы и глаза. Ты ей доверяешь, как... как близкому другу. Ты немножко зависишь от нее, будто она в чем-то сильнее тебя...

– Пожилая?

– Ну, карты не говорят возраст. Но... Она не старше тебя. Моложе. Значительно моложе, как дочь.

С каждой фразой Оксана мрачнела. Ее напряжение передалось Виталию.

– Это ты, что ли?!

Он умел иногда так сурово, даже жестко сказать, что женщины не распознавали шутку, пугались или злились – в зависимости от ситуации. Удивительно: мужчины крайне редко попадались на эту удочку; как правило, сразу раскусывали подвох – если не кидались в драку.

– Кто ж еще? Решила тебя известить. Вот, заранее предупреждаю, чтобы ты трепетал! – произнесла Оксана раздумчиво и внезапно вспыхнула как порох: – Ну, знаешь! Собирай-ка ты, дорогой друг, манатки и вали отсюда!

– Оксан, ты чего? Я же пошутил! – Виталий успешно скрыл растерянность за снисходительной усмешкой.

Оксана вперилась взглядом ему в лицо.

– Мне не нужны в моем собственном доме такие шутки!

Глаза угрожающе распахнулись. У Виталия засосало под ложечкой. Должно быть,

любая пара черных глаз, когда их хозяйка в бешенстве, полыхнет именно так – будто дверь в преисподнюю приоткрылась. Захотелось вскочить и выйти, хлопнув дверью.

– Я понял, – сказал Виталий холодно. – Я больше не стану шутить.

Оксана, видно, сообразила, что погорячилась. Постаралась замять инцидент посредством кормежки.

Борщ оказался до ужаса вкусным, но, как и следовало ожидать, совершенно неправильно приготовленным. После борща Оксана еще пыталась отравить нежный организм Виталия жареной рыбой с картошкой. Пахло изумительно, однако он с возмущением отказался: блюдо из замороженной рыбы – чистый яд, а от картошки стремительно растет живот! Виталий попросил чаю и, наконец, дорвался до нормальной, здоровой пищи, им же самим привезенной: на свежий черный хлеб мазал толстым слоем славное своей устойчивостью к таянию масло «Анкор» и сверху водружал кусок маасдама.

– От хлеба живот не растет? – съязвила Оксана, внимательно наблюдавшая, как гость создает третий бутерброд.

– От черного?! – Виталий надменно вздернул брови. Злая обида бурлила в нем с прежней силой. С какой стати эта женщина позволяет себе так сверкать на него глазами?! Будь она хоть трижды колдунья!..

Он молча продолжал жевать.

– А масло – специально для похудения? – прицепилась Оксана, тоже сидевшая за столом с надутым видом.

– Послушай. Я съедаю ровно четыре бутерброда. Мне достаточно. И от этого не поправляются.

– И ты уверен, что целлулоидный «Анкор» менее ядовит, чем мороженая рыба?

Его уже радовало, что Оксана все сильнее заводится. С издевательским спокойствием он ответил заведомо нелогично:

– Масло должно быть тугоплавким. Это удобно.

– А тот факт, что сыр содержит много холестерина, вообще прекрасен! – Оксана почти шипела; яд, казалось, вот-вот закапает с аккуратненьких белых клыков. – Чем больше съешь, тем больше шансов отправиться на тот свет по собственной инициативе, а не по злой воле знакомой гадалки!

Виталий победно улыбнулся и бросил свысока:

– Зачем больше? Я же сказал: я съедаю всего четыре бутерброда... Но сегодня мне хватило трех. Спасибо, – он поднялся, – борщ был великолепен, хотя то, что ты готовишь, – не моя еда.

Оксана внезапно рассмеялась – легко, совсем беззлобно:

– Что меня, Виталик, всегда в тебе восхищает, – это изысканная вежливость!

– Ну, уж какой есть, – пробормотал Виталий с новым приступом обиды. – Благодарю за гадание, весьма поучительно! – Он повернулся спиной к хозяйке и направился в коридор.

* * *

– Сегодня опять милонга? – поинтересовался Костя для проформы.

Он смирился с мыслью, что всю долгую послепраздничную неделю придется не высыпаться. Он в общем-то вполне мог бы отказаться сопровождать Ксению ежевечерне, а точнее, еженощно. Однако он не понимал, правильно ли будет так поступить. Если они вместе – так вместе! Ксении по каким-то причинам очень важен этот фестиваль и важно, чтобы Костя участвовал наравне с ней. Она верит, что ему интересно смотреть выступления аргентинских танцоров, участвовать в играх и викторинах. Она надеется, что друг, наконец, научится любить атмосферу танго и сам танец. Когда ему летом хотелось рвануть на выходные по Золотому кольцу, или в Питер, или просто куда глаза глядят, по неизведанным местам Подмоскovie и окрестностей, Ксения бросала свою любимую дачу, где всегда работы невпроворот и вся – срочная, и ехала с ним. Это было трогательно, особенно если учесть, что

они тогда только дружили! Всего раза три или четыре так ездили – но и то не мало! Костя не хотел ее огорчать и честно паялился на выступающих в шоу питерцев, немцев, аргентинцев, венгров, на танцующих взахлеб москвичей.

– Сегодня интересный урок, – задумчиво ответила телефонная трубка голосом Ксении. – Синхронизация украшений. Все продвинутые набегут, так что и на милонгу останется бомонд. С другой стороны...

Костя перестал слушать вполуха. «С другой стороны» – это уже интересно! Значит, возможны варианты!

– Когда на урок набегает толпа, там нечего делать. Тем более что мне пока еще особо не до украшений, и с партнерами я танцую не того класса, чтобы... синхронизировать...

Костя непроизвольно шумно вздохнул. Ксения, конечно, услышала.

– Друг мой! А зачем тебе тащиться со мной на милонгу?! Когда с выступлениями, со всякими праздничными развлечениями – это одно, а когда я просто буду танцевать, а ты – скучать – ни к чему! Я бы все-таки сходила: когда продвинутых много, они добрые, танцуют с кем попало, будут приглашать.

Костя зевал на работе целый день, а сейчас, к вечеру, глаза закрывались сами собой. Он не стал сопротивляться. Можно будет поспать до половины второго, а потом съездить за Ксюшкой.

– О'кей! Тогда я приеду за тобой к двум.

– Зачем?

– Ну, как зачем? Домой отвезти. Или у вас эта пляска до утра?

– Эта – нет. До утра будет в субботу. Готовься! А сегодня отоспись! Меня кто-нибудь еще подвезет.

– Уверена? Я не хочу, чтобы ты среди ночи ловила такси!

– Костенька! Мой дорогой, спасибо тебе за заботу! – было слышно, что она искренне растрогана. – Не волнуйся, может, Травкин с Ириной уже вернулись. Обязательно подвезут!

– Позвони и уточни!

Костя уже знал, что Травкин может себе позволить кататься с французской горы не со всей толпой русского рождественского бомонда, а когда вздумается.

– Да ладно, Кость, не они, так кто-нибудь еще. Лера никогда не откажет.

– Рогов, – подсказал Костя.

– Да, кстати, Виталик подвезет, если будет.

Последняя реплика содержала некую фальшивую небрежность, которая Константина на удивление не взволновала. Рогов – мужчина одинокий и нестарый. Ксения щадит друга, старается не акцентировать его внимание на потенциальном конкуренте. Но ведь она знала Виталия задолго до знакомства с Константином. Значит, что-то у них там не сошлось. С какого перепугу сойдется сейчас?

– Или вообще не ехать? Честно говоря, я с табуретки падаю – так спать хочется!

– Время есть. Ляг и поспи. Если часам к девяти придешь в себя – двинешь на милонгу, если нет – отсыпайся до утра, как советовала мне!

Костя не знал, почему ему так сильно хочется, чтобы подруга осталась дома. Не все ли равно: он-то получил амнистию, а она занимается еженощным самоистязанием добровольно! Тем не менее его желание, необъяснимое, но сильное, неожиданно-негаданно сбылось.

– Если сейчас разморюсь, то это уже до утра. А гори она ясным пламенем, эта милонга! Так и сделаю!

Они радостно пожелали друг другу спокойной ночи, виртуально поцеловались и расстались до утра, совершенно умиротворенные.

* * *

По ночной улице разливалось нежно-розовое свечение: сверкавший мириадами крошечных драгоценностей снег мягко возвращал морозному воздуху однажды уже

пронизавшие его насквозь лучи фонарей, неспящих окон, обозленных холодом маленьких льдисто-белых звезд.

Виталий несколько раз вздохнул полной грудью: хотелось очиститься, выдохнуть из глубины существа грязь безобразной и нелепой ссоры. Откуда столько недовольства и претензий? Ведь эта женщина, в сущности, посторонняя ему! Мало ли какие там планы она строила на его счет – он тут совсем не виноват!

Ледяной воздух стал обжигать горло. Виталий закрыл рот и плюхнулся в машину. Первым делом включил обогрев под задницей. Как писал в служебной записке один танкист его части в давние годы, когда Виталий служил кадровым офицером Советской армии: «Отсутствие обогрева сиденья в кабине танка создает в зимнее время прямую угрозу мужскому здоровью».

Он поставил диск «Русское танго-2» – новогодний подарок Карины всем знакомым танговитам. Карина основала традицию в прошлый Новый год, а в этом благополучно продолжила. Новый диск был вдвое больше прошлогоднего, играл часов шесть, так что хватало на несколько коротких поездок. Виталий сможет еще не менее месяца прокручивать его вновь и вновь, по обыкновению почти не вслушиваясь в тексты песен.

Он выкрутился в несложном лабиринте хрущевских дворов и небольших улочек. Едва дождался возможности освободить руку, чтобы взять телефон. Хотелось скорее зажевать пакостное впечатление заведомо приятной беседой. Набрал номер Ксении. Трубка немного помолчала, а потом решительно отказалась налаживать контакт, сославшись на временную недоступность абонента. Виталий решил, что Царева в метро, и обрадовался: время – как раз перед уроком! Придет!

Своим пронзительным, своеобразным пением Вертинский на диске отвлек Виталия от размышлений.

Как хорошо без женщин и без фраз,
Без горьких слов и сладких поцелуев,
Без этих милых, слишком честных глаз,
Которые вам лгут и вас еще ревнуют!
Как хорошо без театральных сцен,
Без длинных «благородных» объяснений...

Без безобразных сцен... Да уж! Виталий поторопился отогнать вставший перед глазами образ Оксаны.

Еще вчера, во время траурного танца, он сначала обсудил с Ксенькой неожиданный уход из жизни их учителя, а потом стал уговаривать ее обязательно посетить урок по украшениям. Она же совсем не украшается! Ее ножкам так бы пошли все эти женские двигательные финтифлюшки! Они вместе станут смотреться вдвое лучше! Ксенька ныла, что народу будет много, украшаться ей пока рано, и вообще впереди еще целая неделя, надо сделать перерыв, чтобы дотянуть до конца, когда начнется самое интересное. Виталий высмеял и с успехом разбил все ее аргументы. Чужая без пяти минут невеста милостиво обещала подумать. Хоть бы пришла!

Травкин только завтра вернется из Куршевеля...

...Как хорошо с приятелем вдвоем
Сидеть и тихо пить простой шотландский виски...

Такое впечатление, что Вертинский активно набивается в собеседники!

...И, улыбаясь, вспоминать о том,
Что с этой дамой вы когда-то были близки...

Кроме Сергея, в танго-сообществе у Виталия столь доверительные отношения с одной Царевой. Лера не в счет: ей особо не поплачешься – обьехидничает! Как же хотелось поделиться: и рассказать о гибели Романа, и обсудить поведение Оксаны. Ведь правда же, она вообще такая, мягко говоря, задиристая? То с Измайловым поругалась, то вот на ни о чем не подозревающего Виталия принялась глазами сверкать. Может, Ксения, как психолог, скажет, что существует такой особый тип личности, или диагноз. Да и просто хотелось пожаловаться: на незадавшийся с самого начала день, на хроническое недосыпание, на аритмию, которая вчера выскочила, как черт из табакерки, на друга, который всучил такой ценный, но неподъемно тяжелый подарок, на время, что оно пролетает мимо незамеченным. Ксенька все поймет, посочувствует. По крайней мере, сделает большие сострадательные глаза и ласково погладит по затылку...

...Как хорошо проснуться одному
В своем веселом холостяцком «флете»
И знать, что вам не нужно никому
Давать отчеты, никому на свете!..

Виталий не скрывал от самого себя: Ксения с самого начала ему нравилась. И не Светка стала преградой. С той он расстался еще до появления на горизонте Константина. Но Ксенька ближе к лету почти перестала ходить на занятия – вот и все. Прав был бедный десантник: настает момент, когда понимаешь, что танцевать гораздо интереснее, чем волочиться за женщиной в традиционном смысле. Уже нет потребности водить в кино и рестораны – только на милонги, дарить цветы – только веера, прогуливаться по парку – только по танцполу! Потом Царева вернулась, однако уже в сопровождении.

...А чтобы проигрыш немного отыграть,
С ее подругою затеять флирт невинный
И как-нибудь уж там подстраховать
Простое самолюбие мужчины!³

Виталий вытащил диск. Истошно завопило радио; он принялся переключать программы.

Если Царевой не будет, придется танцевать с Наташей. Это во многих отношениях лучше: у нее – техника! Но Наташка прошлым вечером кадрилась с Романом. И умолчать о его участии будет тяжело, и рассказывать – совсем ни к чему! С Оксаной терпел-молчал – сначала чтобы не нарушить процесс гадания, а когда поругались, стало уж не до того, чтобы делиться новостями, теперь – дубль два...

Сегодня урок проходил не в помещении «Витанго», а в большом танцевальном зале ночного клуба «Си-ди-рви» на Маяковке. Там иногда дискотечилась молодежь, иногда проходили бои без правил, а раз в неделю, по средам, – уроки танго и милонги. К фестивалю на черных стенах танцзала разместили выставку картин восторженного поклонника танго Сергея Травкина. Чуть не каждый день фестивальной недели тут проходили если не милонги, то уроки и практики.

Народу и впрямь набралось больше, чем хотелось бы: человек сорок, да как бы не пятьдесят! Первое, что увидел Виталий, войдя в зал, была занавешенная черными кудрями спина Оксаны. Вот радости-то! И как она успела добраться из своей тмутаракани на автобусе и метро с пересадками быстрее его?! Пробки, будь они неладны!

Виталий плюхнулся на первый попавшийся стул переобуваться, опять достал телефон. Ксения по-прежнему не в доступе; до начала урока две минуты. И тут его постигло второе

³ Вертинский А. Без женщин.

разочарование.

Подбежала Наташка, торопливо поцеловала в щеку и на его традиционное: «Девушка, вы танцуете?» – ответила, что уже приглашена одним классным партнером.

– Кто это? – удивился Виталий.

– Вот тот, видишь?

– Юшко, что ли? Толик?

– Да. Ты всех знаешь!

Виталий не повелся на лесть, строго поинтересовался:

– Ну и зачем тебе этот Тыгдымский конь?

Наташа немного смутилась. Заговорил девчонку. Заморочил ей голову, как пить дать! Чем еще Тыгдымский конь силен? Только трепом!

– Ты несправедлив к нему: он сильно прибавил в технике за последнее время: у него же была классная партнерша.

Виталий выдал самую скептическую улыбку из своего богатого арсенала, поднял вверх указательный палец и назидательно помотал им из стороны в сторону перед носом у Наташи. Он уже собрался разразиться тирадой на тему: «Плохому танцору не поможет даже самая классная женщина», но девушка торопливо добавила:

– Толя сказал, что ему нельзя отказывать: сегодня день его рождения.

– Станцуешь с ним танец именинника – и хватит с него! – не унимался Виталий, с обеда заведенный на споры.

– У Юшко правда есть чему поучиться. По крайней мере, украшается он мудрено и мастерски, поэтому мне не хотелось бы расставаться с ним до конца вечера, – отрезала Наталья. – Разве что он меня пошлет, – добавила с неопределенной гримаской. – А на милонге я твоя, сколько захочешь.

Не очень-то и хотелось, но с кем встать в пару? Сейчас налетит какая-нибудь Дарья Сметанина – вон она мелькнула! – а от нее удастся безболезненно отделаться, только если находишься в добром и веселом расположении духа.

Заметила. Налетела. Ксения по-прежнему не появлялась. Виталий вздохнул и повел Дарью поближе к аргентинцу-преподавателю, чтобы ничего не пропустить из движений, которые тот покажет.

Только начали отрабатывать новый элемент, не замедлила проявиться проблема сегодняшнего вечера номер один. Виталий встретился взглядом с Оксаной, подчеркнуто вежливо кивнул. В ответ получил очередной выброс черного пламени, не долетевший, впрочем, до цели, и Оксана, гордо вздернув голову, отвернулась. Нажил врага. За что?!

Дарья старалась вести оживленную беседу. Виталий с трудом поддерживал разговор, отвечал невпопад: ему хватало других забот! Лишь одна тема вызвала у него такой живой отклик, что он вовсе перестал двигаться и отвел горе-партнершу к стеночке, под одно из полотен Травкина.

– Ты уже знаешь страшную новость про Рому?

– Какого Рому? – ответил Виталий заранее заготовленной фразой.

– Такой полненький, с хвостиком. Он же в нашу группу ходил. Разве ты не помнишь?!

– А что с ним случилось? – пустил он в ход еще одну домашнюю заготовку.

– Господи, его же убили!

– Откуда такая информация?

– Сегодня к Измайлову приходили из милиции. Расспрашивали. Не долго. Валя сказал: похоже, это была пустая формальность, потому что и так все ясно.

– Что ясно-то?

Далее Виталий выслушал – с некоторыми купюрами и вариациями – историю, которую знал с раннего утра. Итак, о гибели Романа теперь знают или узнают в ближайшее время все, кто хоть отдаленно понимает, о ком идет речь.

Короткий истошный и будто ликующий визг перекрыл музыку. По внутренностям пробежал морозец.

Дарья с огромными зрачками испуганно огляделась. На глаза бойкой женщины навернулись слезы. Она, как и следовало ожидать, спросила дрожащим голосом:

– Что это?!

Виталий не стал глядеть по сторонам: он смотрел на картину, висевшую тут же на стене. Ничего в ней больше не менялось.

– Да ничего, – пожал он плечами, успокоившись, – аппаратура ба...

Новый вопль – протяжный и еле слышный, на грани ультразвука, – сотряс тело. Виталий видел, будто в замедленном воспроизведении кинозаписи, как застыли в причудливых позах ученики аргентинского мэтра. И сам мэтр оставался неподвижным. И Дарья, казалось, не только не шевелится – не дышит. А внезапно размазавшиеся фигуры женщины и мужчины на картине Сергея Травкина будто оплывали.

Виталий тряхнул головой. Ну, вот и все ясно! Надо срочно проверить глаза: похоже, зрение опять село.

– Аппаратура барахлающая! – сообщил он очевидное уже и так просветлевшей лицом Дарье.

И повел плечами, чтобы выгнать из-под лопаток последние отряды ледяных мурашек.

Вскоре объявили смену, и Сметанина неожиданно переметнулась к Николаю, озорно шепнув: «У него усы пышнее!» Наверное, хотела успеть и с тем обсудить жуткую новость. Виталий огляделся. Остальные знакомые партнерши, оставшиеся свободными, совсем не дотягивали по уровню, чтобы успешно осваивать содержание урока. Виталий выбрал симпатичную моложавую незнакомку. Больше смену, к сожалению, не объявляли. Незнакомка повисла на нем, как куль с овощами, охотно и легко подхватывала любой его шаг, но пространства для маневра не оставляла вовсе: ни развернуться, ни мимо себя ее повести, ни, тем более, разомкнуть объятия!.. Виталий обливался потом. Он просто устал таскать женщину на себе!

Во время очередного долгожданного перерыва Виталий, тяжело дыша, тупо наблюдал, как аргентинец показывает новые шаги и связки, которых с этой дамой все равно не удастся воспроизвести, но не мог сосредоточиться на объяснениях, зло размышлял о своем.

Два главных принципа танго для партнерши: ведись, на что ведут, и превращай легкий посыл партнера в сильное, яркое движение. Вот так и следует поступать настоящей женщине: подхватывать любую, едва уловимую инициативу мужчины и развивать ее. Не начинать движение первой, но развить любой импульс партнера в полноценное и красивое па.

Беда большинства женщин в том, что они желают вести сами, они не ведутся! Но те, кто ведется, виснут на партнере и напрочь забывают о собственной активности, в самый ответственный момент перестают вообще хоть как-то шевелиться. Такую раскачивать замучаешься. Тут жить осталось два понедельника – совсем не интересно кого-то раскачивать!

Так и маешься, понимая, что все в жизни уже было, стремясь для разнообразия поднять планку выше санатория, но обнаруживая, что там, в вышине, обитают женщины, не способные правильно танцевать танго – ни горизонтально, ни вертикально, потому что голова мешает им расслабить ноги... И не только ноги.

Подобные мысли звучали бы весьма пошло и недостойно светлой головы Виталия Рогова, если бы они не описывали верно и общепринятыми в танго-сообществе терминами секреты мастерства исполнения этого сложного и красивого танца. Пошлость закралась только одна: когда он мысленно опрокинул танго в горизонталь. Но тут Виталий совсем уж не виноват: это же из истории про английскую королеву! Якобы та, впервые увидев новомодный танец, воскликнула: «Неужели *это* исполняют стоя?!» И еще кто-то известный сказал: «Танго – вертикальное исполнение горизонтальных желаний». Знаменитая фраза, Виталий тут ни при чем!

К концу недешево оплаченного мероприятия он почувствовал себя таким несчастным и утомленным, что быстренько переобулся и ушел; даже ненадолго не задержался на милонге.

* * *

В прокуренном зале сизый дым поднимался клубами, колыхался плотной завесой, стоял стеной, служил надежной вешалкой для нескольких десятков топоров. Короче, делал все, что может делать дым, бесконтрольно вырывающийся из множества сигарет, сигар, трубок, переполненных им ртов, пропитанных им легких. Здесь живой оркестр громко играл джаз, лица курильщиков выглядели интеллигентными и интеллектуальными, даже несмотря на их красноту и нездоровый блеск в глазах от выпитого за вечер.

Удивительно, что в том помещении, из которого девушка только что пошатываясь вышла, отодвинув всего лишь плотную темно-красную гардину, она не улавливала и намека на эту разрывающую уши музыку, на этот разъедающий легкие дым. Или сама она пребывала в слишком сильном угаре от других сладостных ядов?

Девушка медленно брела среди угарного газа от одной колонны до другой. Опершись о колонну, она могла сделать два-три шага несколько более уверенно. Мимо сновали официантки с подносами. Она огорчалась оттого, что всем мешается. Наконец, последняя опора осталась позади.

Новая темно-красная штора – следующий зал. Здесь оглушила тишина, и радостно расправились легкие. Здесь в тусклом свете яркими пятнами выделялись лишь столы зеленого сукна с белыми шарами, слышались только звонкие щелчки кия да приглушенные возгласы. Девушка с тоской посмотрела на диваны темно-красной кожи по стенам и пошатываясь побрела мимо. Здесь, в чопорной тишине, ей смутно подумалось, что вещь, которую она держит в руке, смотрится, пожалуй, несколько неприлично. Но к этому моменту она уже миновала бильярдную и оказалась в узком, извилистом коридоре, где людей не встречалось вовсе. Тут она вновь полностью сосредоточилась на единственной проблеме: дойти. Каким чудом ей удастся преодолеть весь долгий путь, лежавший впереди, в самом начале которого она находилась, девушка не представляла. Она просто упорно переставляла ноги.

Снова шум, снова люди – стоящие и идущие – парами, поодиночке, небольшими компаниями. Лестница. Черный металл перил, темный паркет площадки, черные стены – все утоплено в резком «больничном» свете, от которого начинают немедленно болеть утомленные глаза. Зато – перила!

Спотыкаясь на каждой ступеньке, она спустилась с третьего этажа на первый. Навалилась на стойку, подала молодому парню-раздевалочнику номерок. Только получив на руки пальто, обнаружила, что по-прежнему держит вместе с сумочкой свою длинную теплую юбку. Она беспомощно оглянулась в поисках местечка, куда можно было бы присесть или хоть положить вещи. Тщетно! В маленьком, на удивление простеньком холле роскошного ночного клуба иные горизонтальные поверхности, кроме крошечной полочки под окошком раздевалки, отсутствовали. В дверь вошла молодая пара: мужчина и женщина, поздние посетители ресторана или какого-нибудь ночного мероприятия. Надо было срочно освободить для них подступы к раздевалке!

Девушка бросила пальто и сумочку – они заняли почти весь приполочек у раздевалки, – торопливо натянула через голову юбку, стараясь не оглядываться ни на кого из присутствующих. Быстро сунула руки в рукава пальто. Из рукава вместе с ладонью предательски высунулся шарф, пришлось его вытягивать, кое-как наматывать на шею перед скромненьким зеркалом.

Своим заплетающимся шагом она прошествовала мимо рамки металлоискателя. С облегчением вздохнула: хорошо, что на обратном пути не надо выворачивать наизнанку содержимое сумочки и с замиранием сердца ожидать: вдруг там, внутри, все-таки обнаружится газовый баллончик, финка или маленький, компактненький калаш – радость боевика?!

Шаг за неохотно открывшуюся дверь, легкий морозец, скрип снега под неуверенными

шагами. Зачем, господи, ну зачем она надела сапоги на высоком каблуке?! Будто не догадывалась, чем кончится дело, будто не случилось все это прежде! Она медленно преодолела внутренний дворик. Сыпал редкий, нежный снежок, за освещенными окнами ресторана текла неторопливая, вкусная и красивая ночная жизнь.

Новый холл с двойными дверями...

Девушка, пошатываясь, вышла из ночного клуба на улицу. Позади над ее головой осталась сверкающая голубым неонов табличка: «Си-ди-рви». От станции метро «Маяковская», которое закроется через пять минут, ее отделяли два квартала. Серьезного вида немолодой прохожий посмотрел с откровенным осуждением.

– Девушка, а девушка! Поехали с нами! – услышала она веселый голос сзади и обернулась, не веря своему счастью.

– Наташка, ты что это убежала?! – продолжала Лера громко и удивленно. – Метро все равно сейчас закроется, куда тебя понесло?

Рядом с Лерой стояла Анна – еще позавчера счастливая соперница в борьбе за место помощницы Коренева, лучшая в Москве женщина, танцующая мужские партии в танго. Сейчас Наташа не испытала к ней ничего, кроме умиленной нежности! Она – товарищ по счастью, по нежданно свалившейся радости: быть доведенной до дому на машине!

– Я думала, успею добежать, а ноги болят – нет сил. Идти даже не могу – не то что бежать.

– До машины дойдешь? – полушутливо-полузаботливо осведомилась Лера.

– Да, спасибо.

– В каком месте у тебя болит? – поинтересовалась Анна по дороге.

– Подушечки ступней. Надо было надеть ботинки без каблука – на обратную дорогу.

– Подушечки – надеюсь, с внутренней стороны стопы? – не унималась Анна.

– А как же?! Все по правилам! – подтвердила Наташа, и три женских голоса рассыпались смехом по пустынной улице.

Сегодня добрую половину урока аргентинец, вместо украшений, посвятил технике женского шага, придя в ужас от косолапящей походки неопытных партнерш.

Лера оставила машину за углом, в переулке. Пока добрались, Наташа успела в красках описать свое торжественное путешествие по анфиладам, коридорам и лестницам ночного клуба – шаткой походкой, с юбкой в руке. Урок и милонгу она протанцевала в легинсах, в них и побрела до раздевалки – чтобы успеть немного остыть после танцевального угара. Женщины смеялись от души и подтвердили, что она, косолапящая от боли, неустойчивая на высоких каблуках, и впрямь смотрелась колоритно у дверей ночного клуба.

«Как-то неправильно, – неожиданно подумала Наташа, усаживаясь на холодное сиденье, – что мы так беззаботно веселимся. Корнев умер только вчера. Он был не чужим человеком мне и Анне. А мы безразличны».

Но в этот момент Лера переключила всех на обсуждение маршрута. Выслушав, кто где живет, приняла решение отвезти сначала Наташу. Они тронулись в путь и вернулись к обсуждению животрепещущих тем.

– Как вам понравился танец именинника?

– Юшко нашел очередную идеальную партнершу, только и всего!

Лера, обычно такая уравновешенная, веселая. А тут... Столько резкого сарказма в голосе, что хочется пересесть на заднее сиденье! Ей, конечно, было из-за чего злиться.

Так называемый «танец именинника» существует для того, чтобы тангеро или тангеру могли поздравить с днем рождения языком танго. Звучит музыка. К имениннику по очереди подходят все желающие с ним потанцевать, мягко трогают за плечо. Как только он чувствует прикосновение следующего партнера, тут же с благодарностью оставляет предыдущего. Чем лучше человека знают, чем больше его любят, тем более длинная очередь выстраивается, чтобы сделать с ним всего несколько шагов и фигур. Остальные просто любят именинником, окружив танцпол.

Юшко хорошо знали многие, но очередь к нему стояла совсем коротенькая. Первой

вышла Наташа. Она успела привыкнуть к его манере ведения в процессе урока, но все-таки боялась лохануться на глазах у всех. А единственный способ борьбы со страхом, который ей помогал с детства, – пойти навстречу опасности первой. Ей на смену выскочила активная рыжая дама, которая неплохо танцевала и всегда старательно завязывала контакты с танго-партнерами. Она все время оглядывалась: не отобрали бы слишком скоро возможность показать себя публике! Далеко не сразу, но это случилось. Анатолия похлопала по плечу малознакомая Наташе девушка. Юшко чем дальше, тем больше выпендривался: выделял сложные па сам и вел партнершу на нечто немыслимое! Наташе повезло, что вышла первой и попала на разогрев. Нынешняя партнерша пока все его эскапады выдерживала с честью, но больше никто не торопился выйти поздравлять непредсказуемого партнера. Лера, явно пожалев незадачливого именинника и веря в свои возможности, нехотя выступила вперед.

– Лерочка, мальчик просто увлекся, тебе следовало быть по-настоятивее! – то ли в шутку, то ли всерьез упрекнула приятельницу Анна.

– *Мальчик* просто *охренел*. По-другому не скажешь, – уже с меньшей долей злости и большей – юмора возразила Лера. – Считай! Первый раз я прикоснулась к его руке. Он вообще не отреагировал. Второй раз я тряхнула его за плечо – с тем же успехом. Третий раз я позвала его по имени. Он удостоил меня равнодушным взглядом и... и все. Надо было отпихнуть девушку?

– Вообще-то она повела себя нетактично. Могла бы и сама отойти! Хотя танцевала – загляденье!

– Не соглашусь! Партнершино дело – пассивное: когда отпустили – тогда и ушла. В такой ситуации каждой приятно показать: вот как он меня ценит, не хочет отпускать! Ее я не осуждаю! А уж как она там танцевала... С Толей особо не растанцуешься, насколько я заметила!

В результате Лера отошла прочь, чувствуя себя как оплеванная. Тут мелодия закончилась, сменилась следующей, и все отправились танцевать, равнодушно пожимая плечами: зачем вообще этот Юшко заявился на танго именинника, если никто особо не рвется с ним танцевать, да и самому особо никто не нужен?

– Как зовут эту девушку? Я не могу вспомнить! И откуда она? – задала Наташа давно не дававший ей покоя вопрос.

– Я ее вообще не разглядела: спина и спина! – отрезала Лера.

– Рита из «Танго-тауна», – четко отрапортовала Анна. – Но девочка превзошла себя. Постаралась ради нашего Толика!

– Ради почетной роли очередной идеальной партнерши что ж не расстараться?

Наташа в который раз подумала: «Любопытно все-таки, какой же Анна ориентации?»

– Наташ, тебе очень удастся мужская партия!

Наташа вздрогнула от двусмысленного комплимента.

– Аня, я не уверена, хорошо ли это, – ответила осторожно. – Может, это портит впечатление от меня, когда я в жен... в роли партнерши?

– Нисколько! Ты и как *партнер* женственная, в отличие от меня.

Наташа растерялась: что нужно ответить? Хоть бы Лера включилась в разговор: она лучше знакома с этой Анной!

– Молчишь? Ты терпеливая!..

«Что она ко мне привязалась?!» – подумала Наташа с тоской, робко вякнула:

– Да нет, я...

– Обычно после первых пяти минут беседы, – перебила Анна, – задают один и тот же вопрос... Нет, не то, что ты подумала.

Наташа совсем вжалась в спинку кресла.

– Про нетрадиционную ориентацию народ стесняется спрашивать. Удобная формулировка: «Почему ты предпочитаешь партию партнера?» Да, Лер?

Лера звонко рассмеялась:

– Точно! Я тоже так спросила. Прямее постеснялась.

– Ответ между тем прост. Никакой ориентации. Вообще никакой! – Анна усмехнулась. – Так что ты от меня не шарахайся...

– Я не шарахаюсь. – Уверенности у Наташи прибавилось. – А что значит «никакой»?

– Я уж забыла, как это делается. Жизнь отдана танго. – Она отвечала легко, с иронией, чувствовалось, что ей просто довольно редко удается поговорить о себе. – Остаток жизни.

– Так почему все-таки партия партнера? – переспросила Наташа, которой стало интересно.

– Потому что кому интересно танцевать с теткой под шестьдесят.

– Тебе под шестьдесят?! – воскликнула Наташа, сильно споткнувшись на слове «тебе».

– Не лъсти! Ну ладно, когда начинала, был полтинник. То же самое. Перспективы, да еще при моей внешности – блекленькие. А танго... Точнее, без танго уже жизни нет. Лучше стать мальчиком и танцевать ночи напролет, чем сидеть старушонкой у стенки.

– Ну, ты уж не кокетничай, – возмутилась Лера. – Старушонка! Мне тоже пятый десяток, так я в старушонки не собираюсь!

– Ты, девочка моя, раньше начала. Тебя тут уже все знают и не забудут. Но партию мальчика я бы на твоём месте начала потихоньку осваивать – про запас!

– Типун тебе на язык!

– Зря, я не заслужила. Я вон и Наташе, молоденькой, хорошенькой, то же самое скажу. Танго надо уметь со всех сторон, из всех позиций...

– Лерочка, вот тут, дальше не надо! Вот мой дом.

Наташа в самый последний момент заметила, что едет по родной улице мимо родимого подъезда.

Выходя, поцеловала Леру, Анну.

– Приятно было познакомиться поближе!

– Приходи завтра. Антошка Синьков будет диджеить. Сплошное нуэво. Оторвешься!

– К моим конфигурациям нуэво не очень-то идет. – Наташа картинно приподняла пышную грудь.

– Никто из мужчин не откажется, – отрезала Анна.

– Девочки, давайте завтра померяемся бюстами, – попросила Лера, – я спать хочу! Аня, заканчивай воспитывать молодежь в духе тангизма-пьяццолизма; поехали!

Наташа помахала вслед отъезжавшей машине. Ноги успели отдохнуть и уже не болели при каждом шаге. Только на щиколотке пульсировала и ныла глубокая ссадина, пропоротая во время милонги Оксаниным каблуком. Если тогда Наташа еще попыталась утешиться иллюзией, что партнер неправильно повел Оксану, то сейчас почти не сомневалась: соперница, такая же несчастливая, как сама Наташа, выместила на ее ноге свою злость.

Четверг. Счастье по-стариковски

*Как вам, деточки, рассказать,
Что за дрянь наше дело стариково!*

–
*Я проплакала все глаза,
Тоню с Витей свеза на Востряково,
Но, что Коли нет,
Вот скоро будет пять лет,
Мое сердце никак не поймет.*

И. Богушевская. Рио-Рита

Ксения влетела в ресторан, стремительно огляделась, весело замахала Косте, подскочила, с разбегу поцеловала. Губы теплые, остальное – холодное. Сразу было видно: она отдохнула, свежа и полна сил; загорелое лицо еще темнее от румянца. Костя тоже чувствовал себя гораздо бодрее. Много ли человеку надо? Дайте вволю отоспаться!

– Роллы будешь? Какие?

Ксения вгрызлась в меню, будто сама книжица была съедобной и весьма привлекательной на вкус. Голодная! Костя улыбнулся. Ксюшка так аппетитно ест, что кого угодно, даже самого сытого, заставит сглотнуть слюну и потянуться к тарелке!

Она была в одежде с «двойным дном»: теплые брюки, под которыми наверняка скрываются легинсы, длинный джемпер, из-под которого выглядывает ворот тончайшей туники. Дамская сумка, беременная туфлями и веером, раздута донельзя. Сегодня поблажки уже не жди: милонга в «Витанго».

– Что интересного ожидается сегодня?

Видя ее такой свеженькой, радостной, Костя сам заразился веселым, приподнятым настроением. Перспектива провести чудесный снежный вечер в тесном подвале среди людей, танцующих совсем ненужный ему танец, уже не огорчала, а, напротив, казалась чем-то привлекательной. Любопытной, что ли.

Но тут возлюбленная преподнесла ему приятный сюрприз:

– Давай после ужина погуляем! Такая чудная погода, не тянет в подполье!

Снег крупными хлопьями, теплый свет в витринах и окнах домов, шумная суeta автомобилей, степенная иллюминация светофоров. Садовое кольцо, переулки, улицы, снова Садовое. Ксения держала его под руку. У Кости было ощущение, что они – супруги со стажем, что в маленькой квартире на третьем этаже старого дома за углом – с витыми перилами широких мраморных лестниц – их встретят визгом и писком мелкие внуки, старый диван, ламповый телевизор. Откуда это налетело?

– В этих переулках еще витает дух нашего детства. Его еще не вытравили, – ответила подруга в своей обычной манере: на невысказанное.

Костя не утерпел, поделился своей фантазией.

– Кому телевизор с диваном, – мягко сыронизировала Ксения, – а кому – узенькая пятиметровая кухонька с газовой колонкой. Готовь, бабулька, ужин на всех детей и внуков!

– Ты против? – удивился Константин.

– Почему? Это естественно, это жизнь... Костя, – ее голос напряженно зазвенел, – я поэтому сейчас бегаю на фестиваль как заведенная, на все милонги, тебя вот замучила. Просто... когда... когда жизнь изменится, а это же может случиться... в любой момент... Вдруг все так резко изменится, что станет не до танцев! Кто знает, как жизнь повернется.

Костя крепче прижал к себе ее локоть: я, мол, понимаю, о чем ты. В данный момент он чувствовал, что почти готов к решительным шагам.

– Ты потерпи чуть-чуть! – попросила любимая. – Фестиваль закончится, и я буду ходить только два раза в неделю: раз урок, раз – милонга. И хватит! Все равно группы Лео больше нет! Ни группы, ни Лео...

Хоть гуляли неторопливо, совсем не глядя на время, они пришли в подвальчик «Витанго», когда милонга только набирала обороты.

Народ активно подходил; раздевалки были полны, а танцзал наполовину пуст.

В раздевалке Рогов шнуровал танцевальные ботинки. Обменялись новостями с рабочих мест. Они с Костей давно обнаружили, что работают в одной сфере бизнеса, только Виталий директорствует в маленькой фирме, а Константин заведует отделом в очень крупной. В итоге у Рогова времени хватает на все: на танцы по вечерам, на несколько поездок в год с аквалангом к теплему морю, на большое дачное хозяйство. А Костя, зарабатывая чуть не вдвое больше, не может ни на что эти деньги потратить: порой ни выходных, ни проходных, и бесполезно строить планы даже на неделю вперед. Они обсудили послепраздничную конъюнктуру и цены, поведение заказчиков и поставщиков. Так увлеклись, что задержались на пороге раздевалки. Костя даже забыл помучить себя любимой фантазией: как он входит в зал, а Ксения самозабвенно танцует с каким-нибудь супервеликолепным партнером.

Ксения и Наташа встретили их в холле. Личики у обеих были не то растерянные, не то встревоженные.

– У нас такие жуткие новости!

Костя мельком глянул на танцзал. Там уже двигались в такт музыке пары. Вроде все нормально...

– Что еще стряслось?

– Рома вчера погиб!

Новость сообщила Ксения. У Наташи явно не поворачивался язык.

– Это я еще вчера знал, – мужественно парировал Рогов.

– А я вот только сегодня об этом услышала, – тихо пробормотала Наташа. – Но это, к сожалению, не все! Николай разбился – насмерть.

– Как разбился?!

– Не совсем правильное слово «разбился». – Девушка взяла себя в руки. – В метро упал на рельсы. И сразу. То ли током шибануло, то ли сломал шею – это уж никто не знает.

– Откуда известно?

Инициатива в задавании вопросов безраздельно принадлежала Рогову. Костя отчетливо помнил внешность Ксениного партнера с пышными усами, но как человека его не знал. Новость неприятная – что уж тут! А подробности его не интересовали.

– Ночью возвращались с милонги. Знаешь, когда все бегут на последний поезд, на платформе встретишь много знакомых лиц! Кто-то из наших потом участвовал в опознании.

– Андрей... высокий такой...

– Андрей Гуревич и Таня Непорожнева. Она – врач, ей легче.

Девушки рассказывали наперебой. Чувствовалось, что Наташа лучше владеет информацией, но Ксении легче изложить и сформулировать все, что она за пять минут до того услышала от приятельницы. Теперь Костя заметил, что прибывающая на милонгу публика ведет себя не так, как обычно. Народ не торопился пополнить ряды танцующих: кучковались, взволнованно переговаривались.

– А что случилось? Почему он упал? Кто-нибудь видел?

– Говорят, он сильно пьяненький шел.

– О господи! Я ни разу не видел его совсем невменяемым.

– Андрей рассказывает, что он по дороге сильно шатался.

– И никто не мог его поддержать?!

– Андрей с Таней шли до метро вместе, а Николая увидели впереди уже у входа. Им, наверное, не пришлось в голову его догонять... Знаете, ребят, а может, он и не пьяный был. Он еще в конце урока повел себя странно.

– А именно?

– Я сама не видела. Я была в паре с Юшко. Этому человеку ехидности не занимать. Он стал мне нашептывать, мол, Коля отхватил себе красавицу, сомлел от счастья, делает все невпопад. Я в тот момент никак не могла обернуться. Потом забыла, а потом Толя нашептал, что Николай поволок свою красотку... ребят, извините, да простит меня покойный... это словечко Юшко. Он сказал: «Поволок в кабинет».

– Разве в «Си-ди-рви» есть «кабинеты»? – Свой удивленный вопрос Ксения обратила к Рогову.

– Никогда не интересовался этим вопросом! – с достоинством ответил Виталий. – Я хожу туда только для того, чтобы танцевать танго.

– Факт то, что больше я Николая вчерашним вечером не видела. Но я и не искала его специально. А кто-то встретил его в баре... Значит, он все-таки выпил...

– Так. Ну ладно! Где Андрей и Татьяна?

– Андрей вон, за столиком сидит.

Наташа указала на высоченного худощавого мужчину средних лет.

– Он после вчерашнего просто не в себе! Не может ни танцевать, ни о чем другом говорить. Зато каждому новому слушателю готов подробно рассказать, как опознавал труп. Так что, Виталик, ты ему только добрую услугу окажешь, если порасспрашиваешь!

– Порасспрашиваю. А Татьяна?

– Танцует не останавливаясь. Она тоже переживает.

– Понятно! Ну, пойду пообщаюсь с Андрюхой.

Виталий ушел.

– Третья потеря в наших рядах за три дня, – расстроено покачала головой Ксения.

– Я не могу успокоиться, – пожаловалась Наташа, обращаясь к Ксении. – С Романом – ты знаешь! Потом так горевала, что он... Глупо! А с Николаем я только позавчера танцевала на милонге. И так плохо о нем думала!

Девушка дрожала как осиновый лист. Ксения приобняла ее за плечи. Та, вероятно из простой вежливости, глянула в глаза Косте, чтобы он не чувствовал себя исключенным из разговора.

– Вероятно, был повод, – предположил он.

– Николай выпил. Мы же поминали Коренева! Наверное, ему мало надо, чтобы повело. Он был совсем стеклянный, шел не разбирая дороги, его заносило на поворотах. Вцепился в меня мертвой хваткой, не отпускал... Ой!

Наташа испуганно посмотрела на Костю и Ксению.

– Да, – кивнула Ксения, – вот так он и погиб! Шел не разбирая дороги, занесло на повороте, а рядом не случилось человека, в которого он мог бы вцепиться мертвой хваткой!

«Жестко резюмирует», – подумал Костя. И впрямь Наташе на глаза навернулись слезы. Только этого не хватало!

– А почему наш Виталий не рвется расспросить Юшко? – поинтересовался он нарочито бодро. – И зачем ему вообще это все нужно?

– Юшко пока не пришел, – ответила Наташа.

– Рогов любопытен, *как все мужчины*, – нежно улыбнулась другу Ксения, – но, в отличие от других, он этого не скрывает.

– Я думал, у него какая-то особая заинтересованность.

– Все тут друг друга давно и хорошо знают, всем не безразлично.

Хоть Ксения ответила мирно, Костю царапнуло: само собой в ее слова вкралось напоминание, что он здесь чужой! Подруга поняла, улыбнулась ему еще нежнее, взяла под руку.

Наташа резко развернулась и побрела прочь.

– Ой, с девчонкой дело плохо! – тихонько воскликнула Ксения и умоляюще посмотрела на друга: – Костенька, я тебя оставлю прямо совсем ненадолго? Надо с ней поговорить. Она же с Романом вроде как дружила!

– Иди, конечно!

Костя деликатно высвободил ее руку из-под своего локтя. Великодушный ответ едва не застрял в горле. Он огляделся: куда бы податься, пока любимая будет утешать в общем-то и не подругу в ее в общем-то и не горе?

Ксения с Наташей уселись вдвоем в одно большое кресло в холле. Висеть у них над душой: вот, мол, я; сижу, жду, когда вы закончите, – показалось глупым, и Константин направился в танцзал. К столику, где Рогов оживленно беседовал с тощим, всклокоченным Андреем, подсаживаться не стал. Подробности гибели и опознания тела несчастного усача его ни капельки не интересовали, как бы Ксения ни пыталась уверить, что настоящий мужчина просто обязан испытывать любопытство. Он присел за другой столик, развернувшись с видом на танцующих.

С другой стороны стола точно в таком же развороте сидел подтянутый старик в светлосерой паре. Этот же старик в точно такой же позе сидел тут и на прошлой милонге. А в понедельник он, как и все, спасался от дыма в холле. На вид ему было не менее семидесяти пяти, но скорее всего, и больше, если учесть определенную моложавость. Костя ни разу не видел, чтобы этот человек танцевал. На сей раз прославленное Ксенией любопытство действительно взбудоражило воображение. Зачем приходит сюда этот человек? Может, вспоминает молодость. В конце сороковых ведь еще танцевали танго по клубам и на домашних вечеринках? А может, он берет уроки и еще надеется пуститься в пляс наравне со всеми. К нему в понедельник несколько раз подходила жена Валентина. Может, он

родственник Измайловых или друг семьи? Костя стал придумывать, как бы начать беседу. Старик, видно, заметил внимание к себе незнакомца. Приветливо улыбнулся и произнес несколько слов на непонятном языке. Так он аргентинец, вот в чем дело!

Костя улыбнулся в ответ, виновато развел руками, спросил без большой надежды на успех:

– Вы говорите по-английски?

Как ни странно, аргентинец просветлел лицом и дал утвердительный ответ, после чего немедленно перехватил инициативу и, ни капельки не стесняясь, задал интересовавший Костю вопрос:

– Почему вы не танцуете?

Подмывало сказать: «А вы?» Но Костя вежливо информировал, что не умеет танцевать танго и приходит сюда просто для того, чтобы побыть со своей девушкой.

– Где же она? – лукаво удивился старик.

– Она танцует с другими, – вновь огорченно развел руками Константин, и оба собеседника рассмеялись.

– Карлос, – представился собеседник.

Костя назвал себя, и они обменялись рукопожатиями.

– А сами что же не учитесь? – не отставал Карлос.

– Если честно, – сказал Константин, который порядком устал оправдываться перед всеми любопытствующими своей занятостью, – мне не нравится этот танец. Я жду, когда моя любимая захочет заняться чем-нибудь другим.

Старик ответил на откровенность взглядом, полным живейшего сочувствия.

– Понимаю, – сказал он. – А есть надежда?

– Она обещала попробовать, как только закончится фестиваль, – сообщил Костя, осознавая, что его ответы несколько двусмысленны, и решил перейти в наступление: – Но вы-то наверняка танцор. Отчего же сидите, если уж приехали в такую даль только для того, чтобы поучаствовать в фестивале?

Как всегда, заговорив на чужом языке, он почувствовал себя раскованнее, чем в беседах, облеченных в родимую речь.

– А моя любимая покинула меня навсегда, – легко откликнулся аргентинец, – и я больше не вижу смысла танцевать с другими. Мне отрадно смотреть, как это делает молодежь.

– Простите за мой бестактный вопрос, – попросил Костя.

– Что же в нем бестактного?..

– Вы профессиональный танцор, верно?

– Мы с Клаудией выступали в шоу-программах.

– Не тошно видеть, как ковыряются неумехи и портят красоту танца?

– Ерунда! Танго – социальный танец. Он не для внешней красоты. Важно, сколь совершенно ты это делаешь, если ты выступаешь перед публикой. Если нет – это только для двоих. Я замечаю настоящие пары – когда мужчина и женщина не просто танцуют вместе, а влюблены, или они супруги, но все еще любят друг друга. Тебе нужно вот такое танго, – внезапно обратился он к Косте. – Плевать, как это выглядит, главное, чтобы ты и она были вместе! Веришь, со стороны это смотрится очень красиво, даже если люди делают всего лишь простые шаги!

Костя слушал затаив дыхание. Аргентинец говорил о совсем другом танце, не знакомом ему ни по рассказам Ксении, вечно озабоченной, достаточно ли она хорошо научилась, чтобы танцевать с действительно классными партнерами, ни по личным наблюдениям. О простом, незатейливом танце бабушек и дедушек. Вновь повеяло атмосферой сельских клубов и праздничных вечеринок тридцатых– сороковых, которую Костя знал лишь по кинофильмам да по рассказам стариков. Люди танцевали просто для того, чтобы получать удовольствие от танца и друг от друга. А сейчас они непрерывно мучаются, потому что амбициозные преподаватели внушили им, что они непременно должны выпендриться перед

другими!

– Посмотри вот на этих, – предложил собеседник.

Пара, на которую он указал, как раз проходила мимо столика. Костя их шапочно знал. У обоих – запоминающиеся, не совсем обычные имена. Она – Карина, а он, кажется, Рудольф. Полненькие, средних лет, приветливые и улыбчивые. Костя пригляделся. Они не делали сложных движений. Рудольф вел свою супругу на дорожки шагов, подставлял ей простейшую подножку, и она аккуратненько переступала; время от времени отступал на шаг назад, Карина мягко валилась на него, нежно прижималась пышной грудью, плавно обводила свободной ногой широкую дугу по паркету. Когда мужу удавалось повести ее на нечто увлекательное, Карина с улыбкой заглядывала ему в глаза и что-то говорила.

– Сравни с этой парой, – потребовал Карлос, – совсем другое настроение!

Худощавый, резковатый в движениях Валентин Измайлов – хозяин клуба – вел стройную женщину неопределенного возраста. Женщина была в джинсах, танцевальных кроссовках и без следов косметики на лице; Измайлов – в брюках с подтяжками и светлой рубашке. Макушка женщины чуть возвышалась над головой Валентина. Оба танцевали умело и на хорошей скорости.

– Такое впечатление, что они выполняют привычную механическую работу, – сообщил Костя о своих наблюдениях, – будто на заводе у станка!

– То-то и оно! А мальчик и девочка за ними – разве не прелесть?

Костя не успел толком понять, о ком говорит аргентинец. Тихий, на грани слышимости, звон, который уже в течение некоторого времени заставлял его беспокойно поеживаться, превратился в тонкий и резкий протяжный крик, смолк. Костя вздрогнул. Краем глаза он уловил странное движение у стены слева и оглянулся. Силуэты на картинах Сергея Травкина, показалось, только что двигались! У Кости все застыло внутри. Да, именно так! Силуэты на картинах секунду назад пребывали в движении. А секунду назад с лица тангеры на портрете исчезла улыбка. Костя отчетливо чувствовал, как на голове шевелятся волосы.

Он в смятении обернулся к старику, ища у того поддержки, – и неожиданно нашел.

– Мне нравится московский фестиваль, – невозмутимо сообщил аргентинец, – но у вас отвратительная звуковоспроизводящая аппаратура!

Костя с облегчением перевел дух, а Карлос продолжал как ни в чем не бывало рассуждать о своих наблюдениях:

– Правда, сейчас вон на ту пару я тоже не налюбуюсь, хотя это две женщины и я даже не хочу догадываться, кто они друг другу!

Костя проследил направление руки Карлоса. Немолодая, несколько маскулинная Анна водила... очевидно, все-таки девушку, старательно подчеркнувшую в своем облике стиль унисекс: подростковая фигура, волосы то ли коротко стрижены, то ли все убраны под бейсболку, бесформенные штаны со множеством карманов и растянутая черная футболка с надписью «Vita-tango-vita». Анна в своих прямых брюках мужского покроя, блузке в продольную полоску, напоминающей мужскую рубашку, и в мужских танцевальных ботинках – и та выглядела женственнее. А ее партнершу не спасали даже шпильки.

Костя удивился: чем же аргентинскому ветерану танго-движения так глянулась эта пара? Он некоторое время наблюдал. Обе полуженщины, как он их мысленно окрестил, танцевали великолепно. Однако выглядели все-таки неестественно и вызывали у Кости отвращение.

– Они похожи на двух тангеро давних лет, – поделился аргентинец, будто прочитав его мысли. – Ты слышал, что на заре танго мужчины танцевали друг с другом?

– Приходилось слышать. А где же любовь?

– Приглядись! Тут любовь – совсем другого рода! Они любят друг друга, потому что любят танец, и танец любит их. Посмотри, как им привольно в этих сложнейших фигурах! Не отвлекайся, только смотри!

Аргентинец погрузился в созерцание. Костя попытался последовать его примеру, но тут сердце радостно прыгнуло, он увидел движение сбоку от себя: подошла Ксения.

– Горжусь тобой! – сказала она. – Ты так запросто болтаешь с самим Карлосом Хусто! Ксения косилась на старика с благоговением и опаской.

– Пойдем отсюда: не будем мешать ему любоваться танцующими!

– Он, наверное, смотрит на все, что тут творится, довольно критично?

– Нет. Я тебе потом расскажу. Сначала переварю все, что от него услышал.

– Ого! Очень интересно!

– Как твоя подопечная?

– Представляешь, девочка испугалась, что может быть причиной всех случившихся несчастий!

– Каким же образом?

– Нехорошо подумала – был повод – об одном, потом о другом, потом о третьем. Вроде как порчу навела.

– Такое возможно?

– Сам знаешь, что в принципе возможно. Но в ее случае слабовато как-то. Почему раньше она никого не гробила пачками, если ей для этого достаточно пустячного повода?

– Может, с тетей Любой посоветоваться?

– Она же на Гоа до девятнадцатого. На всякий случай я дала телефон.

– Эсэмэс послать!

– Странно! Ты как-то принял эту историю слишком всерьез! Мне она показалась скорее курьезной.

– Тебе виднее!

– Тоже еще нашел ясновидицу!

– Андрей собирается порвать пакет милонгеро и драпать с фестиваля! – тихо и без предисловий сообщил только что подошедший к ним Рогов.

– Так сильно стрессанул?

– Что такое «пакет милонгеро»?

Ксения и Костя задали свои вопросы одновременно. Виталий ответил обоим:

– Пакет милонгеро – это оплата всех уроков и милонг фестиваля со скидкой. Довольно выгодно, если собираешься ходить на все подряд. Но Андрюхе стало плевать на деньги. Он считает, что дело нечисто. Третий день подряд – третья смерть участника фестиваля.

– Виталий, а сам ты что думаешь? – поинтересовался Костя, но услышать ответ ему привелось значительно позже.

Подбежала Наташа с совершенно ошалевшими глазами. Выкрикнула:

– Анатолий умер!

– Кто?

– Юшко! Девочки ему позвонили на сотовый, когда я рассказала про вчерашнее. Что он видел Николая уводящим девушку в кабинет. Даша дозвонилась. Трубку взял кто-то из родственников. Она говорит, мужчина. Наверное, отчим. Сказал, что ночью... все случилось.

– Да что «все»? Отчего он умер?!

– Сердце. Инфаркт.

– Такой молодой! Чуть за сорок!

– Четвертый! – весомо произнес Рогов.

Костя подумал, что делать в этом подвале с жарко пылающим камином и неуместными в свете последних событий новогодними украшениями больше нечего. Народ посудачит еще с полчаса и начнет расходиться. Не танцевать же, в самом деле, когда столько несчастий! Однако в курсе событий были пока далеко не все. Музыка продолжала звучать. Правда, никто уже не приглашал к участию в обещанных на сегодня шуточных конкурсах. Но пары замысловато кружились по залу. Нелюбопытных – тех, кто, не обращая внимания на встревоженные лица шушукающихся по углам, продолжали приглашать друг друга на танец, – оказалось довольно много.

– Я домой. Кто со мной? – объявил Рогов.

– Мы тоже сейчас поедem, да, Костя? – тихо откликнулась Ксения.

– Я с тобой, Виталик! – сообщила Наташа. – Забери меня из этого чумного барака!
– Чума расползается по городу, ты не находишь? – отозвался Виталий.
Костя заметил изумленный взгляд Ксении: та, очевидно, не ожидала от любимого партнера столь тонкого и изящного замечания.
– Не пугай меня, забери!
– Разумеется!
– Вот видишь, – наклонилась Ксения к Наташе, когда Рогов зашагал в раздевалку. – Ты ведь не держала обиду на Толю?
– Похоже, что я обижаюсь на всех подряд, – ответила та задумчиво. – Пойдем!

Пятница. Вдвоем

*Ах, Рио-Рита! Как высоко плывешь ты над теми,
Чьи тела зарыты, чьи дела забыты,
Чья душа разлетелась как дым.*
И. Богушевская. Рио-Рита

Как же не хотелось просыпаться! Едва свет начинал брезжить за полуоткрывшимися веками, она переворачивалась на другой бок, закрывалась одеялом до самой макушки и опять погружалась в блаженное забытие. В конце концов организм отказался долее пребывать в состоянии покоя. Она медленно перевернулась на спину, нежась, выпростала руки из-под одеяла и потянулась, не открывая глаз. Теплый покой родной постели, обволакивающий белый свет снежного дня за окном – блаженство! В следующий миг в сознание ворвались четыре покойника, а с ними – непрощенные обиды, неясная вина, страх за собственное будущее, ужас перед самой собой.

Наташа вскочила с кровати, бодрая, но совершенно смятенная: как же теперь быть?!

Ксения вчера уверяла ее – и довольно убедительно! – что она не может иметь отношения к смертям знакомых тангеро, даже если к каждому из этих мужчин она имела свой счет. Во-первых, если Коренев и Рома сильно обидели Наташу, то этого никак не скажешь о бедном безобидном Николае, который всего лишь плохо повел ее в танце. Во-вторых, если Наташа обладает неким тайным свойством сживать со свету тех, кто ей не угодил, это проявилось бы значительно раньше. Что такого особенного случилось с ней перед началом фестиваля, что открыло зловещий дар? Наташа успокоилась. Но потом – Юшко. Как же она вчера злилась на Юшко за его злоязычие, готовность сказать гадость о каждом и каждой, за цинизм!

Он успел заявить, что Данила Хохлов – преподаватель школы «Виваттанго!», упражнявшийся рядом с ними, не сумел ничему толком научиться даже у Измайлова, знающего два прихлопа и три притопа. Он и название школы-то своей скопировал у Измайлова, причем крайне неудачно, ибо в «Витатанго», тем более в сокращенном «Витанго», есть красота звучания, хотя нет глубокого смысла, а в «Виваттанго!» отсутствует и то и другое. Тяжеловесно и прямолинейно!

Затем сообщил, что ни одна из присутствующих на уроке партнерш не сумела встать в крест так, как учит аргентинец, и что беднягу жалко: ему приходится возиться с редкостными убожествами.

Потом рассказал, как этот аргентинец, когда делали общее фото гостей фестиваля, из кожи лез вон и растолкал всех локтями, чтобы встать рядом с послом своей страны...

Наташины аккуратненькие, красивые ушки вяли и сворачивались в трубочку.

В раздевалке перед уходом Ксения коротко бросила:

– Сердечные заболевания очень характерны для циников. Вспомни, на скольких еще людей ты злишься куда сильнее, а те живут припеваючи, и брось казнить!

Наташа снова успокоилась и, пока Виталий вез ее до дому, возбужденно рассказывала

тому, как в битком набитую раздевалку Карина – такая пышненькая, но подвижная, которая ходит на занятия вместе со своим совершенно неуклюжим супругом, – вбросила предположение, что каждого из четырех мужчин коснулась Черная Тангера. Когда Карину стали наперебой спрашивать, кто это такая, та смущенно объяснила, что это – как в детской страшилке: Черная Рука, Черная Простыня. И что она это придумала просто так, по ассоциации.

А теперь, после долгой и сладкой утренней неги, Наташа сообразила со всей ясностью утреннего сознания, что давным-давно не злилась и не обижалась вообще ни на кого. Последние года полтора все складывалось так чудесно! Удобная, стабильная работа, успехи в танго, интерес многих партнеров, уважение и доверие учениц танцевальной школы. Уютный, комфортно обжитый мирок зашатался, когда Коренев отказался назначить ее своей официальной помощницей в обучении начинающих, а рухнул, когда Рома прекратил короткий роман с ней так же внезапно, как начал. Остальные персонажи вызывали жгучее раздражение только потому, что Наташа не знала, куда деваться от горечи и стыда, но не рисковала предъявить претензии обидчикам.

Еще она не могла решить, как быть с пакетом милонгера. Наплевать и забыть, не ходить больше на фестивальные мероприятия? Но ведь это ничего не исправит и не прояснит!

Она могла себе позволить раз в недельку при необходимости пропустить работу. Все, что понадобится, можно сделать и переслать по электронной почте, а проконсультировать – по телефону. Заранее запланировала, что в пятницу останется дома: набраться сил перед ударным фестивальным уик-эндом. Контрастный душ, маска на лицо, кофе со сливками и обезжиренными, но все равно по-мучному вредными пирожными – день любви к себе! Наташа старалась насладиться каждой секундой неторопливого утра и ни о чем в это время не думать. Как ни странно, расслабленному долгим сном сознанию это удавалось.

Кофейный ритуал сменился утренним ритуалом включения компьютера. На работе, видимо, пока все шло своим чередом: к Наташе вопросов не было.

Самостоятельно принимать решение не хотелось. Она взялась за мобильник.

– Виталечка, ты на работе?

Спокойное, вальяжное:

– Да.

– Можешь разговаривать?

– Знаешь, чем я сейчас занимаюсь? Пытаюсь посмотреть в Интернете расписание на сегодняшний вечер.

– А я вот подумываю бросить весь этот фестиваль. Пакета милонгера жалко, но, как говаривает одна моя подруга, когда ей подают в ресторане что-нибудь невкусное: «Что ж, за свои деньги еще и давиться?!»

– И отказывается платить?

– Платит, но не ест.

– Нет, мы все съедим. Я намерен разобраться со всем этим безобразием. Иначе нам скоро в Москве танго вовсе не танцевать!

– Ты прав. С чего я решила, что проблемы ограничатся фестивалем? Виталик, а что, если бросить танго и жить спокойно?

– Я не собираюсь бросать!

– Виталик, какой же ты упрямый! Неужели не боишься?

– Я пока не понял, чего надо бояться. Если пойму, может, и испугаюсь. Ты вот чего испугалась, Наташ? Мрут-то мужчины!

– Себя, – честно призналась она и услышала, как нелепо и смешно звучит ее сомнение со стороны, но решила договорить: – Вдруг я еще на кого-нибудь разозлюсь, обижусь, а он...

– Так. Наташа, определись, пожалуйста, ты на меня последнее время ни за что не в обиде?

Наташа честно задумалась.

– Вроде нет.
– Нет? Точно? Не злилась на меня по какому-нибудь такому тонкому женскому поводу?

Умеет Рогов рассмешить!

– Нет, точно!

– Магию, колдовство, ворожбу всякую не практикуешь?

– Только над компьютерными программами.

– Тогда продолжаем разговор. Поверь, в нашей теплой танго-компании есть щучки куда злее тебя. С некоторыми отдельными личностями тебе просто не тягаться! Так что выбрось из головы глупости и приходи. Надо посмотреть шоу, надо развеяться. Будем надеяться, что все неприятности уже закончились!

– Случайность? Веришь в простое совпадение?

– Не знаю, но очень хочу разобраться.

– Я приду, но разбираться ни в чем не хочу. Постараюсь тихонько отсидеться и генерить только хорошие чувства к каждому встречному. Хотя бы для того, чтобы *потом* не было мучительно стыдно...

Она замолчала, сообразив, какую страшную мысль озвучила.

– Приходи, – подвел итог Рогов. – Там видно будет!

Слегка ободрившаяся Наташа тем не менее не выпустила из рук телефона.

– Ксюш, у тебя пакет?

– Свят-свят-свят! Нет, конечно. Я же на уроки почти не хожу. Смысла нет. Это на твоём уровне имеет смысл, а мне до него семь верст и все лесом!

– На милонгу с шоу пойдешь?

– Надо идти.

– Что значит «надо»?

– Ленишься вредно.

Разговор с обычно контактной Ксенией почему-то не клеился. Наташа решила на откровенность:

– Тебя не отпугивают, не отвращают последние события?

Царева на секунду задумалась.

– У меня есть плохое свойство: я не умею бояться за себя. Костя, слава богу, чужой в нашем мирке. И потом, он умеет... защищаться.

– Как это?

– Ну... Не ко мне вопрос, к нему! – Ксения явно не желала развивать эту тему. – Что же касается отвращения, тут я с тобой согласна: события горестные, и веселиться на их фоне неуместно. Но я не веселиться хожу – учиться, развиваться. Ты, я думаю, также. Посмотрим. Может, что-то прояснится.

Наташе понравилось проводить социологический опрос. Она принялась обзванивать всех по списку «Танго». Телефон Анны был отключен: пенсионерка могла себе позволить отсыпаться хоть целый день! Лера сообщила, что пойдет обязательно: не пропадать же пакету, а смотреть танго-шоу – все равно что драматический спектакль, не грех и в трауре. Происходящее ей представляется серией трагических совпадений – и только.

Остальные опрошенные женщины ответили примерно в том же духе. Двое мужчин сказали, что порвут пакет и ноги их больше не будет на этом чудовищном фестивале.

Четырежды Наташа как ошпаренная отдергивала руку от телефона – когда очередь по списку доходила до одного из умерших.

Наконец она отложила телефон и отправилась гладить шелковое платье в китайском стиле, черное с крупными сиреневыми хризантемами – свой лучший милонговский наряд.

* * *

– Скорее бы тетя Люба вернулась! Мне не терпится задать ей один вопрос!

Костя был задумчив, вяло ковырял вилкой салат, забываясь, принимался тереть все еще облезавшее обгоревшее лицо. Сегодня он заехал за Ксенией домой. Она настояла: «Сначала покормлю тебя ужином – только потом на милонгу». В квартире было тихо, просторно, привольно. Мама с папой после работы отправились в театр. Не ехать бы никуда! Так бы и сидеть вдвоем допоздна, обнявшись, смотреть старые фотографии, разговаривать обо всем подряд. Но лениться вредно. И еще: Ксению ждут там – в тревожном зале с черными стенами и приглушенным светом, жаркими батареями и сквозняками из всех щелей, с нервными картинами Сергея Травкина по периметру – Наташа и Виталий. С обоими беседовала по телефону, обоим обещала, что приедет. Девушка просто напугана и жаждет поддержки, а Рогов хочет обсудить все происходящее. Это правильно и важно!

– Какой же вопрос, Костенька?

– Не я ли угрожал этим четверых – силой своей мысли?

Ксения округлила глаза и всплеснула руками.

– Еще один самозванный маньяк на мою голову! Мало мне девочки Наташи!

Костя улыбнулся углом рта.

– Излагай! – подбодрила его Ксения.

– Понимаешь ли, все эти мужчины, – Костя с прежней кривой улыбочкой тяжело выдавливал из себя каждое слово, – имели непосредственное отношение к тебе.

– То есть?! Костя, ты меня... Супер!.. Костенька, ну что ты так расстраиваешься?! Это же только танец! Какое отношение они имели ко мне, кроме танца?!

– Разное. Не важно. Я вижу, как на тебя смотрят. Если ты решила, что я ревную, то напрасно. Этого нет! Просто мне совсем не интересно, когда другой мужчина обнимает тебя... хоть бы и в танце.

– А Лео, царствие ему небесное, при чем? Он-то со мной не танцевал!

– Вышел у меня с ним один чудной разговор. Я просто не понял его, но сильно разозлился. Мог я их всех долбануть?

Ксения честно задумалась. Костя показал себя с совершенно неожиданной стороны: ревность на пустом месте – кто бы мог подумать?! Он всегда демонстрировал такие демократичные взгляды на отношения мужчин и женщин! Однако «долбануть» четырех человек до смерти за четыре дня Костя точно не мог! Даже если предположить, что у него в душе есть такой глубокий пласт черноты, энергии-то у него не много. Он весь свой немаленький потенциал растрчивает на работу и не успевает восстановиться. Конечно, за десять дней на Шри-Ланке он здорово посвежел, но тут Ксения со своим дурацким фестивалем вновь подкосила его силы. «Нехорошо я себя веду, – подумала она в очередной раз. – Заэксплуатировала беднягу! Пусть уж сейчас туда отвезет – и отпущу. А обратно – Виталия попрошу».

Но как же ответить на Костин вопрос? Сказать: «Милый, у тебя силенок не хватит» – значит обидеть. Вот, кстати, из кого энергия прет во все стороны – это Рогов. Если б тот спросил: «Не я ли?» – Ксении пришлось бы дольше обдумывать ответ!

– Нет, Костя, не думаю. В тебе не найдется столько злости, чтобы убить человека. Это же делается не силой мысли, а силой злости.

– Думаешь, во мне мало злости?

– Я хотела тебе сказать. Относительно танцев. Все эти мужчины танцуют не со мной, вообще не с конкретной женщиной.

Костя невольно улыбнулся: суждение явно показалось ему парадоксальным.

– Они танцуют с собственной анимой. А живые, реальные женщины только стараются как-то под нее «закосячить».

– Что такое анима?

– Душа, конечно. Женская часть души у мужчины. Когда мужчина находится под влиянием собственных эмоций, без рассуждений следует за своей интуицией, капризничает, полностью отдается настроению, порой поганому – это значит, что он во власти анимы.

– В таком случае у женщины анима значительно более упитанная, чем у мужчины!

– Не угадал! У женщины ее вовсе нет. Я же сказала: это женская часть мужской души. У нас – анимус. Мужская часть нашей души. Рациональное начало, интеллект, логика. Потому моему любимому Карлу Юнгу, который все это открыл, очень понравилась тема диспута, затеянного средневековыми схоластами: «Есть ли душа у женщины?» Юнг говорил: вопрос-то не праздный! И предлагал ответить на него отрицательно. В шутку, конечно.

– То есть когда ты поддаешься поганому настроению и капризничаешь – это хорошо и правильно?

– Я, к сожалению, не умею капризничать: у меня для этого слишком развит анимус. А вообще эмоции эмоциям рознь. Они же бывают истинные, а бывают сочиненные, искусственно выращенные из пустяка – что называется, раздутые.

Ксения видела, что Костя слушает с удовольствием, чтобы не сказать – с наслаждением. Ему остро не хватало психологических знаний в повседневном общении – деловом и личном, он это понимал и стремился ликвидировать пробел. Ксения с энтузиазмом отвечала на его вопросы и сама часто поднимала профессиональные темы, но строго следила за тем, чтобы не переборщить, не превратиться в навязчивого ментора.

– С эмоциями понятно.

Ксения, в этот момент подошедшая к Косте сбоку с чайником в руке, печально качнула головой. Беда всех психологических знаний! Любому человеку из одной-единственной фразы все понятно. А как дойдет до дела, разве он отличит истинную эмоцию от невротической? Держи карман шире!

– А вот почему ты сказала, что каждый мужчина танцует с собственной анимой?

– Разумеется, не каждый и не всегда! Я имела в виду знакомых партнеров по танго – в большинстве. Анима – это не только настроения и капризы. Это еще образ идеальной женщины. Как и все идеалы, он до крайности противоречив и абсолютно нежизнеспособен.

Ксения чувствовала, как речь становится плавной и размеренной. Настоящая лекция! Но Константин пока внимал с готовностью.

– Например? – потребовал он.

– Материал не может быть одновременно абсолютно податливым и упругим, верно? Я плохо разбираюсь в физике, поправь меня!

– Не кокетничай, все верно. А про людей?

– Ну, про то, что мужчине нужна целомудренная, полная страсти, многоопытная в любовных утехх и при этом невинная женщина – это общее место.

Костя почему-то слегка покраснел.

– А вот тебе задачка посложнее. Можно быть в одно и то же время покорной и заботливой?

– Почему бы и нет?

– Забота – материнское качество, покорность – дочернее. Мать иной раз заставит ребенка выпить горькое лекарство, иной раз накажет ему же во благо или пойдет на хитрость, чтобы он решил, будто сам хочет того, что она для него задумала. Покорная дочь только слушается и не проявляет инициативы. Можно изобразить покорность. Тогда следующий вопрос. Как должны сочетаться в одной женщине хитрость и полная открытость, доверие к любимому? Или вот тебе еще задачка: мягкость, нежность – и завлекательная неприступность.

– Ясно. А если все эти качества будут сменять друг друга, вместо того чтобы проявляться одновременно?

– Постоянство – и изменчивость! – легко парировала Ксения: ее несло по неровным волнам рассуждений порывом вдохновения!

Костя понимающе хмыкнул, но возразил:

– Что ты имеешь в виду, вроде понимаю, а к себе не применил бы. Не отзывается!

– Естественно. У каждого – своя неповторимая анима. И главное, нормальный, не невротичный мужчина уважает ее, но не позволяет ей стать хозяйкой своей жизни и судьбы.

– Хочешь сказать, что я нормальный?

Ксения подошла сзади, нежно обняла его за плечи, поцеловала в макушку.

– А ты сомневался?

– И даже не невротичный?

– Ну, разве что самую малость!

– А твои *тангеросы*, стало быть, все подряд сдвинутые невротики?

Ксения застонала и вернулась на свое место – напротив Кости через стол.

– Друг мой, я им не психолог, а партнерша по танцам. Я туда хожу не для того, чтобы диагностировать чьи-то неврозы! Просто хотела успокоить тебя, рассказав, как я понимаю ситуацию. Что мужчина в танце чаще всего нежен не со мной, а с проекцией своей собственной внутренней женщины. Знаешь, какие две фразы чаще всего можно услышать от партнера, причем одну за другой?

– Дай бог мне никогда этого не узнать!

– Отчего же? Я сейчас тебя просвещу. Вот: «Не добавляй в движение своей энергии!» И: «Крутись сама, я тебя не раскручу!», или: «Махни ногой сильнее!» Или что-нибудь в этом духе. Вот тебе анима, страстная и покорная. Так вот танцуешь, как можешь, стараешься, а он стонет про себя: «Не то, не то, не та!»

– Не знаю, что им всем надо! – Костя насупился и упрямо уставился в опустевшую чашку. – Лично мне на данном этапе жизни нужна ты, живая и настоящая, а не какая-то там перекошенная во все стороны внутренняя женщина!

Ксения вздрогнула и заостенела, потеряв одновременно дар речи и способность двигаться. Почти признание в любви! Или даже в чем-то неизмеримо большем: «нужна» прозвучало гораздо сильнее. «Нужна» – значит «будь со мной!». А «люблю» – значит всего лишь: «что-то где-то екает». Как реагировать? Она оказалась совершенно не готова к такому разговору! Никакого отклика в душе, кроме смятения и ужаса! Чем ответить Косте? Оказывается, нет ответа!

Костя посмотрел на часы.

– Пора двигаться. На шоу опоздаем!

* * *

– Сергей, приветствую! Виталий Рогов беспокоит.

Сергей Травкин в танго-сообществе прославился не танцевальным мастерством, а утонченными, весьма своеобразными графическими и живописными работами, посвященными любимому танцу. Произведения его украшали стены клуба «Витанго», их покупали для коллекции некоторые обеспеченные ученики Измайлова и Коренева, представители других школ. В настоящий момент большая персональная выставка Травкина разместилась в помещении одной из самых престижных милонг – в клубе «Си-ди-рви». Картины Травкина знали все, самого Сергея – не многие. Он всегда то ли скромно, то ли настороженно держался в тени, первым в общение ни с кем не вступал. Замкнутость истинного творца!

– Сергей, мне очень интересно: что ты думаешь о наших смертях?

– О наших смертях?! Бог с тобой, Виталий!

– А! – Виталий рассмеялся. – Я имею в виду: последнее время смерти буквально преследуют клуб – ты не находишь?

– Виталий, ты не учел: я только что вернулся из Франции. Я не был на открытии фестиваля и еще не успел посетить ни одного урока, ни одной милонги. Когда и от кого, кроме тебя, я мог узнать о каких-то смертях?

Голос приятеля звучал, как обычно, сухо и слегка раздраженно, что вовсе не отталкивало Виталия. Ничего, сейчас разговорится! И точно: Травкин будто проснулся наконец.

– Ты меня пугаешь! – сообщил с искренним интересом.

– То-то же! Так слушай...

Излагая историю четырех столь разных, но так странно совпавших по времени смертей знакомых танцоров, Виталий не просто горел желанием поделиться новостями. Он рассчитывал услышать в ответ совершенно неожиданный комментарий.

– Что объединяло этих четверых?

– То же, что нас объединяет. Ходили в один клуб, на фестиваль, на милонги.

– Хорошо. Допустим... Уровень мастерства у них одинаковый?

– Ты сравнил! Лео – и Рома!

– Я Романа не помню. Он плохо танцевал?

– Хорошо, но... на нашем уровне. По скорости лучше, чем я, например. По четкости движений лучше... – Виталий хотел сказать «тебя», но сдержался, чтобы не травмировать раненого художника. – Но в целом он не больше умел, чем мы.

– А уровень остальных как ты оцениваешь?

– Коля пашет минимум по пять дней в неделю! То есть пахал. Занимался. Ты знаешь, что ему предлагали преподавать в клубе, только в условиях не сошлись, или он заленился, что ли. А Юшко – ну, он и в Африке Юшко! Этого уж ты помнишь, надеюсь?!

– Помню, как ты его называл смешно: «Тыгдымский конь». – Было слышно, что Сергей усмехнулся. – О покойных плохо нельзя говорить, но тогда это... походило на правду. Итак, в уровне танцевального мастерства сходства нет, хотя общее то, что все – не новички. А еще?

– Ну, по внешности – совсем ничего общего. По возрасту – тоже.

– Хорошо, ты уже понял принцип! – сдержанно одобрил Травкин. – Работали в одной фирме, любили одну женщину? Или... ну, их любила одна женщина... Все, что угодно!

– Любила одна женщина? Всех четверых?

– Виталий, как тебе не стыдно?! Разве так не бывает?! Не одновременно, так последовательно.

– Последовательно? А, понял! Я подумаю. Когда соображу что-нибудь, перезвоню. У меня пост ГАИ сейчас.

– Звони, я в доступе.

«Их любила одна женщина». У Виталия тоскливо засосало под ложечкой от предощущения дурной мысли. Очень дурной мысли! Ох, Травкин!

Никто в танговских кругах не знал, кем гордый и нелюдимый художник, которого принимали за типичного талантливого неудачника от искусства, был на самом деле. Измайлов пронюхал, что Травкин руководит крупным рекламным агентством, и завел с тем какие-то деловые отношения, свято оберегая секрет от руководителей других школ. Но только Виталию – как бывшему кадровому офицеру с высшей формой допуска к секретам Родины – Сергей счел возможным довериться полностью. Впрочем, не только: сделал он это почему-то в присутствии Ксении Царевой. Травкин умеет задавать правильные и крайне неприятные вопросы!

У бедного Романа была связь с Оксаной – девушкой откровенной и страстной, значит, скорее всего, искренне к нему относившейся, а тот, как недавно выяснилось, ни секунды не отвечал ей взаимностью... К Оксане – под своим любимым лозунгом «Мы ищем таланты!» – подкатывался Юшко, та, к счастью, вовремя раскусила своеобразного альфонса, однако не факт, что тот не успел запасть в ее распахнутое сердце. Беда в том, что прежде Романа и Анатолия Оксана положила глаз на Виталия Рогова! Так старалась завлечь – даже от порчи заговаривала!

Тогда, больше года назад, наученный горьким опытом с бывшей, Виталий в доме новоявленной ворожеи не ел и не пил: вдруг подсыплет что-нибудь любовное? Что же он теперь так расслабился?! Рогов прислушался к себе: нет ли признаков нарождающейся влюбленности? Ничего, кроме злости на черноокую хохлушку, не уловил.

Хорошо, но на Коренева-то она не имела видов! Про Лео лучше было не вспоминать, там все еще очевиднее: сильнейшая обида!

– Е!..

Вот теперь только Виталий осознал, почему так занервничал, когда Оксана сказала, что ему угрожает молодая черноволосая женщина. Сама собой протянулась в его голове цепочка: Оксана – ворожея, Оксана смертельно оскорбилась – человек умер. А для обиды на Виталия у нее есть поводы и похлеще. Особенно после вчерашней встречи!!!

Оксана обиделась на Лео и Юшко, разругалась с Романом – все покойники. Господи помилуй! Не следовало с ней ссориться!

Недолго думая, Виталий вызвал на связь Сергея. В первую очередь поинтересовался:

– Ты надумал прийти сегодня на шоу?

– Издеваешься? Я только что прилетел, вся ночь разбита! Я намерен отоспаться!

Виталий вздохнул и изложил все свои соображения, почти как на духу. Умолчал только, что был у Романа в ночь гибели: это он при необходимости тоже Травкину расскажет. Но не по телефону.

– Как я понял, у Оксаны достаточно взрывной темперамент? – уточнил отставной офицер МВД, бывший начальник управления общественных связей не то республиканского министерства, не то даже российского.

– Темперамент у нее... очень даже! Пожалуй, взрывной. Если б не была брюнеткой, цены бы ей не было!

Виталия насторожила явственно прозвучавшая в его собственном голосе мечтательность. Неужели зелье начало действовать?

– Я в курсе твоего отношения к брюнеткам. Не будем его сейчас обсуждать, хорошо?

Рогов отлично понял, на что отреагировал приятель: верная Ирина – подруга Сергея – черноволоса и темноглаза. Приятная, тихая женщина. Но это ничего не меняет!

– А что такого? – напористо возразил Виталий. – Я только высказал свое отношение. У тебя оно другое. У тебя в жизни были другие брюнетки. Что ты обижаешься?

– Я не обижаюсь, но мне неприятно, когда ты говоришь в подобном тоне и делаешь подобные обобщения.

– Да никаких я обобщений не делаю. – Виталий не собирался сдаваться, серьезность Травкина его развлекала. – Брюнетки, от которых кровь стынет в жилах, – это мой опыт, а брюнетки, от которых... кое-что другое... застывает, – твой.

– Не пошли! – сурово потребовал друг. – Объясни мне, если сможешь, почему эта Оксана со своим взрывным характером и склонностью якобы к... колдовству, никого не угробила раньше? Она наверняка часто обижается, злится, вскипает ненавистью.

– Не знаю, я прежде не замечал... Мы мало общались. Давно, на занятиях у Измайлова, я смотрел, как вести партнершу, мне меньше всего было интересно, как ведет себя Оксана.

– Оставим вопрос открытым. Могло ее сейчас что-то сильнее прежнего выбить из колеи?

– Так личная жизнь-то развалилась... Послушай!!! Сейчас святочные дни! Разгул темных сил – она сама сказала!

– Виталий, давай договоримся: либо мы вовсе не затрагиваем тему сверхъестественных явлений, либо я прекращаю обсуждать этот вопрос!

– Попробуем не затрагивать.

– Теперь расскажи, каким образом Николай обидел Оксану.

Виталий призадумался.

– Я об этом ничего не знаю.

– Надо узнать. И не заикливаться на этой версии. Поищи, что еще объединяло всех... безвременно почивших.

– Слушаюсь, товарищ генерал-майор! Разрешите исполнять?

– Исполняйте, подполковник. Встретимся – обсудим.

* * *

Аккорды последнего танго сменились тишиной. Пары остановились, распались,

расслабились, словно прозвучала команда «вольно!», после которой можно уже не тянуть носок, не заботиться об осанке и поддержании строя. Пауза длилась. Как обычно бывает в таких случаях, многочисленная милона зашуршала десятками голосов, колыхнулась, медленно, со множеством водоворотиков и бурунчиков отхлынула к краям танцпола.

Ксения всегда безуспешно пыталась понять, что послужило поводом к началу этого движения. Кто-то сказал: «Сейчас начнется шоу»? Но она не слышала слов. Музыка перестала звучать, и люди сами догадались: пора занимать места поудобнее? Должно быть, так. Но это движение к краям зала кто-то начинал же, кто-то первым понимал: вот оно! Сейчас все изменится, сейчас мы перестанем говорить, двигаться, забудем дышать. Останутся только широко раскрытые глаза, готовые вбирать все впечатления яркого зрелища, и боль в затекших от неудобного и неподвижного положения тела мышцах.

Почему-то во время шоу, которое устраивают прямо на милонге, всегда неудобно сидеть. То стульев не хватает, то колонны по периметру зала перекрывают обзор, то фото-и видеоаппаратура съедает часть лучшего пространства. Народ усаживается прямо на полу – это даже приятно, когда паркет теплый и понизу не тянет сквозняком, но тут обязательно находится пяток личностей, желающих выдвинуться на передовые позиции, не обращая внимания на то, что их спины и головы вовсе не из прозрачного стекла. В результате оставшиеся позади вынуждены подтягиваться вслед, круг сужается, в образовавшейся тесноте нужно поджимать ноги, перегибаться через плечо соседа спереди, тянуть шею, напряженно ловить каждое движение выступающих. Иной раз выгоднее постоять за спинами сидящих.

У Ксении от долгого неподвижного стояния болели ноги – всю жизнь, сколько себя помнила. Видно, сосуды слабые. Поэтому, чтобы смотреть шоу с удовольствием, требовалось обязательно сесть.

Ксения оглянулась. Костя беседовал в углу с Виталием. Стоя на самом стратегически удачном месте, у торцевой стенки. Однако ни одному из них не придет в голову занять ей место. Любимый партнер с одинаковым интересом относится еще минимум к пяти партнершам – на всех не назанимаешь! Кроме того, с какой стати: чтобы заботиться о Ксении, у той есть любимый мужчина!

Костя между тем совершенно не понимает потребности подруги присесть каждую удобную минуту на любую подвернувшуюся кочку. Несколько раз просила его перед шоу занять ей место – Костя отнекивался, уверял, что стоя гораздо лучше видно, безропотно позволял другим скинуть со стула специально заранее поставленную на него сумку и приваливаться спиной к своему собственному, заранее повешенному туда пиджаку. Ксения не рисковала возражать: на милонках принято игнорировать чужие вещи, иначе за целый вечер вовсе не присядешь. Но Костя чужак и вполне мог бы постоять за интересы любимой женщины! В первый раз она удивилась. Во второй – разозлилась и обиделась. В третий поняла: он не в состоянии отказаться от элементарной мужской галантности по отношению к другим женщинам. Этот раз стал четвертым, и Ксения решила сама позаботиться о себе.

Вдоль стены довольно высоко, на уровне груди, тянулся неширокий выступ: декоративная панель скрывала отопительную систему зала и прочие коммуникации. Кое-кто из особо ловких уже взобрался туда и радостно болтал ногами в воздухе. Хрупкое сооружение пока выдерживало вес любителей танцев. Ксения тоже попробовала подтянуться – тщетно! Беспомощно остановилась.

Сильные горячие руки обхватили ее талию, она взлетела вверх, развернулась, усаживаясь. Кто же помог? Виталий! Улыбаясь во всю ширину коротко подстриженных усов, смотрит ей прямо в лицо. Лучатся веселые и добрые морщинки, глаза серые, яркие, будто небо перед грозой, а в них – живейший интерес!..

У Ксении екнуло сердце и запылало от случайной искры давно остывшим угольком.

– Спасибо, Виталик! Ты настоящий друг!

В позапрошлой, честно забытой, начисто вымытой, выскобленной из сердца жизни так

смотрел в ее глаза Григорий⁴ – шальным, веселым взглядом, будто небо подмигивало... Почему же Рогов раньше так на нее не смотрел?

Улыбка сбежала с лица Виталия, глаза затуманились.

– Ты, когда смеешься, вот так, вблизи, похожа на мою бабушку. Вроде бы и не чертами лица, а вот... что-то есть!

Ксении остро захотелось протянуть руку и погладить пятидесятилетнего мужчину по коротко стриженной бархатистой макушке. Он стоял перед ней – такой крупный, сильный, так доверчиво распахнутый, с этим трогательным наивным признанием на губах, защищенных ежиком седеющих усов. Ксения улыбнулась как можно нежнее, но руки не подняла: Костя увидит – расстроится. Виталий, будто прочтя ее мысли, покосился на Константина.

– Дамы и господа, сейчас в шоу примет участие человек, который всегда был одним из самых желанных наших гостей. Вы увидите совсем необычное выступление...

Виталий сделал было глубокий вдох, чтобы еще что-то сказать, но потерянно оглянулся на опустевший теперь уже танцпол и торжественного, в черном костюме с белой рубашкой Валентина Измайлова. Вздохнул безнадежно, лицо стало замкнутым и строгим.

– Давай смотреть! – сурово потребовал, будто Ксения собиралась отвлечь его и как-то помешать.

– Давай! – кивнула Ксения с прежней ласковостью.

Рогов повернулся к ней спиной, но остался совсем рядом. Ксения, не касаясь, чувствовала голый коленкой жар от его широкого плеча. На глаза навернулись слезы: бедный Виталик, такой он одинокий, такой трогательный! Прежде Ксения имела о своем танго-приятеле несколько другое представление.

– Вы прекрасно помните пару, которую мы все любили, которой восхищались: Карлос и Клаудиа.

Ксения оглядела танцпол. Спасибо Виталию: обзор прекрасный и сидеть удобно! Она поискала глазами Костю и не без злорадства, едва найдя, тут же отвела взгляд: вот, устроилась с комфортом – без твоей, милый друг, помощи! Вид у Кости был растерянный и даже расстроенный, что приятно!

– Многие из присутствующих уже знают, что в жизни Карлоса за последний год произошло печальное событие. Невосполнимой утратой стала смерть его любимой жены и бессменной партнерши, блистательной даже в таком пожилом возрасте Клаудии. Карлос перестал выступать, постарался забыть о танго. Но на наш фестиваль он просто не смог не приехать.

Красноречие скупого на слова и эмоции, как и на деньги, Измайлова удивляло, даже настораживало.

– Так случилось, что «Танго новогодней ночи» стало последним крупным событием, где Клаудиа выступала вместе с Карлосом. Теперь он впервые решил выступить без нее.

Притихший в сочувственном молчании зал зашелестел то ли вздохами, то ли короткими репликами, которые слились воедино, будто присутствующие одновременно набрали воздух в грудь.

– Но Карлос не изменит своей партнерше! Он выступит соло... – Зал не торопился выдохнуть. – Для нас его решение стало совершенно неожиданным. Мы узнали о нем всего полчаса назад. Прошу приветствовать нашего дорогого гостя и поддержать его!

Ксения наклонилась к Рогову и прошептала ему на ухо:

– Валентин обезопасил себя: мол, все, что будет происходить, – экспромт, я этого номера не заказывал, ответственности за качество и содержание не несу, но будьте снисходительны к старику, даже если обнаружится, что тот выжил из ума.

Виталий, не оборачиваясь, кивнул.

⁴ Григорий Матвеев – один из героев романа «Повелитель ветра».

Овация зала не оставляла сомнений: старому Карлосу будут хлопать стоя, даже если он не сможет сделать ни единого па!

Открытие фестиваля Ксения и Костя пропустили: в тот вечер только вернулись со Шри-Ланки. После ей рассказали, что на открытии Карлос тоже не выступал – только произнес несколько слов приветствия. А потом он скромно сидел в сторонке и задумчиво созерцал танцующих. Пара Карлос и Клаудиа очень нравилась Ксении: сдержанный «классический» стиль, четкость скупых движений, ни единого лишнего. И свободная, спокойная нежность супругов с пятидесятилетним стажем. Сейчас стало мучительно неловко: зачем аргентинец выносит на обозрение совсем чужих людей свое глубоко личное горе?!

Карлос жестом остановил заигравшую было музыку, медленно обвел глазами зал. Казалось, он хочет поприветствовать каждого из присутствующих. Влажный, темный взгляд достался и Ксении. Она сочувственно улыбнулась старику, поддержала контакт столько, сколько он этого хотел. В нем совсем не чувствовалось печали, скорее – задор. Чувство неловкости немного улеглось, хотя осталась тревога: как-то пожилой танцор справится без репетиции с непривычным сольным выступлением?

Обедя взглядом весь зал, Карлос произнес короткую фразу по-испански. Подскочила Нина Измайлова, без микрофона прокричала, стараясь быть услышанной всеми:

– Сегодня моя любовь опять со мной.

Она вопросительно посмотрела на старика. Тот махнул рукой в сторону диджейского пульта: мол, пусть музыка играет! Нина ретировалась, растерянно улыбаясь, ее муж нажал на компьютере нужную кнопку. Вторая попытка медленной мелодии войти в тишину увенчалась успехом, танцор поднял руки, обнимая воображаемую партнершу, сделал короткий шаг в пустоту, другой...

Время от времени, выныривая из транса, Ксения замечала, как жалко-нелепо выглядит человек, пытающийся в одиночку воспроизвести – не имитировать, а именно в точности воспроизвести – парный танец...

Время от времени, выныривая из тяжелого забытья, Виталий понимал, что перед ним – то великое совершенство, к которому он будет стремиться во что бы то ни стало, пока не достигнет...

Время от времени, выныривая из бескрайней обиды, Костя видел на танцполе ту страсть, которой остро не хватало в его реальной жизни, и думал: может, близость смерти заставляет страсть так ярко гореть?..

Время от времени, выныривая из глубокой задумчивости, Наташа забывала, что ей уже двадцать восемь лет, что ей ни разу в жизни не удалось построить длительных и серьезных отношений, что гинекологи не балуют ее радужными прогнозами, что ее танго-карьера пошла под откос, не начавшись, – забывала слушать пластинку привычных, заезженных мыслей, и тогда оставался только старик, кружащийся в нелепом и технически невыполнимом танго, да глухой, неотвязный, беспричинный страх...

Продвинутые аплодировали бурно – кто-то даже крикнул «Браво!» – и заразили своим настроением тех, кто не понимал. Побледневший старик обессиленно отер лицо, покрытое крупными каплями пота, удовлетворенное, отрешенное. Когда он уходил, было видно, что ноги его слегка подламываются на каждом шаге.

Рогов был совершенно бел, губы выцвели, даже глаза, пристально уставленные на Ксению, ввалились. Ксения оперлась о его плечо дрожащей рукой, но никак не могла найти в себе сил прыгнуть вниз. Виталий и не думал ей помочь.

– Что это было? – спросил строго.

– Ты тоже видел? – Ксения почти обрадовалась, но заколотило ее еще сильнее.

– Видел. – Виталий продолжал неотрывно смотреть ей в глаза. – Объясни мне, будь добра, что я видел? Он танцевал не один, так?

В дверях зала раздался шум, вскрик, тяжелый топот. Прогрохотали поднятым, второпях вынесенным и ударенным о косяк стулом. Стали громко выяснять, есть ли среди присутствующих врачи. Блеклая, высокорослая, но отличная партнерша Таня Непорожнева сорвалась с места и деловито побежала к выходу.

– Она педиатр, – механически прокомментировал Виталий.

Ксения молча прыгнула на пол. И пожалела: надо было с верхотуры высмотреть Костю!

По залу уже пронеслось степным пожаром – из уст в уста: аргентинцу плохо, он упал, едва дойдя до двери после выступления. И вслед за этим достоверным сообщением дымом потянулось из углов: «Черная Тангера». «Но ведь он танцевал один!» «Кто знает?..»

Ксению трясло. Она стояла, озираясь в поисках Кости, и сжимала руку Виталия, ставшую неприятно, странно для такого крупного мужчины холодной. А Рогов, стоя неподвижно, вытянув шею, вглядывался в дверной проем.

На удивление быстро вернулась Таня. Она теперь тоже заметно дрожала.

Не знавшие ее деликатно молчали, а знакомые тянулись гуськом за ней вслед, но Виталий гаркнул на весь зал:

– Ну что там, что?

Татьяна ответила дрожащим голосом:

– Он умер, – и расплакалась.

Виталий шагнул вперед, привлек женщину к груди. Другая его рука осталась позади – в полном распоряжении Ксении. Но Ксения отпустила друга и пошла искать Константина. Определенность сразу привела ее в чувство. Но старого танцора было остро жаль: он умер, думая, что счастлив, но он умер совсем неправильно! Слезы катились по щекам. Вспоминалось, как покойный дедушка на золотой свадьбе танцевал с покойной бабушкой простое, но зажигательное советское танго под виниловый «Бананово-лимонный Сингапур» или «Утомленное солнце».

Она прошла сквозь толпу, окружившую Татьяну с Виталием. Константина в зале не было.

Он обнаружился в холле. Стоял спиной ко входу в зал, заложив руки за спину.

– Костя, вот ты где! – выдавила Ксения, скрывая за фальшивой бодростью огорчение, усталость, растерянность. Переборщила: получилась веселенькая такая, беззаботная интонация.

Константин резко обернулся, вгляделся без улыбки в заплаканное лицо. Ксении хотелось верить, что он так суров, потому что глубоко проникся серьезностью момента.

– Как дедушку жалко, – поделилась она. – Такая страшная смерть!..

– Человек прожил долгую жизнь и умер счастливым в одно мгновение. Постарайся порадоваться за него, вместо того чтобы жалеть.

Холодно и жестко. Сомнений не осталось: Костя злится. На что? У Ксении, расстроенной, перепуганной, не было никаких сил разбираться в тонких движениях его души. Обидно, больно, что в трудную минуту от любимого человека – никакой поддержки! Ссориться – тем более нелепо! Ксения опустила голову. Костя последнее время слишком часто не в духе, говорит колкости, придирается на пустом месте. И она порой резко огрызается из-за мелочей. Что-то происходит между ними.

– Костя, все гораздо сложнее. – Она старалась подчеркнуть примирительную интонацию, но получалось холодно и обиженно. —

Я видела кое-что. И Виталий видел. Правда, я не успела его расспросить...

– В чем же дело? – осведомился Костя, казалось несколько дружелюбнее. – Пойди и расспроси. Ты еще не со всеми знакомыми там переобнималась, перецеловалась, перетанцевала...

– Какие уж тут танцы?!

Ксения постаралась нелепым возражением не по делу увести друга в сторону от опасных рассуждений, замять разгоравшийся конфликт. Трагические события, стремительно развивавшиеся прямо на глазах, выбили ее из колеи. Но Костя не желал останавливаться!

– ...Не все тебя еще на руках поносили?

Ксения возмутилась:

– Ты говоришь оскорбительные вещи! Ты прекрасно знаешь: здесь так принято...

– Вот именно, у вас так принято. У вас тут принято слишком много... неприемлемого!.. Я помолчу, – внезапно остановился он. – Если бы ты не была так сильно расстроена, я бы... еще кое-что сказал.

И Константин равнодушно отвернулся.

Ксения ясно понимала – единственно верным шагом будет попросить прямо сейчас: «Скажи все, что накопело!» Но не нашла в себе сил рискнуть. И уйти, чтобы пообщаться с Виталием, что казалось крайне важным, не решилась. Молча, с поникшей головой удалилась в раздевалку.

Там было людно. Бурно обсуждали события вечера и последних дней. Прозвучало мрачное: «Проклятие Черной Тангеры». На произнесшую зашикали: и шуткам не место, и вообще – не к ночи будь помянута любая нечисть! Ксения, отворачивая лицо, искала свои вещи. Ни прореветься толком, ни посидеть подумать. Она натянула брюки и поспешно вышла: как бы Костя окончательно не разобиделся, что подруга заставляет себя долго ждать! Получалось, что она немного заискивает, хоть ни в чем не провинилась. Но уж ладно: худой мир лучше доброй ссоры!

Она молча обувалась. Костя стоял рядом и упорно смотрел в другую сторону.

Распахнув перед ней дверь и пропуская вперед, он, как обычно, легонько коснулся ее спины. В этом жесте была привычная забота, но Костя тут же убрал руку, хотя прежде так и вел бы до машины, приобняв за талию. Ксения сжалась от дурных предчувствий. Однако, тронувшись в путь, Костя заговорил неожиданно мирно:

– Так что ты увидела необычного, когда умер старик?

– Когда умер? – тупо удивилась Ксения. – Нет, когда танцевал!..

В сумочке громко заиграла бравурная мелодия. Она достала телефон. «Танго-Виталий». Поколебалась, принимать ли вызов.

– Ксень, ты где?

– Мы с Костей уже уехали. Что-то случилось?

– Я думал, обсудим, кто что видел... – озадаченно протянул Рогов.

– А ты других не расспрашивал? Может, еще кто-то что-то заметил?

– Я спрашивал. Молчат. Не заметили.

– Молчат или не заметили, как тебе показалось?

– Ну, Ксень, кто из нас психолог? Мне не ответили – я дальше пошел!.. Не хотелось бы по телефону.

– Как быть? Последнюю фестивальную милонгу, наверное, отменят. Слишком много трагических случайностей.

– Вряд ли: помещение арендовано, билеты проданы.

– Форс-мажор...

– Докажи-ка!

Ксения покосилась на Костю, который смотрел на дорогу и старательно делал вид, что разговор его не касается. При нем назначать Виталию встречу или время нового созвона значило поставить под угрозу наладившийся было мир.

– Ладно, Виталик, тогда на последней милонге и обсудим.

– Хорошо. Пока.

Тот явно поверил ее деланому равнодушию и расстроился.

Ксения принялась настукивать эсэмэс: «Виталик, Костя меня приревновал, не могу говорить. Позвоню завтра». Перечитала. Стерла. Слишком интимно! Неприлично: Рогов не

настолько близкий человек. И отдает заигрыванием. Подумала секунду. Нет, неприлично! И выключила телефон.

Костя покосился на нее, улыбнулся.

– Тебе не холодно? Обогрев прибавить?

Мир.

Суббота. Его последняя милонга

Ах, Рио-Рита! Ты сладка и жестока, как время.

Позвучи чуть-чуть: я все равно не хочу

Расставаться с воздухом земным...

И. Богушевская. Рио-Рита

Ксения долго ворочалась с боку на бок, ловя ускользающий от ее подушки сон. Она еще не привыкла к Костиной квартире. Тут было и чисто, и уютно, и тепло, и воздуха достаточно, а сон не шел. В объятиях она бы, наверное, успокоилась, но Костя размеренно посапывал, отвернувшись от нее; жалко будить! Потом бодрствование все-таки незаметно иссякло, однако вместе с сереньким зимним рассветом явилось вновь. А вот мысли разбегались стайками, их никак было не собрать. Она поднялась. Умылась, приготовила завтрак. Вернулась к Косте, который только начал потягиваться...

После завтрака они рванули в Архангельское. Просто хотелось свежего воздуха, заснеженного леса, удобных расчищенных дорожек для прогулки; просто ехать не далеко; просто оба тысячу лет там не были.

Ксения старалась выбирать любую тему для разговора, кроме той, что – единственная – ее в этот момент интересовала. Костя терпеливый, но не святой! Он и так через силу принимает участие в ее танго-развлечениях. За последние дни развлечения стали носить, мягко говоря, экстремальный характер. Осталась всего одна ночь, которую совершенно нельзя пропустить. Но день должен принадлежать Косте. Ксения старалась вести беседу о книгах, друзьях, театре, политике, окружающих пейзажах, качестве и содержании цейлонских фотографий.

– Какие планы на вечер? – спросил Костя.

У Ксении похолодело сердце. Костя интересуется *ее* планами. Неужели он хочет оставить ее этой ночью?!

– Честно: я никуда не хочу. Я бы предпочла остаться с тобой дома. Или съездить с тобой в кино. Но я не имею права не пойти!!!

– На заключительную милонгу фестиваля?

– Да.

– Что значит «не имею права»? Ну-ка давай, подруга, излагай!

Ксения радостно сверкнула на него глазами. Подумала: «Спасибо, милый, какой же ты хороший!» Сказала торопливо, боясь, что Костя передумает ее слушать:

– Сейчас! Сейчас, с мыслями соберусь!

* * *

Костя слушал не перебивая. Дело, в котором увяз поневоле, он поневоле же воспринял как свое собственное: если он оказался свидетелем странных событий, если его подруга – их участница, если у него неплохо варит голова и кое-какие знания... Было бы в высшей степени безответственно остаться в стороне!

Ксения сбивалась, теряла мысль, но Костя ясно представлял все, о чем она говорит, и картина постепенно вырисовывалась довольно стройная.

– Корнев, Рома, Николай, Толя Юшко. Люди, готовые дневать и ночевать на

танц-поле. Танго было для каждого из них основным смыслом жизни! Они мечтали и говорили только о том, как научиться еще лучше танцевать. Ради танго они, сами того не заметив, отказались от всех других интересов и достижений в жизни. Отдались ему, были преданы ему... Какие слова еще подобрать?

– Они и от секса отказывались ради танго?

– Ну почему? А еда? А работа? Нет! Просто танго – на первом месте, а остальное – постольку-поскольку.

– Старик Карлос очень трезво судил о танце профессиональном и любительском!

– Он, бедный, просто все потерял со смертью Клаудии. Старики часто теряются в такой ситуации, перестают понимать, зачем жить. Вот он и стал легкой добычей этой твари.

– То есть с так называемой Черной Тангерой вопрос решенный?

– Я ее видела, хоть и смутно. Мне нравится имя, которое ей дали.

– Хорошо. И какой вывод? Ты сказала, что знаешь единственный способ спасти других танго-маньяков.

– Думаю, что знаю. Только они не маньяки. У маньяка есть страсть, его сжигает внутренний огонь. Злой, но огонь! А для некоторых наших тангерос танец – что-то вроде турмозной доминанты...

– Поясни!

– Это термин из психофизиологии. Я сама не до конца еще... Каждый из них боится решать какие-то свои проблемы и бежит от жизни в увлечение танго. Вместо того чтобы направить силу своих эмоций, можно сказать страсть, на отношения с людьми – с женщинами, родителями, близкими, друзьями, детьми, на работу, на обустройство дома, они занимаются танцами.

– Откуда у тебя такая уверенность, что у них были какие-то проблемы, от которых надо бежать?

– Просто версия – из общей психологической эрудиции. Меня другое смущает. Сильные эмоции, будучи подавленными, должны как-то проявляться, прорываться! А их в помине нет. Те, кто, по-моему, принадлежит к категории, скажем так, «тангозависимых», даже в танец вкладывают только старание – не душу! Получается какая-то ложная страсть: холодная, рассудочная.

– Ты сейчас почти убедила меня, что твоих тангеросов не следует спасать. Они вроде как расплачиваются за собственный эгоизм.

– Но разве мы можем позволить злему духу разгуливать на свободе?! А если эта тварь еще усилится и станет пожирать уже тех, кто вовсе не заслужили клейма эгоистов и трусов? А если она выйдет за пределы танго-подвалов и милонг? Мы все, мягко говоря, не безгрешны. Я не хочу, чтобы этот кошмар с улицы Танго набросился на тебя, на моих близких, на меня саму – извини за эгоизм!

Костя промолчал с непроницаемым лицом, стараясь не выдать смущения.

– Так что ты придумала-то?

– Наверное, глупость, потому что я все равно не смогу это осуществить. Ее надо перетанцевать! Она восхитительная партнерша, идеальная. На это и ловит! Мы должны заметить либо ее – по красоте и сложности танца, либо жертву – когда лицо отрешенное, такое ослепевшее. И надо тащить человека танцевать сразу после нее. Во что бы то ни стало! Только, чтобы перебить ее влияние, надо танцевать лучше ее. А я и за год так не научусь. Таланта нет.

– Ты красиво танцуешь! Ты талантливая!

– Если бы! Спасибо, конечно, Костенька... У меня талант – с людьми разговаривать. Без ложной скромности. А танцы – это так, чтоб не чувствовать себя совсем уж неуклюжей...

– А ты станцуй так, как будто разговариваешь! – выпалил Костя.

Он был вознагражден взглядом, полным глубокого удивления, переходящего в восхищение.

– Ну да, – медленно произнесла Ксения. – Парный танец, особенно танго, это диалог. Только я считаю себя в танцевальном диалоге глуховатой и косноязычной. Думаю, что должна только прислушиваться и правильно отвечать. А что, если – как в консультационной беседе: и переспросить – не грех, и поддержать паузу, и поделиться своим мнением? Разрешить себе переспрашивать, уточнять, не сразу все понимать... – Глаза ее заблестели. – Я попробую!

И тут Костя с запозданием испугался:

– Ксень, вдруг она разозлится на тебя за то, что отнимаешь жертву?

– Знаешь, за кого я спокойна? – сказала она, не слушая. – За Измайлова!

– Так уверена, что ему не грозит Тангера? С чего бы?

– Он по натуре сухой и холодный. С него просто-напросто нечего взять. И у него неуязвимая позиция. На первом месте – любовь к деньгам. Он эту свою любовь и удовлетворяет, не подавляя и не пряча от самого себя. За Травкина спокойна – как ни странно.

Костя с сомнением хмыкнул.

– По-моему, этот твой нервный, ранимый, художественно одаренный бизнесмен – как раз лакомый кусочек. Весь зажатый-пережатый, а внутри бури бушуют.

– Не такой уж он зажатый! – бросилась Ксения защищать доброго знакомого. – Просто скрытный. Насчет бурь ты точно подметил. У него как раз полно внутренней страсти, но он эту страсть поместил не в танец. В картины, в отношения с Ириной. Он с наслаждением смотрит, слушает, рисует танго, а танцует так, постольку-поскольку.

– Я как-то упустил из виду, – спохватился Костя, – к чему ты вообще-то заговорила о тех, кому Тангера, по-твоему, не грозит?

– Прикидываю, за кем надо будет присматривать в первую очередь, а за кем – вполглаза.

– Может, никто не придет на милонгу или ее отменят? Неужели все эти твои невротичные тангеросы – самоубийцы?

Ксения открыла было рот, но Костя перебил:

– Не говори мне про пакет милонгеров! Единственное мероприятие можно и пропустить, и отменить!

– Посмотрим, кто в итоге дойдет. Но ведь это ничего не решает – даже если милонга не состоится. Тангера-то останется. Ее надо нейтрализовать.

* * *

Лера была нарумянена и напудрена так, что бросалось в глаза. Она сдавленно произнесла:

– Хорошо, что ты здесь! Я хоть с тобой поделюсь!

Наташа похолодела.

– Что с тобой?!

– С Анькой. Она покон... Ну, в общем, свела счета с жизнью. Она написала мне предсмертное письмо, представляешь? Именно мне! По электронке.

– Может, так, истерика? Еще обойдется? – У Наташи задрожали и голос, и тело.

– Нет. Я же сразу к ней поехала. Я все это видела!!!

– Когда это случилось?

– Вчера утром. Она написала ночью, я прочитала в девять утра.

Вот почему Лера вчера не пришла на милонгу! У Наташи тогда еще заскребли кошки на душе: вроде собиралась! Но Лера никогда не входила в число столь близких друзей, чтобы интересоваться всеми делами и планами друг друга.

– Что ж ты не позвонила? Я бы приехала.

– Куда?! Я весь день... с ней разбиралась. Со спасателями, милицией...

– Я могла и вечером!

– Спасибо. Чтобы утереть сопли, у меня есть муж. Приехала бы ты на ночь глядя – и что? Ребенок спит, ему завтра, сегодня то есть, экзамен сдавать. Ко мне некуда, спать негде положить.

– Ребенок экзамен сдал?

– Сдал, куда бы он делся?.. Она повесилась, – добавила Лера совсем глухо.

– Как же тебе досталось, бедная! Еще нашла силы приехать сюда!

– Муж подбросил. Хотелось развеяться. Рассказать кому-нибудь. Но нет, пока не могу говорить. И отвлечься не удается!

– Из-за чего она?

– Жить больше незачем: лучший танец уже исполнен, не хотелось бы тосковать по нему всю долгую старость. Так примерно.

Наташа молчала, лихорадочно подбирая слова утешения. Лера растерянно огляделась.

– Почему все эти люди опять пришли и опять танцуют как ни в чем не бывало?!

– Мы с тобой тоже пришли. У тебя дома муж, сын. Они, наверное, могут лучше утешить и поддержать, чем посторонние, в сущности, люди. Меня дома никто особо не ждет – так, старшее поколение со своими заморочками. Но там – тихая гавань по сравнению со здешними бурями.

– Мне так же неинтересно дома, как и тебе, – отрезала Лера. – Дело не в этом. – Она вновь отвернулась к танцполу. – Они же как зомби, как куклы безвольные. Не могут вырваться и не хотят, однажды втянувшись в этот круг!

– Зря ты так!

Как ни тяжело Лере – Наташа чувствовала, что обязана ей возразить:

– Мы сейчас пойдем танцевать – и станем выглядеть со стороны как все. Но ты же не чувствуешь себя куклой на веревочке?

Лера молча усмехнулась.

* * *

Последняя милонга фестиваля. Последняя ночь веселых святочных гуляний. 19 января он постарается как можно раньше, пока не проснулись тысячи таких же поклонников крещенского омовения, поехать на Гремячий ключ. Если бы удалось взять с собой кого-нибудь из друзей, ехать было бы гораздо веселее. Но кто согласится подниматься воскресным утром затемно? Виталий и сам ни за что не стал бы себя насиловать.

В прошлом году Света попросила: давай поспим подольше! Повалившись в постели всласть и не подозревая дурного, они отправились в путь – в глушь, за сотню километров от Москвы. А там их ждал сюрприз: огромное заснеженное поле, перевитое лентой дороги, и вся лента – в огнях терпеливо ожидающих своей очереди, чтобы приблизиться к святыне, московских авто, набитых чадами и домочадцами, провизией для устройства пикника на капоте, пустыми пластиковыми бутылками для святой воды.

В общем, туда они ехали еще весело, с шуточками и прибаутками, в предвкушении чуда и праздника. А вот плестись по скользкой полевой дороге то по склону вниз, то резко в горку обратно среди тысяч желающих вырваться на оперативный простор шоссе Виталию совсем не понравилось! Сердце екало каждый раз, как колеса начинали буксовать по льду. В снегу по обочинам торжественно вязли понтовые на вид московские ложные внедорожники. Света, смеясь, фотографировала, как одного из таких городских черных монстров уверенно вытягивает из сугроба старый добрый газик неизменного защитного цвета. Но Виталию в тот момент было уже не до смеха: он прикидывал, как скоро очередь тащиться на тропе за газиком дойдет до его скромного «фокуса».

Так что надо будет выехать пораньше и уж смириться, что никто не составит ему компанию!

Даже предвкушение яркого, солнечного и морозного дня, шумного прыжка в ледяную крещенскую купель, вода в которой на самом деле теплее воздуха, толкотни и веселых

разговоров в очереди к источнику почему-то не избавляло от депрессии. Уходил праздник. Шумный, радостный фестиваль, которого так ждали целый год, обратился в череду потерь и дурных предчувствий, смятение нарастало.

Купившие пакет милонгеров продолжали как заведенные ходить на все уроки и шоу – раз уж уплачено. Организаторы не могли прервать мероприятие, хоть были бы рады избавиться от лишней головной боли, но как теперь вернуть народу собранные заранее и уже использованные средства?! Форс-мажора не наблюдалось: несколько более или менее известных в узких кругах тангеров ушли из жизни по самым разным, не взаимосвязанным и уж никак не связанным с фестивальными мероприятиями причинам. Слухи о Черной Тангере не передавал только ленивый, однако оттока посетителей от милонг и шоу что-то не наблюдалось.

Виталий был убежден, что именно он первым почувствовал вкус опасности: еще когда пытался догнать уходящего в ночь белого, с перекошенным лицом Лео. Но вкуса этого он, в отличие от многих любопытствовавших, с юности не любил.

Опасность лишилась для него романтического флера, когда он, согласно плану учений, засел в окопе, и прямо над головой поползли одна за другой массивные боевые машины. Он знал, сколько танков должно проехать, вначале считал их, но потом сбился – и вот тут... Вот тут наступило то, что не имело имени. Лейтенанту Рогову стало казаться, будто машинам над его беззащитной макушкой не будет конца, что все гусеницы слились в одну длинную цепь, эта цепь закольцована, значит, охватила она, лязгающая и невыносимо воняющая соляжкой, ни много ни мало весь земной шар. С тех пор опасность вызывала у Виталия, вместо радостного выброса адреналина в кровь, как это бывает с большинством мужчин, только депрессию и тяжелую, мрачную решимость преодолеть или хотя бы переждать.

Виталий вел машину среди густого потока автомобилей, хозяева которых собирались провести вечер в центре столицы, и на каждом повороте боролся с желанием покинуть строй и отправиться назад – на тихую лесистую окраину, в уютную квартиру, а еще лучше – подальше: на любимую дачу, к тишине и белому снегу. И на каждом повороте он напоминал себе: праздник сегодня закончится! Разве можно было допустить, чтобы последний глоток праздника выпили без него?! Да и Травкину обещал, что приедет. Сам просил: «Давай обсудим последние события!» И с Ксенией договорился...

Нечто крайне неприятное уже довольно долго маячило в поле зрения. Пожалуй, с того момента, как пересек МКАД. Виталий долго не мог осмыслить, что его тревожит. Ему не нравилась одна из шедших впереди машин, хотя все ехали на редкость аккуратно.

Кто-то свернул на перекрестке в сторону, Виталий успел проскочить последним под желтый свет, уже наливавшийся багрянцем. И поморщился: вот она, неприятная машина, впереди! Да что же в ней особенного? Женщина за рулем. Ну и что, бывает. Не ползет как черепаха, не мечется. Нормально ведет. А с чего взял, что женщина? Стекла-то тонированные! Знак на заднем стекле – туфелька, – так мало ли кто в настоящий момент ведет? Виталий было успокоился, но в следующий миг тревога еще сильнее стиснула грудь.

Туфелька! Туфелька была совсем какой-то нехорошей. Какой-то неправильной! Обычно ее как рисуют? Красная обводка треугольника, белый фон, черная туфля. Или красная? Разве бывает черный треугольник в траурной кумачовой рамке? На черном фоне – кокетливая красная обувка на высоченной шпильке. Среди общего мрака – темное небо, темные стекла, черный фон шуточного знака – туфелька выступала так рельефно, будто была настоящей.

...Танго обид не помнит,
Танго звучит во мне,
Танго – счастливый повод
При всех остаться наедине...⁵

⁵ Танич М. Просто танго.

Сосредоточившись на своих тревогах, он и забыл, что в магнитоле вновь крутится «Русское танго».

– Не надо нам таких знаков, – пробормотал Виталий и резко рванул на обгон.

Он вздохнул с облегчением, лишь когда траурная туфля оказалась на несколько машин позади. А тут как раз высветился указатель нужного переулка: Виталий чуть не проскочил поворот!

Темный, извилистый переулок опасливо, боком сползал вниз с одного из семи московских холмов. Примерно посередине он разветвлялся: один «рукав» резко огибал круглую церковную ограду и скрывался за темным силуэтом храма, другой резко уходил вниз, в густой мрак довольно старинного квартала. Дома, построенные в каких-то позапрошлых веках, потеряли свое предназначение, перестали служить человеческим жильем, превратившись в приют для множества несуразных контор и офисов. Днем они еще пытались изобразить, будто дышат, созерцают мир, двигаются и даже идут в ногу со временем, однако по ночам обращались в то, чем были на самом деле, – хладные трупы, медленно разъедаемые тлением и куда быстрее – кишением паразитов. В этой части города снег, пока он не лег достаточно толстым слоем, все время сносило ветром, дувшим с реки, потому зимняя ночь была здесь действительно темна.

Если предыдущие милонги фестиваля проходили в благоустроенном подвале клуба «Витанго» и в одном из залов «Си-ди-рви», то для завершающего грандиозного действия с выступлениями всех приглашенных иностранных танцоров и даже живым оркестром организаторы выбрали огромное помещение бывшего цеха в стенах давно закрытого завода. Цех был переоборудован под молодежную дискотеку, даже отопление усилено. Прошлой зимой цех сняли впервые. Тогда все пришедшие на праздник убедились: огромные окна выстуживают все тепло; если долго сидишь, надо накинуть шубу, но, пока танцуешь, тебе вполне удастся согреться. Так что следует танцевать до упаду, благо огромный зал позволяет всем парам двигаться свободно, с полным комфортом.

Виталий побывал в цехе всего раз, год назад, невзлюбил его и дорогу туда благополучно забыл. Он слегка сбавил скорость на развилке. Ни одного автомобиля, тем более прохожего. «А, разберемся!» Виталий рванул наобум. Не совсем наобум: в эту сторону указывала едва различимая на асфальте стрелка дорожной разметки. Старинные дома сменил глухой забор из красного кирпича по обе стороны дороги. За заборами потянулись заводские корпуса из того же темно-красного кирпича. Похоже, направление верное! Может, это организаторы милонги не поленились прочертить на сомнительной развилке указующую черту? Потому что странная она: дорожная разметка, пусть полустертая, остается белой, а тут – будто тень легла на асфальт. Виталий вспомнил, что совсем недавно где-то еще видел подобный рисунок, но его внимание привлекли знакомые ворота.

Он высунул голову в окно и поинтересовался у охранника:

– Ну и что нужно сделать, чтобы попасть внутрь? – Он смутно помнил с прошлого года, что была какая-то смешная хитрость.

– Ваш паспорт, права – мы выпишем пропуск, если для вас заранее заказали...

– А если нет?

– Можете заплатить сто рублей и проехать. Вот эту бумажку сдадите на выезде.

Виталий расхохотался и полез за бумажником.

Здесь теплым желтым светом горели фонари, тротуары перед воротами и огромный заводской двор были забиты автомобилями. Тепло укутанные люди стайками, парами, поодиночке впархивали в калитку. Огромные окна танцевального цеха тоже приветливо светились. Тревоги отступили, депрессия, опустив голову, стыдливо поджав облезлый хвост, на полусогнутых поползла прочь, по тротуару, стараясь держаться в тени домов.

Виталий вышел из машины, потянул носом холодный воздух. В отсутствие снега он, к

сожалению, не пах арбузом. Виталий в несколько шагов пересек узкую часть двора. Вот и высоченная массивная дверь. Танцующие пары за окном, глухо звучит знакомый мотив. Справа, от ворот, приближались пешие тангерос, но издали он не мог разглядеть, есть ли среди них знакомые лица. Слева, у самого входа в цех, удобно припарковались те, кто приехал раньше...

Екнуло внутри: знакомый асфальтового цвета автомобиль; на заднем стекле красуется красная туфелька на черном фоне. Когда же она успела обогнать? Ведь оставил ее далеко позади! Виталия бросило в холодный пот. Он поторопился открыть массивную дверь.

– Виталий! Виталечка! – Наташа порывисто расцеловала в обе щеки.

Он перевел дыхание. Будто дома очутился после дальней дороги! Покой, комфорт, веселье. Его здесь ждут, ему рады, а он знает всех и с каждым давно нашел общий язык.

– Как хорошо, что ты пришел!

Бальзам на зачерствевшую душу старого военного пенсионера!.. Нет, не бальзам... Масло, наверное. Или чем там размачивают сухари – молоком? Виталий блаженно улыбался, тая в полуобъятии молоденькой девушки, физически совсем для него не привлекательной, но такой близкой и родной.

– Извини за меркантильный вопрос: ты когда поедешь обратно?

– Не знаю, – протянул Виталий, стараясь изобразить независимость, но уже понимая: первый пассажир на обратный рейс у него есть! На душе все больше теплело.

Наташа продолжала говорить, но смысл сказанного доходил до него с задержкой.

– Виталечка, увези меня отсюда немедленно или танцуй со мной без перерыва!

– Подожди. Куда же я поеду? Я, наоборот, только что приехал, я еще не танцевал... Ты что, – Виталий с сочувственной, но очень лукавой улыбкой заглянул девушке в глаза, – влюбилась в меня?

Наташа отвечала взглядом в упор, не теряя серьезности. Виталия разбирало любопытство.

– Наташка, а? Что случилось? – Он легонько тряхнул девушку за плечи, продолжая с веселой нежностью заглядывать в нахмуренное лицо.

Безотказный прием! Взгляд должен быть смешливым, беззаботным, но предельно доброжелательным. И неотрывно в глаза. Женщина обязательно улыбнется в ответ. Была ли она обижена, расстроена, сердита – поганое настроение как рукой снимет! Может, еще проплачется на твоём плече. Но ты уже не враг, не обидчик – союзник, единственный понимающий друг, надежда и опора!

Наташа улыбнулась.

– Виталий, может, мне в тебя и правда влюбиться?

– Не надо!

Слишком поспешный ответ! Надо сгладить!

– Береги сердце, не отдавай его кому попало!

– Уговорил, – легко согласилась Наташа, и в Виталия вонзился укольчик обиды. – Так ты будешь танцевать со мной до утра или я немедленно ухожу?

Виталий перестал разыгрывать заботливого весельчака.

– Что произошло?

– Мне жутко здесь! Послушай разговоры в зале. Подойди к любой компании. Все только и говорят о Черной Тангере. Все шепчут и понижают голос. Сквозь музыку едва разбираешь слова. По залу будто ползают змеи, которых никто не замечает, и шипят, обещая смерть...

– Не говори так! Такие вещи не произносят вслух. Ты что?! Даже не думают!

Виталий, стараясь быть убедительным, вложил в свою тираду всю строгость и суровость, щедро отмеренные ему природой. Однако молодое поколение в лице Наташи вовсе не отреагировало на командирский тон.

– Не могу не думать.

– Наташка, – он снова включил снисходительную усмешку, хотя к самому уже

вернулась тяжелая тревога, – зачем ты тогда вообще сюда приехала? Сидела бы дома!

Молодая женщина опустила голову.

– Мне и дома страшно. Мне чудится, что мы все имеем к этому отношение. И не важно, когда, где...

Виталий совершенно не находил что ответить и даже – что по этому поводу думать.

– Я смотрю на танцпол и гадаю: с кем *она* танцует сейчас!

– Тебе-то чего бояться?! Ты же не танцуешь с девушками!

Виталий произнес очередные слова утешения – и ему стало еще больше не по себе: Наташа-то не танцует с девушками...

– А на ком я, по-твоему, осваивала мужскую партию?! Вспомни уроки! Я по ползанятия барышень водила! – В глазах блеснули слезы.

– На милонгах-то ты их не водишь, я надеюсь?

– Анна... Анна у меня в глазах стоит...

– Какая Анна? Что случилось?

Короткий рассказ Наташи Виталию совсем не понравился! А она тем временем продолжала:

– Я беседую со знакомыми девчонками – и все гадаю: это правда Леночка, Марина, Дарья? Или *та*?

– Не говори ты таких вещей! – опять назидательно потребовал Виталий, а сердце снова дало сбой. – С чего ты решила, что... эта... дама похожа на кого-то из знакомых женщин?

– Я дважды видела ее танец.

В огромных серых глазах под толстыми линзами – одни черные зрачки.

– Когда она была с Ромой. Я, конечно, тогда ни о чем не догадывалась, но потом припомнила. И с Толей Юшко. Совершенно разные фигуры, рост. А Анна тогда – когда *она* с Толей – сказала, что это знакомая ей девушка. И мне она казалась знакомой.

– Ты уверена, что видела оборотня? А если эта... тварь подцепила Анатолия позже?

– Дальше он танцевал только с ней и вскоре ушел. В чем я могу быть уверена? Конечно нет!

Виталий принялся медленно, мучительно шурясь, оглядывать огромный зал.

«Леночка? Марина? Дарья? Или *та*?» Вон Ленка, вон Даша. Вон... Ба! Светка пришла! Вон рыжая Марина, положив ногу на ногу так, чтобы видны были колени, обтянутые колготками в сеточку, кокетливо обмахивает пышным веером роскошное декольте. Ишь, какая жаркая!

А вот девушка Наташа, которая продолжает цепляться за его плечи и которую он заботливо поддерживает под локти. Настоящая или... *та*?

– Так что, Виталий, ты остаешься? Или, может, ну его, поедem отсюда?

– Ты связалась с человеком, для которого время кончилось несколько лет назад! – произнес Виталий с пафосом фразу, смысла которой до конца не понимал сам.

В ней слились жалобы на развал семейной жизни, которая и без того носила условный характер, на интриги и смертельно опасные игры в колдовство бывшей супруги, на охлаждение отношений с сыном и на что-то еще, необлекаемое в слова.

– Чего мне теперь бояться? Еще не было случая, чтобы я уехал с милонги, не потанцевав. – Он прибег к строгой назидательности. – Ты...

Стало совсем не по себе! Почему Наташа так настойчива, почему ее ладошки намертво прилипли к его плечам? Еще не поздно! Вместо того чтобы сказать: «Ты танцуешь?» – можно произнести: «Ты подожди меня. Посиди вот за столиком. Я пойду с Травкиным поздороваюсь. А попозже потанцуем, ладно?»

Виталий беспомощно оглянулся на танцпол. Травкин мучил свою верную Ирину неразборчивым подобием танго-вальса.

– Ты танцуешь?

– Если ты настаиваешь...

И он повел слегка успокоившуюся, зацокавшую шпильками в такт мелодии Наташу в

центр огромного зала.

* * *

Обнаженная спина, над которой в легком беспорядке порхают блестящие каштановые локоны. Гибкая талия, восхитительные ягодицы, ноги почти до пят облиты белой тканью с изогнутыми прожилками серебра. Невеста! Нескромная невеста: щиколотка, колено, бедро едва не до самого основания то и дело обнажаются в глубоком разрезе. Порочная невеста: под длинным белым платьем снуют, суетятся, томятся алые туфли на высоченной шпильке. Как она могла, с ее вкусом, надеть туфли алого бархата под белый шелк платья?! Но вызывающий цвет облагорожен, смягчен серебряным кантом. А на руках ее – алые браслеты, и на среднем пальце той, что обвивает шею партнера, кровавеет кольцо. Другая обмякла, крепко сжатая мужской ладонью, высоко поднятая мужчиной, как флаг, как знамя грядущей победы или славной гибели в праведном, но неравном бою. Пальцы стиснуты, в беспорядке прижаты один к другому, как цветы, собранные в небрежный и трогательный букетик бестолковым малышом. Однако и тут поблескивает кольцо. Кажется, на безымянном; кажется, серебряное.

Удивительно, как легко и быстро этот человек – мужчина, ее партнер, – освоился с тем богатством, что ему досталось! Если левая его рука всего лишь сжимает, будто тряпочку, ее безвольно повисшую кисть, то правая совсем как дома чувствует себя на обнаженной спине женщины: нежна, небрежна, то плотнее прижимает ее тело, то слегка скользит вверх-вниз. И наглый большой палец все подбирается, подбирается к знакомой, бесконечно волнующей родинке у позвоночника. Он касается ее, слегка гладит, отступает – и подкрадывается вновь.

Но наглая мужская ласка – ничто в сравнении с тем откликом, который она находит в поведении женщины. Мало того что тонкие руки отвечают, будто истомленные, пресыщенные лаской. Мало того что тело ее слилось с его телом, покорилося ему в едином движении, что лицо ее давно зарылось в его шею, полностью скрылось под локонами и жестким воротом мужской рубашки. Ее ноги! Каждое движение их, отличное от простого шага, пронзает наблюдающего этот танец болью! Особенно сейчас. В который раз она проделывает это. С кем она играет?! Какова ее цель?..

Вот она легонько коснулась щиколоткой его голени. Мужчина замер, совершенно недвижим, словно в недоверчивом еще предвкушении экстаза. Медленно, будто неохотно, ее нога заскользила вверх. Носок алой туфли гладит его икру. Мелодия достигает следующего такта, а нежный изгиб ее ступни добрался до его колена. Пора бы остановиться: на следующий такт нужно сделать шаг вперед! Но ее нога, ускоряясь, ласкает его бедро. Шелковистая ткань соскользнула с высоко поднятого колена, и больше ничто не прикрывает ее собственного обнаженного бедра. Выше, выше. Следующий такт. Сейчас попытка закончится. Но нет. Еще крошечный отрезок пути и – где окажется, куда будет направлен шаловливый пальчик с серебряным педикюром в аккуратненьком круглом отверстии на носке алой туфельки?!

– Она танцует с Виталием!

Костя вздрогнул всем телом. От звука голоса, от прикосновения холодной руки. Она стояла сбоку, наклонившись к нему. Белое лицо, полные ужаса и решимости глаза. Упрямо сжатые губы, от которых, кажется, вовек не добьешься того, чего хочется больше всего на свете! Ксения. Холодные пальчики подрагивают. Да она вся дрожит – это видно! Настоящая, живая Ксения. А та – кто?! Кто танцует с Виталием Роговым в платье Ксении, с ее фигурой, ее прической?

Костя осторожно перевел взгляд с собеседницы на танцпол. Виталий с партнершей уже оказался в другом конце зала, за плотным кольцом пар их трудно стало разглядеть. Удивительно, что до сих пор он различал каждое движение обоих так отчетливо! Костя испуганно оглянулся на Ксению: она еще здесь? Та никуда не делась, присела на стул рядом. Костя бесцеремонно схватил ее за запястье, после чего вновь устоялся на танцующих.

Однако крупная фигура Виталия и прижатая к нему тоненькая, в белом совсем скрылись из виду. Кстати, с чего он взял, что у Ксении есть такое платье: белое, облегающее, в струящихся серебристых линиях?! Отродясь он на Ксюшке такого не видел, тем более – алых туфель. Да она даже не устоит на высоченном каблуке!

– Надо идти. Блок заканчивается. Она ни с кем не танцует дольше трех танд.

Ксения побледнела еще сильнее; зрачки глаз стали огромными, черными, слепыми. Голос – по контрасту со смятым лицом – спокойный, размеренный. Женщина поднялась. Костя продолжал сжимать ее запястье.

– Пожелай мне удачи! – попросила подруга.

Константин хотел спросить: «Ты уверена?» Но решил: лучше не сеять сомнения в ее сердце!

– Удачи! – Он стремительно поднялся, поцеловал Ксению в щеку и разжал ладонь. Освобожденная, она тут же развернулась и зашагала прочь.

Костя постоял секунду, следя взглядом за удалявшейся между чужих спин и плеч фигурой. Вышел из оцепенения. Нащупал в кармане мобильный телефон. По-прежнему не отрывая взгляда от танцпола, активировал давно подвешенный на опцию «вызов» номер. Трубка ожила с третьего гудка.

* * *

– Виталий!

Ксения так волновалась, что голос прозвучал сдавленно.

– Да?

Тот, неохотно повернувшись вполоборота, глянул на добрую приятельницу совершенно безучастно.

– Ты сегодня за целую ночь еще ни разу не пригласил меня потанцевать. – Она собралась и смогла изобразить игривость. – Что случилось? Я в немилости?

– Извини. Нет настроения танцевать, – отрезал Виталий.

Ксения растерялась: не ожидала, что он постарается пресечь разговор.

– Ты только что танцевал с какой-то... барышней. Ты великолепно танцевал, как никогда!

Может, подействует грубая лесть?

– Тебе этого никогда не понять! – Рогов вроде даже разозлился. – Танцевал с настоящей... Вот и натанцевался.

Раздражение угасло; он рассеянно уставился на голую стену перед собой и длительно зевнул, вяло прикрываясь рукой. Ксения видела, как он бледен, и ей с каждой секундой становилось страшнее: только бы успеть!

Она положила руки на плечи друга. Тот покосился на ее ладони с равнодушным удивлением. Ксения сделала внутреннее усилие, чтобы солнечного цвета энергия потекла по рукам. Поток остановился, дойдя до кончиков пальцев. Теперь Ксения заметила: плечи Виталия были прохладными, чего вообще прежде не наблюдалось, уж тем более после двух блоков подряд на танцполе.

– Виталик. – Она интимно понизила голос. – Но ты ведь не откажешь своей лучшей танго-подруге?!

– Отстань.

Даже намек на дружелюбие прозвучал в грубоватой реплике. Ксения приободрилась. Сообщила игриво и мягко:

– Не отстану!.. Всю жизнь прожила деликатной, тактичной – надоело! Хоть раз могу повести себя нагло и добиться своего?!

– Со мной такие номера не проходят, – ответил Рогов мирно, но тут же болезненно поморщился и повел плечами, стараясь высвободиться. – Пусти!

Ксения с ужасом увидела, что на физическое сопротивление у него не хватает сил. Это

же придало ей решимости. Она вцепилась в плечи Виталия крепче. Тот вздохнул и продолжал стоять, молча, без выражения глядя на нее. Ксения перестала настаивать на танце. Тоже стояла молча, стараясь пропихнуть по рукам энергию. Энергия не шла. «Танцуй, как будто разговариваешь!» – вспомнила совет Кости. «Единственное, что я умею делать хорошо, – вести диалог», – вспомнила свое признание. Подумала: «А может, и не танец важен, а диалог?»

Она посмотрела Виталию в глаза – утомленные, покрасневшие. Глаза скользнули по ней тускло, моргнули и скосились в сторону. Рогов не желал поддерживать контакт. О чем в таких условиях поговорить – Ксении совершенно не приходило в голову. Она открывала рот и закрывала его, не произнеся ни единого слова. Виталий глубоко вздохнул и снова вяло рванулся на волю. Ксения, не отпустившая его плеч, сделала шаг вперед.

«Это уже почти танец!» – пронеслось в голове. Она едва не произнесла вслух, но не рискнула, чтобы не спугнуть. Хотя что уж там было спугивать! Виталий шагнул вбок, повел плечом. Ксения вместе с ним сделала шаг – и маленькое очо. Виталий снова отступил, и она прошла сбоку от него – получилось правильное движение в перекрестных ногах. Дело пошло! Но Рогов вдруг остановился, выставил прямо перед ее носом сжатую в кулак ладонь с поднятым указательным пальцем. Резко качнул палец вправо-влево, сказал жестко:

– Не выйдет!

– Ну, пожалуйста! Мне так хочется! – Ксения по правде готова была расплакаться, как огорченный ребенок. – Имей снисхождение!

Насей раз он зло уставился ей в глаза, снова резко покачал пальцем прямо перед носом.

– Запомни, – отчеканил Рогов, – я никогда ничего не делаю... с женщинами из сострадания! Никогда. Ничего.

Ладони Ксении медленно сползли с его плеч.

– Я больше ни с кем не хочу танцевать. Никто не сравнится. Я никого рядом с ней не поставлю! Благотворительностью не занимаюсь.

– Виталий, ты только что танцевал с Черной Тангерой. Если тебя это не беспокоит, я уйду.

– Я танцую с теми, с кем хочу. С теми, с кем мне хорошо. В ней страсть. И жизнь. Больше здесь, – он медленно обвел взглядом зал, – нет ни одной женщины. Ни одной.

– Мне уйти?

– Как хочешь.

Как ни была Ксения разозлена, она не смогла уйти. Стояла перед Виталием, опустив руки. Спросила беспомощно:

– Неужели не боишься умереть?

Рогов, потерявший к ней всякий интерес, молча развернулся и удалился.

Оглушенная, Ксения не двигалась с места. В душе несся вихрь чувств – едких, колких, хлеставших наотмашь. Страх за жизнь друга был последним из них. Виталий, живой и здоровый, лишь слегка осоловевший от пережитого наслаждения и обозлившийся неизвестно с чего, только что унизил ее, оскорбил, оговорил, смешал с грязью. Никакая на свете нечистая сила не способна взбаламутить в душе человека грязь, которой там нет! Вместе с тем Ксения мучительно, но ясно осознавала, что Рогов прав. Она никудышная танцовщица: тридцать пять лет сидения на мягком диване за полтора года никак не наверстаешь. Как женщина она не способна взбудоражить мужчину и увлечь за собой. Заставить его забыть все, что было прежде, оставить старые привычки, сломать стереотипы... Как профессионал она тоже гроша ломаного не стоит, если не справилась с простейшей задачей студенческого уровня: наладить и поддержать контакт. Не вспомнила ни единого приема нейролингвистического программирования, эриксоновского гипноза, просто-напросто не сумела установить раппорт...

Виталию, скорее всего, ничего не делается: полно, точно ли, что танцевал он с Черной Тангерой? Не почудились ли темные завихрения вместо женских локонов на фоне его

широкой груди? Текущие вдоль его живота и ног темные потоки ведь казались в иные моменты ладной фигурой в строгом платье и стройными ногами в черных чулках. Когда делали кальгаду, Виталий стоял боком к Ксении, расставив ноги, присев, сильно отклонившись назад. А от его копчика вниз, до самого пола, столбом опускалась энергия. Не поднималась – именно опускалась. Так выглядит единственное на свете явление: порча на смерть. Ну так некоторые люди ухитряются годами с этим жить. Тяжко, вяло, депрессивно, но живут. А может быть, и это показалось. Если Ксения – хреновый психолог, то уж тем более слабый, плохо обученный эзотерик.

Отвращение к собственной несостоятельности раздирало с такой силой, что Ксения больше не могла оставаться с этим наедине. Она полуосмысленно обвела взглядом помещение. Ничего и никого не заметила, кроме Кости, оказывается смотревшего прямо на нее. Ну вот, она уже тысячу лет торчит одна посреди зала, но и Костя не делает ни единого шага ей навстречу!

Музыка играла вдвое тише, чем прежде, «шепотом». Любители ночной милонги кемарили за столиками, девушки, набросив куртки и шубы поверх открытых платьев, дремали вповалку на кожаных диванах в дальней части цеха. Дверь на улицу то и дело распахивалась, впуская клубы морозного воздуха: курильщики все чаще взбадривали себя сигаретой, остальные – короткой прогулкой по обширному заводскому двору. Те, кто предпочитает на праздничном мероприятии выпить, и те, кто отродясь не садился за руль и не желал переплачивать таксисту, – все оставшиеся после полуночи маялись в ожидании шести часов утра, когда откроется метро. А оставалось до этого события еще часа три. Недельный марафон милонг и шоу утомил даже самых крепких энтузиастов.

Пока Ксения пересекала весь огромный танцзал – по прямой, потому что осталось уже совсем мало танцующих пар, – Костя так и не сдвинулся с места. Но вблизи оказалось, что он тепло улыбается.

– Ну как? Выполнила свою миссию?

– Нет, – отвечала она измученно.

– Вы же танцевали! – удивился Костя.

– С чего ты взял? Мы не танцевали.

– Я видел!..

– А! Те три шага?

– Ты держала руки на его плечах, и вы кружились в такт музыке...

– Увы, Костенька, это не танец. Тангера из меня никакая. И все остальное не вышло.

«И ты оттолкнешь меня так же, как он, если на твоём пути встанет женщина хоть чуть-чуть привлекательнее фонарного столба, потому что я абсолютно несостоятельна!»

Ксения обхватила своего – пока еще своего! – мужчину руками вокруг пояса и ткнулась лицом ему в грудь.

– А по-моему, ты очень красиво танцуешь!

Костя обнял ее и гладил по спине.

– Спасибо, друг. Но... я и все остальное делаю неважно. Ты знаешь об этом лучше других. – В порыве самобичевания она решила быть откровенной. – Ни естественности, ни свободы, ни...

На улице раздался крик. Смолк. Ксения обернулась. Огромная дверь цеха отворилась настежь. Высокая женщина в песцовой шубке – кажется, Лера – держала ее. Незнакомый мужчина – может быть, охранник – еле-еле нес тяжелое.

Знакомая светлая рубашка в продольную полоску, неизменные джинсы, черные танцевальные туфли. Большое тело обвисло в чужих руках абсолютно безжизненно. Видевшие бросились навстречу. Неславшие наскоро сориентировались и помчались вслед. От тихой суматохи начали просыпаться столики, и только кожаные диваны вдали продолжали хранить мирную дрему утомленных партнерш. Из-за побежавшей толпы Ксения перестала видеть Виталия. Но лишь на миг. Оказывается, она уже неслась вперед и спустя несколько мгновений сумела пробиться в эпицентр событий.

Знакомая большая рука с аккуратными, «офисными» ладонями и чувствительными пальцами, которая так часто с нежной уверенностью ложилась ей на талию, была теплой. Как в те моменты, когда занятие в парах только начиналось, а Ксения влетала последняя, как всегда пропустив разминку, и Виталик укоризненно говорил ей: «Что ты опаздываешь? Ну что ты опаздываешь?! Тут ждешь, нервничаешь!» И брал ее в дозволенные танцевальной культурой близкие объятия. В такой момент руки его бывали просто теплыми, а в процессе отработки сложных движений становились горячими. Сейчас внутри большой руки пальцы Ксении не прощупывали пульса, и мускулистое предплечье медленно стыло в ее ладони.

Таня Непорожнева сегодня, как назло, уехала до полуночи. И больше – ни одного врача.

Ксения расстегнула рубашку, прильнула ухом к теплой груди. Тишина. Как дико, как нелепо! Не может быть мертв человек, если у него теплое тело! Если он двигался и говорил пять минут назад...

Кто-то громко диктовал по мобильнику адрес завода. Не единожды диктовал: милиция, скорая, кого там еще положено вызвать?

Ксения поправила падающую, свесившуюся до пола руку. Низко наклонилась. Поцеловала внутреннюю сторону ладони, пальцы. Никто не трогал ее, не мешал. Все равно никто не представлял, что делать. Она прошептала тихо-тихо:

– Виталик, милый, хороший! Потанцуй со мной еще раз. Еще один разочек, ну пожалуйста!

Внезапно одна идея вдохновила ее. Она погладила густой плюшевый ворс коротко стриженных волос на макушке мужчины. Поцеловала его лоб, потом губы. У Виталия были мягкие, щекотные усы, которые никогда не кололись. Он целовал подругу в губы при встрече и на прощание. Так принято, так все целовались, даже женщины. А еще – только Ксению – покидая танцпол: в благодарность за совместное занятие, за танец... Хотелось, чтобы его губы и сейчас потянулись, мягко оцетинились навстречу, но они оставались плотно сжатыми. Ксения коснулась приоткрытым ртом его шеи. Каждую складочку, морщинку здесь она знала наизусть: именно сюда упирался ее взгляд во время занятий, когда размыкались для очередной сложной фигуры объятия... Теперь она поторопилась скользнуть к груди и прижаться губами к тому месту ровно между сосками, где находится проекция сердечной чакры.

Больше половины сделано! Чтобы двигаться дальше, надо расстегнуть рубашку. Она стала торопливо расстегивать...

Сильные руки схватили ее и резко рванули вверх. Она сидела верхом на ногах Виталия. Теперь ее собственные ноги беспомощно повисли в воздухе, зацепились за его тело, неожиданно вновь обрели опору на полу – в трех шагах от распростертого... умирающего?... трупа?

– Пусти, – попросила она неуверенно, – я не закончила.

Знакомый, можно сказать, родной голос ни разу не звучал так жестко:

– Раньше надо было это делать, если ты хотела! Не с трупом!

– Пусти, – потребовала она, – дай мне хоть попробовать.

– Очнись, маньячка!

Костя резко встряхнул ее за плечи.

– Это последний шанс, – пискнула Ксения.

И тут ей стало очевидно, что шансов у бедного Виталия уже полчаса как нет. Жизнь во всем своем могуществе уже не способна вернуться в остывающее тело... А душе, бредущей впотьмах об руку с Черной Тангерой, не помочь поцелуями.

Она долго кричала что-то нечленораздельное, выла, билась, как простая баба на мужниных похоронах.

Наташа, ревавшая в три ручья, попыталась присоединиться к ней – погоревать в обнимку, но Ксения отстранилась. Косте она позволяла держать себя, но только для того, чтобы другие не трогали. Поблизости образовался кружок плакальщиц: Рогова знали и

любили все женщины танго-сообщества. В отдалении мужчины что-то обсуждали на повышенных тонах, едва не на крик. В какой-то момент, когда она сама молчала, набирая в легкие воздух, услышала громко, отчетливо произнесенные мужским голосом слова: «ведьма», «костер». Автоматически подняла заплаканные глаза и увидела недобрые, ищущие взгляды мужчин. Теперь мужчины прекратили кричать и принялись тихо обсуждать что-то, озираясь на женщин. Ксения видела, как взгляды их вцепляются то в одну тангеру, то в другую. Те ничего не замечали. До Ксении очередь пока не дошла.

Она выпрямилась, сунула в распухший карман Костиного пиджака очередной мокрый, мятый комочек бумажного носового платочка. Посмотрела своему мужчине прямо в глаза.

– Что ты имел в виду?.. Что надо... было делать... раньше?

Голос прерывался судорожным дыханием.

В лице Константина не было ни капли сочувствия – только еле сдерживаемая ярость. Теперь он нахмурился еще сильнее.

– Сама знаешь!

Ксении хотелось сдаться: ну, знаю так знаю, потом поговорим, в более спокойной обстановке. Однако не один месяц уже она пеняет на обстоятельства, опасение спугнуть нарождающиеся отношения неудобным вопросом, собственную неготовность услышать ответ.

– Я не знаю, что ты имел в виду и чем ты вообще недоволен.

Коротко, но уже без всхлипываний.

– Потому что ты думаешь головой, – бросил Костя раздраженно, – вместо того чтобы... чувствовать!

– Чувствовать головой? – машинально поддела Ксения.

– Если тебе больше нечем...

Было обидно, однако она стерпела, и собеседник продолжал:

– Ты сводишь мужчину с ума, а сама остаешься холодной и трезвой. У тебя ни разу не снесло крышу! Виталий хотел... Часто во время танца с тобой... Я-то не мог не замечать!.. А ты надумала, когда ему уже не надо и тебе радости никакой...

– То, что я делала сейчас, – это совсем другое...

– Правильно!!! Потому что это – от ума!!!

«Холодная», «трезвая», «от ума». Слова, колкие и обидные, летели в сердце как-то по касательной, беспокоя, но не пробивая насквозь. Чуть больше года назад в ее жизни был мужчина, который называл ее страстной, горячей, изумлялся силе ее темперамента. Григорий растворился в прошлом без остатка. Она уже не в состоянии вспомнить запах его тела, прикосновение рук. Спасибо Косте! Он подарил ей совсем другую жизнь. Но с ним... будто не хватает специй. А ему, оказывается, тоже с ней пресно... Вот танцуя с Виталием, она чувствовала, как бабочки внутри порхают... Он хороший... был, но бабник. Такое уж у хороших, добрых бабников свойство...

– Костя, Виталик не меня хотел. Он любил танец больше, чем любую женщину, – сказала и сама удивилась: какой же тогда бабник?!

Она опять захлебнулась рыданием. Костя истолковал по-своему:

– Я лучше сейчас помолчу! Тебе и так хватает переживаний. Потом.

Уже воскресенье. Ее последняя милонга

*Не скрывая свою любовь,
Тоня с Витей танцуют Рио-Риту,
Веки полуприкрыв,
Этот странный мотив
Позабыть не могу я никак.
И. Богушевская. Рио-Рита*

Танго – и рвется сердце из груди...

Кто включил музыку?! Да так громко! Зачем?!

Танго – ты шепчешь мне: «Не уходи!»
Мы в этом танце
До неприличия близки.
Станцуем танго —
Все остальное – пустяки!⁶

Ксения села на диване, нещадно растирая слезящиеся, чешущиеся глаза. Она еще не в состоянии была их открыть. Недавние рыдания отдались короткими всхлипами, теплыми каплями слез, вновь побежавшими по щекам.

«Господи, что ж я делаю?! – ахнула про себя. – Тушь размажу!» Она разлепила веки. К счастью, в настоящий момент никто на нее не смотрел. В огромном полутемном цеху оставшиеся на ночь немногочисленные любители танго вяло кружились по танцполу, вяло беседовали за столиками, на соседних диванах спали вповалку другие девушки. Ксения зябко стянула на груди полы Костиного пиджака, который он заботливо накиннул, когда она свернулась калачиком на диване подле него. Подлый Костя! Он ведь знал, что Ксения решила торчать здесь до утра не ради сомнительного удовольствия. Она несет дозор, она караулит Черную Тангеру! Зачем Костя позволил ей заснуть? Сердце бешено заколотилось: вдруг все догадки – правда, вдруг *она* – здесь, вдруг уже?!

Танго – и рвется сердце...

Громкая музыка и даже русский текст уже никого не могли взбодрить.

Мы в этом танце
До неприличия близки...

Ксения внимательнее вслушалась в тягучие слова. Объяснение с Костей, только что происшедшее во сне, серия загадочных смертей любителей танго...

Кстати, где?!

Ксения оглядела танцпол. Виталия не обнаружила. Опять позади кто-то густым басом диктует адрес бывшего завода: не выдержал ночного бдения. А вон кучка мужчин в отдалении что-то тревожно обсуждает. Что?! Что лежит на стульях за их спинами?! Над чем склонилась высокая женщина в ярко-алых туфлях?! Она поворачивает голову, взмечтается каскад черных волос. Две крошечных черных дыры уставлены прямо в лицо Ксении. Два провала в иной мир...

Надо немедленно проснуться по-настоящему! Ксения еще раз потерла глаза, изо всех сил напрягла веки – не открываются! Тангера оторвалась от трупа несчастного Виталия и идет... Ксения попыталась пошевелить руками, ногами. Слишком легко! Это движение – не наяву! Тело, тело, да реагируй же! Резкий поворот головой вырвал ее в физическую реальность. Мучительная дрожь прокатилась по всем тканям тела, будто оно, голое, беззащитное, робко вползало после ночной гулянки в свою дубленую дневную кожу. Впрочем, заря нового дня еще и не думала заниматься: за окнами стоял густой мрак.

Ксения обвела распухшими глазами столики с клюющими носом посетителями, диваны

⁶ Горбачева А. Танго.

со спящими девчонками. Только рыжая «активистка» Марина прямо сидела за столиком у края танцпола, прижимая к декольтированной груди пышный веер. Она явно замерзла, но крепилась, все еще надеясь своим открытым нарядом и оптимизмом привлечь кого-нибудь из партнеров. Виталий Рогов бодрился: оживленно беседовал, держа чашку кофе в руке, с Лерой – дамой совершенно неутомимой, и внимательно поглядывал по сторонам: кого бы пригласить?..

А Черная Тангера уже вычислила его, уже парализовала его интуицию и волю, уже идет по танцполу ему навстречу среди вяло кружащихся под громкую песню пар...

Станцуем танго —
Все остальное – пустяки!

Костино недовольство и необоснованная ревность, смерти любителей танго от прикосновения к таинственной незнакомке, огорчение Виталия во время их последнего телефонного разговора и его отстраненность во сне – все начало стремительно вставать на свои места!

«Вот он где, мой утраченный огонь! – догадалась Ксения. – И их!»

Танго уютных московских подвалов и ночных клубов с глухими черными стенами, высокомерных мэтров и завистливых новичков, вечного беспокойства о собственной крутизне, непрерывного ревнивого сравнения себя со всеми другими тангера, даже противоположного пола. Танго поздних уроков и ночных милонг... Благословен город Питер, ежевечерне разводящий мосты: там каждая милонга заканчивается ровно в одиннадцать, по крайней мере в сезон навигации!.. Танго неспящего города, заставляющего себя веселиться ночи напролет, чтобы мутным полуднем скулить от ноющей головной боли и тихо радоваться возможности работать вполсилы.

Танго одиноких людей, позабывших в процессе освоения сложной техники броского танца, что пришли учиться отнюдь не в поисках красоты, но пары, близости, возможно любви. Людей, когда-то стремившихся выйти из круга пустоты и отчаяния, а ныне прикипевших к нему всей душой, переставших замечать, что расширение круга лишь вовлекает в него все больше и больше пустоты.

Танго многочисленных, утомленных долгой совместной жизнью пар, наконец нашедших в сумраке танцпола, чем можно заниматься, оставаясь вместе.

Все эти люди не просто подавляют свои страсти, отвлекаясь на занятия танго, запикивают их поглубже на дно души.

Потихоньку-помаленьку минорный, депрессивный танец сосет из своих старательных подданных и истинных фанатов — *душу*. А именно ту ее часть, что некогда стремились насытить и хоть символически удовлетворить простые аргентинские работники – несчастные переселенцы, в рядах которых отчаянно не хватало женщин. Вместо флирта – танго, вместо ухаживаний – танго, вместо секса – танго. Чтобы произвести впечатление на пресыщенную вниманием женщину – снова танго, но тщетно: она уже беременна от счастливца, который упорно обхаживал ее, вместо того чтобы танцевать в кругу приятелей!..

Страдания несчастных аргентинских мужчин начала XX века вполне понятны эмансипированным московским барышням начала двадцать первого. Как и пресыщенным московским джентльменам, у которых все в жизни уже было, но не принесло радости и покоя. И вот уже мужчины и женщины танцуют друг с другом, касаются друг друга руками и телами часы напролет и желают делать это как можно лучше и техничнее, а возвращаясь в свои одинокие или не очень постели далеко за полночь, с усилием вспоминают, что друг друга можно просто желать...

Виталий стоял как вкопанный и неотрывно, очень внимательно смотрел в ту сторону, где во сне Ксения видела Черную Тангеру. Рука с забытым в ней распахнутым веером безвольно повисла вдоль тела.

Ксения и Виталий в одном зале уже несколько часов – и за все это время не

осуществили своего простого намерения – поговорить и все обсудить! С кем-то танцевал Виталий и не торопился прервать это занятие, с кем-то танцевала Ксения, бдительно поглядывая по сторонам. Потом она потеряла бдительность и уснула. Все – неспроста! Их кто-то водит и морочит.

Надо танцевать с Виталием прямо сейчас – до нее, а не после! Ксения точно знала, что сказать ему языком танца. Лишь бы язык этот ее послушался! Она впрыгнула в туфли, мигом застегнула ремешки и побежала к другу, на ходу выкрикивая его имя.

– Ксения, что случилось?

Виталий смотрел заботливо и весело, но голубые круги под глазами и розоватый оттенок белков выдавали утомление.

Ксения порывисто обняла руками его шею, тесно прижалась грудью, приоткрыла губы как для поцелуя.

– Хочу с тобой танцевать!

Она знала, что теплое дыхание, вместе со словами срываясь с губ, касается его рта.

– Ты уверена? – шутливо осведомился Виталий.

В свою очередь, она вдохнула теплый воздух, покинувший его легкие.

– Да.

Он, колеблясь, оглянулся на угол, где в сновидении Ксении лежал его холодный труп.

– Так срочно?

Ксения смотрела в его ожившие от удивления глаза, и не было для нее сейчас мужчины нужнее и желаннее. Очень естественным, неуловимым движением кольцо ее рук сжалось еще теснее. Ксения загадочно и нежно улыбнулась, молча кивнула.

– Ты уезжаешь? – уточнил Виталий, легко приобнимая ее за плечи.

– Виталик, – громко прошептала Ксения; ее улыбка стала широкой и хулиганской, абсолютно безрассудной, – мелодия уже звучит!

* * *

Плечо упиралось в нечто, с каждой секундой становившееся все более и более жестким. Голова неприятно – слишком низко – свесилась, шея болела. Он пошевелился, стараясь устроиться поудобнее. Хрупкий сон раскололся тягучими звуками очередного аргентинского тенора и того заунывного инструмента, внешне похожего на веселую русскую гармошку, который они все с необычайной серьезностью именовали «бандонеон». Костя открыл глаза. Ксении рядом не было. Он с удовольствием выпрямился, потянулся, откинулся на спинку дивана. Размял ноющую руку. А ведь упиралась она в круглый, казалось бы, мягкий кожаный поручень.

Сон хоть и разбился, но осколки его отлетели недалеко и теперь потихоньку сползались обратно, стремились вновь сомкнуть обруч вокруг головы, срастись, заставить веки слипнуться, а мозг – перемешивать, комкать мысли и образы, превращая их в причудливые, бесполезные, навязчивые фантазии.

Костя решительно подался вперед, упершись ладонями в округлые кожаные края сиденья и собираясь встать. Только один человек бодрствовал поблизости: яркая дама средних лет с длинными огненно-рыжими кудрями. Она сидела за столиком у края танц-пола в белой меховой шубке, накинутой на плечи и стиснутой над глубоким декольте, тоскливо позевывая, смотрела на танцующих. Заметив, что Костя пробудился и смотрит по сторонам, дама выпрямила слабеющую спину. «Не в курсе, что я танцевать не умею», – подумал Костя с состраданием.

Надо искать Ксюшку и тащить ее домой! Половина четвертого утра. Петухи, можно считать, уже пропели, никакая нечисть больше не посмеет появиться. Если Тангера не сплясала свой убийственный танец до сих пор, то уже и не спляшет. А если сплясала, стало быть, Ксения не заметила, значит, ей и не положено.

Хватит! Довольно измываться над организмом, над собственной природой! Никакой

личной жизни из-за этих танцев: все – либо далеко за полночь, либо под утро. И это – на фоне беспросветной дневной занятости! Чтобы увидеть Ксению, нужно встраиваться между бесконечными уроками и милонгами. Славно было на отдыхе: целую неделю вместе!.. Экскурсии, серфинг, обязательные прогулки по пляжу за ракушками и для моциона, ранние вставания, чтобы успеть вволю накупаться до жары. Равномерно обгоревшая кожа, к которой больно прикоснуться... Неделя вдвоем – но тоже не друг для друга!

Белое платье в серебристых водорослях, облегающее идеальную фигуру, будто змеиная кожа! Белое бедро поднимается из высокого разреза. Узкая щиколотка ласкает колено мужчины, его бедро... Обнаженные руки обхватили его шею, и каштановые локоны цепляются за щетку усов, как за репейник...

– Ч-ч-ч-черт! – прошипел Костя. – Черт! Черт!

Значит, не сон ему привиделся только что. Правда: Ксюха самозабвенно танцует с Роговым и так откровенна, что Косте остается лишь по-английски ускользнуть из ее жизни, ни секунды не медля. Прочь от беды и позора!

Однако он конечно же медлил. Ведь у них в танго вообще так принято. И Ксюха, наконец, раскрепостилась – это же хорошо! Откуда только взялась пластика пантеры, или стриптизерши? Но уж точно не аргентинки из танго-шоу! Новое платье идет ей несказанно! Надо дожидаться окончания пытки – и все станет хорошо, как никогда. Может, подруга просто-напросто хорошенько напилась шампанского, пока Костя спал?..

* * *

Виталий, тяжело дыша, остановился с последним тактом мелодии, вновь закинув ногу Ксении на свою – в ганчо. Громко прошептал:

– Поехали! Бог с ним!

Ксения задрожала.

– Бог с ним, с танго! – повторил Виталий, со второй попытки договорив фразу до конца.

Ксении полегчало: «Бог с ним, с танго!» – это гораздо лучше, чем то, что ей померещилось. Но: «Поехали?»

– Бог с ним, с танго! – отозвалась она радостно.

– Четыре часа утра! Что мы здесь делаем?! – весело воскликнул Виталий. – Что... мы... здесь... делаем?! – повторил он отдельно и рассмеялся.

В его глазах плясали золотистые искорки. Ксения засмеялась в ответ, залилась смехом, не могла остановиться.

– Что ты угораешь? – делано удивился Виталий, утирая веселые слезы, выступившие в уголках глаз.

– Я... а... ты? – Членораздельной реплики у Ксении не получилось. Она в изнеможении повалилась Рогову на плечо, сотрясаясь всем телом. Вместо смеха из горла вылетали только тихие повизгивания.

Виталий нежно обнял ее, повторил тихонько:

– Ну, что ты угораешь? – В голосе слышалась теплая усмешка.

Веселость Ксении как рукой сняло. Костин любимый приемчик – спросить: «Что ты смеешься?» – и повторить вопрос, когда собеседница уже падает от хохота. Виталий спасен – это ясно. Казалось, счастью не будет предела! Но что дальше? Как быть?! С ним, с оставшимися тангеро, со злым духом святочной милонги, с самой собой... С Костей...

Рубашка мужчины, который с десяти вечера на танцполе, пахнет уже не одним только одеколоном. Но Ксения вдыхала смешанный аромат с удовольствием. Горячее плечо под ее щекой, горячие ладони на ее лопатках, горячая грудь под ее пальцами, в которых отдается гулкое, частое биение сердца. Все было так надежно, так прочно, так распахнуто навстречу. И она была открыта мужчине, и льнула к нему, как дикий мох к утесу... Это из песни... Не из танго...

Если сейчас покинуть Виталия, вдруг Черная Тангера вновь утянет его к себе – такого открытого? Возьмет тепленького. А вдруг она уже выбрала новую жертву?! Вот лекарство от всех сомнений: правда!

– Виталик, ты понял, что произошло?

– А что произошло? – Он ободряюще улыбнулся. Никогда Ксения не предполагала, что грубоватый Рогов может так мягко улыбаться.

– Ты знаешь, что тебе угрожало? Ты заметил?

У Виталия мгновенно побледнело и окаменело лицо. Он помолчал минуту.

– Я понял. Да. Я видел женщину, с которой потанцевать – и... больше жизнь уже ни для чего не нужна. Но тут объявилась ты. Ты чем-то на нее похожа. Не в обиду!.. – Он снова надолго замолчал. – Ксенька, ты спасла мне жизнь!

Звонкое, давно забытое, ласкающее слух: «Ксенька». Виталик, что ж ты творишь?! Ну откуда ты так хорошо знаешь, за какие струнки подергать?! Интуицию не обмануть: был ты до танго искусным бабником и станешь им вновь, если вырвешься из этого подпольного мирка сублимированной чувственности. Жаль: ты хороший человек, хороший друг. Такой серьезный, положительный, добрый.

Во всем, кроме... С женщинами растрчивал себя и будешь растрчивать впредь.

– Кроме нас двоих тут никто ничего не понимает. Надо смотреть: вдруг эта... дамочка уже имеет кого-то еще?!

Или все-таки не будешь? Ты такой хороший!

– Ты прав. Но я не знаю как.

Они стояли в обнимку, напряженно и безрезультатно оглядывая полупустой танцпол.

– Ты же заметила ее, когда она подбиралась ко мне. Ты же обладаешь какими-то способностями!

– Обладаю. Но в данном случае я заметила ее случайно, спросонья. Повезло!

– Когда умер аргентинский дедушка, ты тоже ее видела! Настройся и посмотри!

– И ты ее видел с дедушкой!

– Я не видел, я почувствовал.

– Ну, так настройся и почувствуй!

– Хорошо. Давай вместе. Ты смотришь – я чувствую.

– Давай.

В продолжение целой мелодии они сосредоточенно молчали.

– Я думал, Травкин давно ушел, – заметил Виталий. – С кем это он там?

– С Ириной, как обычно.

– Он никогда так долго не задерживается. Проверь, это действительно Ирина?

– Ты ведь обсуждал с ним серию загадочных смертей. Не единожды. Он не может оставаться в стороне – как бывший профессионал. Для него дело чести – найти разгадку! Он сегодня проявил чудеса общительности: трепался со всеми подряд. Ищет! Относительно Ирины у тебя сомнения?

– Вообще-то не похоже...

– Не похоже! А другие? Я никого подозрительного не вижу.

– А я не чувствую. – Виталий вздохнул, потом, хмыкнув, указал ладонью в сторону от танцпола: – Костя скоро научится танцевать!

Скепсиса в его реплике прозвучало куда больше, чем добрых чувств.

С огромным удивлением Ксения проследила за его рукой. Неподалеку от выхода, рядом с вешалками высокий, ладный Костя, нелепо присогнувшись, прижимал к себе маленькую хрупкую девушку с пышными локонами и деревянно, но довольно ритмично переставлял длинные ноги. Он не смотрел по сторонам и был, по-видимому, всецело поглощен процессом обучения. Девушка в символическом платье с лентами через голую спину до самого крестца и подолом, заканчивавшимся сразу, как только начинались бедра, непрерывно делала сложнейшие «украшения» тонкими, нереально стройными ножками: притопывала каблучком, подбрасывала одну – согнутую – за коленку другой, носочком

туфли чертила по паркету широкие и мелкие вензеля. Поразительно, что Костя при этом ухитрялся не запутаться и довольно четко выполнять свои простые шаги. Вперед, в сторону, назад, в сторону. Ого! Он уже умеет вести в крест и ходить по квадрату!

– Это аргентинка, которая выступала в шоу. Как ее?

– Похожа, но не она. У аргентинки волосы пожиже. И... Виталий, они там же... где тебя!..

– Что?

Ксения уже рванулась вперед. Отчаянно оглянулась на друга. Долго объяснять, что во сне именно на том месте, где сейчас Костя танцует свое первое танго с незнакомкой, лежало тело мертвого Виталия и злобный дух по имени Черная Тангера стоял над ним, обводя черными глазами-провалами рассеявшихся по огромному пространству бывшего цеха людей. И еще: сквозь нее чуточку проглядывает Костина рубашка и ремень его брюк. И еще: они с первого раза танцуют в близком объятии, а Костя шагает уверенно и ни разу не наступил ей на ногу – нереально! И еще: Лера с Наташей сидят поблизости за столиком, пьют кофе, перешептываются и хихикают, посматривая в сторону Кости. Для них – он упражняется сам с собой!

Не до объяснений! Виталий поймет!

Она на ходу соображала, что делать. Дождаться, спрятавшись за высокой стойкой бара, когда танец окончится, а потом реанимировать Костю? А вдруг он рухнет замертво в ее объятиях?! Отпихнуть тварь и занять ее место перед любимым мужчиной? Считается, что inferнальные персонажи обладают нечеловеческой силой. Но хоть выйдет заминка, собьется настрой. Или она убьет Ксению. Страшно!

Ксения вновь обернулась. Но Виталий, вопреки ожиданиям, не догонял ее. Он вел оживленную беседу с Травкиным.

Что же делать?!

Трясаясь от ужаса, Ксения вновь медленно двинулась вперед. Еще пять минут назад она была уверена, что кошмар этой ночи закончился!

Смолкла очередная песня, отличавшаяся особой вычурностью оранжировки. Бодренькая мелодия рок-н-ролла возвестила короткий перерыв между тандами. Ксении оставалось преодолеть три шага. Она решила, что просто обнимет Костю сзади, позовет по имени, заговорит с ним. Он же еще не потерял способность слышать и чувствовать! Он отвлечется хоть на секунду...

Женщина, похожая на аргентинку, разжала объятие и скользнула прочь. Костя потерял равновесие, пошатнулся и с трудом устоял на ногах.

Он смотрел на подругу равнодушно и даже с легким отвращением – как на досадную помеху, как на надоедливую муху, которая нарушает его благородное одиночество. Ксения стояла перед ним и была не в силах взять его за руки – не то что обнять, не в состоянии придумать, что сказать. Растерянная, униженная, как недавно перед Виталием... Во сне. С Виталием так было во сне... Наяву с Виталием было по-другому. Но Костя ближе и роднее Рогова!

– Ну? – произнес Костя. – Зачем ты пришла? До конца милонги два часа. Танцуй!

Равнодушие в тусклом голосе. Да оно же деланое!!!

– Радость моя, я пришла, чтобы танцевать *с тобой!*

Шаг навстречу друг другу остался единственным шагом этого танца. Встретились руки, тела, губы. Обоим стало безразлично, что они на виду. И все же оба вспомнили, что за дверями старого цеха есть автомобиль, под его шинами – дорога, а в конце дороги – дом.

Топот, возня, грохот падающего стула, победный вскрик.

Константин и Ксения с усилием оторвались друг от друга, оглянулись на близкий шум.

Рогов стоял на коленях, прижимая руками к полу нечто твердое, алого цвета. Из-под его ладони торчала в сторону узкая длинная шпилька каблука. Сергей Травкин в нелепой позе склонился над ним, будто обхватил нечто невидимое.

Как раз в тот момент, когда Ксения обернулась, Травкин недоверчиво обшарил

растопыренными пальцами воздух перед собой и медленно выпрямился. А Виталий ткнулся всем корпусом вперед: левая рука его будто провалилась. Он резко откинулся и осторожно приподнял ладони. Быстро повернул, удивленно осмотрел, отвел в стороны. На полу у его колен алая кожа туфель стремительно подергивалась серым. Очертания туфель несколько размазались, потеряли четкость. Потом Ксения ясно увидела, как осыпается узкий каблук, – точно так осыпается пепел тлеющей между нежных женских пальцев сигареты.

Ксения взглянула на Костю. Тот наблюдал процесс с живейшим интересом, как если бы присутствовал при выступлении фокусника и надеялся разгадать сущность его трюка.

Туфли уже превратились в бесформенную серую массу, которая продолжала шевелиться, осыпалась, оседала. Рогов, по-прежнему на коленях, тщательно отряхивал руки. Травкин пристально смотрел на издыхающую кучку праха с выражением не то предельной безразличности, не то боли. Верная Ирина подошла к нему, встала плечом к плечу, что-то сказала. Травкин отрицательно покачал головой.

Костя, держа Ксению за руку, повел ее ближе к эпицентру событий, куда потихоньку стали подтягиваться все участники милонги. Виталий обернулся на них и, наконец, поднялся на ноги. Ощерился, топорща усы:

– Ксень, что скажешь как специалист: мы ее совсем прогнали?

Ксения внимательно посмотрела под ноги, где легкий сквознячок уносил с паркета последние серые пылинки. Открыть рот не получилось, она молча кивнула. Потом все-таки заставила себя произнести:

– Вы молодцы. – Вышло хрипло и неубедительно. – Защитники!

Травкин резко отступил назад. Ксения подняла взгляд. Сергей, держась за сердце, опустился на ближайший стул. Ирина, сразу оказавшаяся рядом, задала вопрос, он снова отрицательно качнул головой, и она бросилась просить у народа «валидол или что-нибудь».

Ксения присела на корточки рядом с Сергеем, взяла его запястье – подлечить потихоньку под видом, что щупает пульс. Травкин на дух не переносит мистику с эзотерикой и до кучи с ними – целительство. Хотя после всего увиденного его представления о мире должны были стать более гибкими... Какое там! Сергей, сам того не осознавая, отчаянно сопротивлялся непрошеному вмешательству, хотя, судя по выражению лица, было ему лихо. Ксения не могла и не имела права ничего не сделать.

К счастью, Ирина вернулась с трофеем. Нитроглицерин быстро подействовал. Травкин крайне сухо – от смущения за собственную слабость – поблагодарил всех, кто беспокоился о его здоровье, и в сопровождении Ирины удалился на улицу – «подышать».

Рогов тем временем, не дожидаясь, когда вопросы хлынут лавиной, весело воскликнул в ответ на первое же «что у вас тут произошло?»:

– Мы с Серегой неудачно поиграли в догонялки!

Никогда прежде он не называл Травкина так панибратски. Но кто об этом знал, кто мог заметить фальшь? Ксения, посвященная в тайны трудовой биографии скромного художника, ну, может, еще наблюдательная Наташа.

– Что за догонялки?!

– Взбодриться как-то надо в пятом часу ночи? Неужели в детстве никто в догонялки не играл?!

Виталий быстро оглядел собравшихся. Внезапно подмигнул Косте и прыгнул в его сторону:

– Берегись!

Ксения с изумлением увидела, как Костя в мгновение ока сорвался с места и понесся прочь. Рогов с топотом рванул за ним. Костя убегал виртуозно – и впрямь как в детстве: лавировал между людьми, которые со смехом расступались, менял направление так стремительно, что его заносило на поворотах. Габаритный Виталий не отставал.

– Это *салки* называется, а не *догонялки*! – крикнул кто-то с веселым возмущением.

Вдруг Наташа захлопала в ладоши, привлекая к себе внимание, звонко крикнула:

– Виталик, я тоже в игре! Догоняй! – и понеслась в противоположном от Кости

направлении, зацокав шпильками.

Рогов мгновенно развернулся.

Лера тоже хлопнула в ладоши:

– И меня!

– Расступись, народ! – басом заревел приземистый мужчина в ботинках клоунского вида: белых с круглым черным носом.

Кто-то отступил, большинство захлопали и закричали, что и они играют.

Костя позволил себе передышку, решив, что его больше не преследуют, и тут же был осален хитрым Виталием, внезапно отшагнувшим назад.

– Тебе водить! – крикнула Наташа.

Игроки замерли, ориентируясь в ситуации, Костя растерянно остановился. Сделал шаг вперед – все кинулись врассыпную, Костя помчался кого-нибудь догонять.

Ксения, уже освобожденная от заботы о Сергее, присела на его стул, уперлась локтями в колени, положила подбородок на скрещенные пальцы. На губах бродила улыбка. Победа! Чувство освобождения и радость, умиротворенность и торжество. Гордость за близких людей, которые дважды совершили почти невыполнимое: справились с непонятным inferнальным чудовищем и отвлекли от странного события внимание толпы. Ведь не одна Ксения, подбежав, успела заметить, как под ладонями Виталия рассыпаются в прах алые туфли. Теперь об этом не скоро вспомнят! Со счастливым изумлением Ксения осознала, что и она сумела выполнить взятую на себя миссию. Но главное: угрозы больше нет! Нет!! Нет!!!

Веселые крики смолкали. Тяжело дыша, женщины со снятыми для удобства туфлями в руках и потные мужчины с выбившимися из брюк нарядными рубашками по одному выходили из резвящейся толпы, останавливались на периферии. Кучка игроков таяла.

– Господа, чокорера! – громко объявил Измайлов, который сегодня лично выступал всю ночь в роли диджея.

Уже снятые туфли были совсем отброшены. Смена развлечения пришлась по душе.

Быстро выросли друг напротив друга посреди танцпола две длинные шеренги. Зазвучала музыка, стали легким шагом сходиться пары.

– Что произошло?

Ни Рогов, старавшийся восстановить дыхание после беготни, ни Костя, восхищенно наблюдавший за первыми движениями народного аргентинского танца, ни Ксения, которая по-прежнему сидела от них поодаль в блаженном изнеможении, не заметили, как Валентин покинул столик диджея и подошел к месту последней схватки с Черной Тангерой.

Ксения вздрогнула от его строгого голоса, прозвучавшего резко. Оба мужчины обернулись и оказались рядом, плечом к плечу. Они молчали: сочинять не осталось сил, да и стоило ли?

– Виталий, я видел, как ты и... господин Травкин гнались за пустотой, – пояснил Измайлов менее скрипуче, – и потом – эти мерзкие красные туфли. Вы... – Он посмотрел на Костю, имени которого не знал, – находились рядом. Скажите, Виталий и... вы, что это было и чем грозит в дальнейшем?

Если бы Ксения не наблюдала Валентина целый год, не сумела бы догадаться, что он из всех сил старается быть дружелюбным, просто очень нервничает.

– Гнались, – согласился Рогов, – и догнали. Туфли пошли прахом. То есть рассыпались в прах. Дамочке не удалось сегодня никого сожрать. Вот она и обессилела. Думаю, она больше не вернется. А, Константин? Как это говорится? Развеялась?

Костя понимающе усмехнулся, устало добавил:

– Развоплотилась. На глазах... Народ надо было как-то отвлечь, вот и играли.

Константин и Виталий по-прежнему стояли сомкнутым строем. Оба – статные, ладные, подтянутые, сероглазые. Почти одинакового роста. Только один покрупнее, другой – похудошавее, один гладко выбрит, другой – усатый. Один помоложе, другой – постарше. У обоих на лицах – смешанное выражение утомления, радости и гордости. Оба одновременно покосились на сидящую поодаль женщину: оценила ли?

«Интересно, – подумала Ксения, – понимает ли Виталий, что Костя не только помог отвлечь внимание толпы? Что он намеренно принял удар на себя. Ну, может, и не совсем намеренно: и досада им двигала, и ревность. И все же он догадался, с кем имеет дело, и сумел удержать ее, пока не подоспела помощь!»

– Да, – согласился Измайлов еще мягче прежнего, – я с этой же целью поставил чо-кореру. Сейчас пойдет сиртаки.

– То, что надо!

– Я вам очень благодарен! Хотя я надеюсь никогда толком не узнать, за что именно! Передайте также мою благодарность господину Травкину.

На сей раз мужчины покосились на Ксению растерянно: сказать о ее роли в освобождении от злого духа – означает выдать тайну. Стоит ли, обрадуется ли она? Ксения едва заметно отрицательно качнула головой.

Измайлов крепко пожал руку сначала Виталию, потом – Косте и, не склоняя гордой головы, с достоинством направился обратно, к своему диджейскому пульту.

Ксения нехотя поднялась, подошла к мужчинам, поцеловала обоих в губы.

– Герои! Горжусь! Как там третий богатырь? Вы бы проверили!

С Сергеем все было в порядке – она чувствовала, но этих двоих требовалось усладить. Куда-нибудь, чтобы хоть на пять минут остаться наедине с собой и ответить себе на единственный вопрос. Однако пяти минут не хватило. Когда все трое вернулись, Ксения старательно делала вид, что после пережитых волнений спит глубоким сном на диване, и будить ее грех.

Троица – плюс Ирина, плюс примкнувшая к ним Наташа – потопталась около дивана и отправилась в бар. Им бы сейчас надраться в домашней обстановке! А так – каждый за рулем. Травкина держит любопытство: он отошел от первого шока и жаждет информации. Костя вынужден ждать свою даму. А что держит зевающего через каждое слово, измотанного больше других Рогова?

* * *

– Наташка, ты, выходит, тут главная закоперщица?! Застрельщица наших побед?! – весело воскликнул Рогов, уставившись на нее хитрющими глазами.

– Только благодаря Сергею! – твердо заявила Наташа. – Если бы он меня так гениально не расспросил, сама бы и не сообразила.

Травкин скупно улыбнулся, но было ясно, что похвала ему приятна.

– Это не гениально, – сказал он тихо, своим, как обычно, строгим голосом, – это просто грамотно. Я ведь ничего не придумывал от себя, не подсказывал тебе, верно?

– Не подсказывал. Однако же до разговора с тобой я бы не сообразила, что общего было в поведении троих погибших перед смертью.

– Только троих? А остальные? – удивилась Ирина, которой Сергей, оказывается, ничего не рассказал.

– Я видела танец Романа с... этой... С ней. Танец Толи Юшко и Карлоса. Анатолия и Карлоса видели все, но там все выглядело слишком уж по-разному. А на Рому, беднягу, обратила внимание только я. Сергей так удачно меня расспросил, что я поняла одну простую вещь: у всех троих в последний вечер резко поменялось поведение. Эта отрешенность, взгляд в пустоту, неспособность сосредоточиться на том, что происходит вокруг. Но... – Наташа беспомощно приостановилась. – Сергей, я не помню, как мы вышли на туфли!

– Очень просто. Ты – внимательная девушка, у тебя глаз наметан на восприятие танца. Только ты могла подметить, что у человека полностью поменялась манера ведения, что у него внезапно повысилось мастерство – скачком.

– Да! Даже старый Карлос, до которого нам семь верст лесом, затанцевал еще круче. Он просто делал невозможное! Он с баланса сходил – и держался – в нуэво, которого он прежде не танцевал!..

– Ну вот. Я, естественно, попросил описать внешность партнерши.
– Две совсем разные женщины. Но у обеих – алые туфли.
– Сергей, как ты мог из двух одинаковых пар туфель сделать далеко идущие выводы? – возмутился Виталий.

– Я же не только Наташу расспрашивал. Жаль, например, что муж недавно увез Леру. Хотя я понимаю, ей досталось – не дай бог никому! Она порассказала мне много интересного, но мало что можно озвучить без ее согласия. Однако именно благодаря Наташе у меня появилась версия, что нужно искать. Алые туфли были на всех *видимых* партнершах, а Виталий даже утверждал, что разглядел их и на невидимой. Но это не в счет! Только Ксения меня огорчила.

– Чем? – ревниво вскинулся Костя, и Наташа с завистью вздохнула.

– Партнерша Коренева, по ее словам, танцевала босиком. Зато выглядела как Оксана, красные туфли которой только что сгорели в новеньком камине.

– И что ты из всего этого понял? – удивилась Ирина.

Наташа, тоже до крайности удивленная, с нетерпением ждала ответа, а Травкин картинно медлил.

– Ничего ровным счетом, – произнес он наконец без тени улыбки и вдобавок проворчал: – И не хочу понимать. Я просто теперь знал, что надо выявить всех женщин в алых туфлях, среди них – хорошо танцующих, и действовать по обстановке.

– Сергей, вы выражаетесь на таком профессиональном жаргоне – как в детективе!

У Наташи мелькнула мысль, что Травкин, помимо танго, слишком сильно увлекается кино и романами про сыщиков.

Виталий нетерпеливо заерзал на месте, рассобиравшись в очередной раз зевнуть.

– Сережа, она, – Рогов кивнул в сторону Наташи, – уже вроде как не чужая! Можно ей сказать?

– Да, – нехотя процедил Травкин.

– Он у нас генерал-майор МВД! – похвалился Рогов, будто собственным званием. – В запасе, разумеется.

– Ой! – только и выдавила Наташа.

– Женщин в красных туфлях оказалось пруд пруди? – поинтересовалась Ирина, которую откровения по поводу рода занятий возлюбленного, ясное дело, не трогали.

– Напротив, ни одной. Повезло. Иначе я не поверил бы, когда Виталий подскочил и объявил, что надо срочно выручать Константина.

– Мне ты ничего не сказал про алые туфли! Только в последний момент! – возмущенно констатировал Рогов.

– Я не успел...

– За всю ночь?

– Ты танцевал с Ксенией, когда я окончательно все выяснил.

– Я одного не понимаю, – подал голос молчаливый Константин. – Как вы догадались, что надо охотиться за туфлями, что их надо с нее снять?

– Это не ко мне вопрос, к Виталию, – сухо констатировал Травкин. – Я охотился за женщиной. За что и поплатился. Рогов, объясни им как-нибудь историю с туфлями. Я пока прогуляюсь.

И Сергей неторопливо зашагал в сторону туалетных комнат.

– Не любит сверхъестественного, – ошетинился усами, расплываясь в улыбке, Рогов. – Мне просто пришло наитие! Травкин кричит: «Алые туфли!» Я говорю: «Она?» Он – мне: «Не знаю: женщины разные, но всегда в алых туфлях». Я прикинул: Оксанины туфли-то сгорели. *Эта* – призрак... или что там? Дух? Демон? Может выглядеть как ей надо. Я думаю теперь: она для каждого мужика была такая, как ему нравится.

– И для Анны, – добавила Наташа из необъяснимого педантизма.

– Да уж... Так вот... – сбился с мысли Виталий. – Так вот! Оксанины туфли были как ключ, как чертежик, по которому можно выстроить что-то похожее на материальный объект.

Больше мне рассуждать было некогда. – Он развел руками. – Я рванул к этим туфлям, пока она не ушла!

– Вдруг она так и ушла без туфель, теперь бродит вокруг цеха и ищет путей назад? – Ирина говорила крайне серьезно, хоть и выглядела спокойной.

– На этот вопрос тебе бы лучше Ксения ответила, но она изображает спящую красавицу. Не чувствую я так, чтобы *та* вернулась. Понимаешь? Не чувствую!

– Вряд ли у той твари есть возможность вернуться, – подал голос Константин. – Таким действительно нужен ключ, чтобы хоть частично проявиться в материальном мире. Ключ потерян – до свидания! А ключ на самом деле потерян: туфельки теперь рассыпались в прах окончательно!

– Константин, вы эзотерик? – спросила Наташа, еще не полностью оправившаяся после генерал-майора милиции.

– Нет, но в элементарных-то вещах разбираюсь!

Константин уж слишком явно бросил взгляд, полный превосходства, на Рогова.

Виталий вскинул брови, но смолчал.

Наташу покорило: она обиделась за любимого старшего товарища. Тот спас Константина, а этот неблагодарный человек сводит пустые счета!

– У него Ксенька под боком – кладезь премудрости, – беззлобно сообщил Рогов. – Ты, Наташ, держись к ней поближе, она тебя много чему научит, полезному для жизни!

– У меня есть еще одна хорошая советчица, – неожиданно мирно пояснил Костя. – Ксюша давала тебе, Наташ, ее телефон.

– Любовь Сергеевна? Ясновидящая и волшебница? Я пыталась позвонить, а у нее телефон не отвечает. Наверное, еще не вернулась с отдыха.

– Да? – удивился Костя. – А я с ней разговаривал! То есть... – Он почему-то смущенно опустил глаза и покраснел. – Ну да, не наяву. С ней можно и мысленно, если очень нужно.

И он замолчал, явно не настроенный продолжать.

Неожиданно у столика оказался Травкин с большим подносом, полным чашек.

– Я решил, что нам всем пригодится еще кофе!

Принялись расставлять угощение. Оказалось пять чашек.

– Тебе не многовато будет две? – встревожилась Ирина.

– Я не себе – Ксении.

– Надо отнести и помахать чашкой у нее перед носом, чтобы скорей проснулась и присоединилась к нам! – заявил Рогов.

– Она сегодня сделала самое важное дело. Пусть спит, – мягко улыбнулся Травкин.

И Наташа сильно усомнилась в его эзотерической девственности.

– Послушайте! – воскликнула она под влиянием новой идеи. – А что, если сама Оксана своим каким-нибудь там астральным телом принимала облик других женщин и... вот это все творила? От обиды, чтобы отомстить Измайлову?

– Оксана танцевала на уроке, когда Тангера высасывала жизнь из бедняги Николая, – возразил Виталий. – Я все время ее видел, она не исчезала. А тебя она ударила каблуком на милонге – сразу после танца именинника, когда Юшко только вошел во вкус танца с Тангерой. Я правильно понял твой рассказ?

– Да.

– Она каким-то образом впустила в наш мир эту тварь. Вот с чем я бы согласился!

– Я знаю каким! Она, наверное, хотела задобрить дух огня.

Наташу поразило, как раньше не вспомнила. И она подробно рассказала о шаманском обряде жертвы огню, совершенном Оксаной в староновогоднюю ночь.

Рассказ произвел впечатление. Его не обсуждали. Многозначительно покачали головами, и воцарилось задумчивое молчание.

– Итак, *она* родилась в огне камина в подвале «Витанго», – неожиданно подала голос молчаливая Ирина. – Каким образом *она* перемещалась с одной милонги на другую? Москва не маленькая. В ней блуждают люди, блуждают, говорят, и духи. Сколько

рассказывают о сущностях, навсегда заплутавших в метро!

Травкин не поднял глаз, лицо стало непроницаемым. А Наташа подумала, что Ирина умеет задавать вопросы, достойные своего возлюбленного.

– А просто подсаживалась и ехала, – протянул Рогов и стал ждать, когда присутствующие попросят разъяснений.

Пришлось доставить ему такое удовольствие, и Виталий продолжал:

– Я уверен, чувствую, что со вчерашнего вечера она ехала на мне. Но показаться во всей красе могла только под музыку танго, под которую вышла на свет.

– Как ты почувствовал, что она под села на тебя? – не унималась Ирина.

Виталий задумался и ответил уже неохотно:

– Мне попадались странные дорожные знаки. Таких не бывает. Я бы назвал: «знаки сопровождения». И вообще был в депрессии... Пакостно вспоминать. Забыть хочется.

– Прости, я больше не стану тебя теребить, – поспешила успокоить Ирина. – По крайней мере, пока мы все не успокоимся.

«Она, оказывается, с характером: упрямая!» – отметила про себя Наташа.

– Кофе остыл, – тихонько заметил Рогов, потрогав чашку Ксении.

И Наташе показалось, что все, так же как она, с завистью посмотрели на глубоко спящую.

* * *

До окончания милонги полтора часа, в чашках дымится крепкий кофе, течет бурный и переменчивый поток беседы. До окончания праздника надо успеть ответить на единственный вопрос: с кем ехать домой?

Домой – это именно домой! В свою квартиру, где мирно спят мама и папа, в родную ванную, в собственную уютную одинокую постель. Чтобы как следует выспаться, понежиться, прийти в себя. Но точки над «і» расставляются этой ночью. Кто повезет ее до дому, тот и останется в ее жизни... до конца дней? на ближайшие полгода? на следующие сутки? Виталий? Костя? Конечно, Костя! Или Виталий?

Долгожданное решение ниоткуда не приходило, не вытекало ни из каких соображений, и тело отказывалось делать выбор. А сердце, голос которого Ксения старалась расслышать сквозь мелодию «Кумпарситы», шептало давно знакомые, давно любимые, но казавшиеся прежде малопонятными стихи:

Так будет любовь недостойным и сирым,
А ежели сеять сквозь крупное сито,
То сколько замерзнет в пустынной ночи?
Ее раздарю, только, разум, молчи!
Не спрашивай меры и права, поскольку
Любовь не сверяется с картой морскою
И с планом, и верной тропой не идет,
И, может, умрет,
Когда солнце взойдет⁷.

«Кумпарсита» растворилась далеко вверху, под высоким потолком бывшего заводского цеха, а стихи остались на губах. Ксения заканчивала шептать:

И, может, умрет,
Когда солнце взойдет.

⁷ А. Бабанская (Е. Окорокова).

И принималась твердить сначала:

Так будет любовь...

Эпилог

– Слушаю тебя, Оксана!

Виталий сразу заглушил радио и продолжал одной рукой аккуратно направлять автомобиль по узкому проселочному шоссе.

– Я ни о чем не знала, – заявила Оксана решительно. – Я никому не желала зла настолько сильно! Поверь мне!

– Я-то здесь при чем?

Виталий для убедительности даже вздернул бровь, хотя девушка не могла его видеть.

– Мне среди ночи позвонил Валентин и злобно сказал, что ты уничтожил демона, которого я напустила ради мести на его фестиваль. Он рассказал о смертях. Я не знала!

Виталий пожал плечами.

– Я же тебе рассказал про Лео. Ты сказала, что не можешь его простить даже посмертно.

– Да, – смутилась собеседница. Помолчав, она продолжала: – В среду я пришла на урок и узнала про Рому. Я рыдала следующие три дня, понимаешь?!

– Я понял, что ты никому не желала ничего плохого, – ответил Виталий, не без тайного злорадства подпустив немного иронии.

– Я правда не колдовала! – взвилась Оксана.

– Я понял, – повторил Виталий еще спокойнее и двусмысленнее.

– Валентин напугал меня. Он сказал, что я, уходя, прокляла его и всех. – Голос Оксаны вдруг стал тихим и грустным. – Но я ничего такого не говорила. Я не произносила проклятий. Зачем бы я тогда пришла в среду? Знаешь, что такое приходить в проклятое место?!

– Ты сказала ему, – напомнил наблюдательный Виталий, – «от тебя уйдут все».

– Я имела в виду, что у него неправильная политика, что он не любит людей и не дорожит ими, что нельзя брать деньги и ничего не отдавать взамен.

– Ну, – усмехнулся Виталий, – что сказала – все твое.

– Знаешь что!!! Моя совесть чиста, с какой стати я должна оправдываться?! Пока. С праздником!

– Оксана, стой! – запоздало дернулся Виталий, но трубка уже пропела отбой. – Зря я с ней так! – пробормотал он и покачал головой. – Она правда не нарочно.

Он ни на миг не забывал гадание, и как Оксана испугалась, увидев в чашке изображение угрожающей ему молодой брюнетки. Должно быть, она испугалась еще сильнее, когда узнала, что один за другим переселились в мир иной два человека, на которых она гневалась. И постаралась больше не думать о том, что пугало и вызывало чувство вины. По крайней мере, Виталий поступил бы именно так: поторопился бы изгнать из головы дурные вопросы, на которые не находится ответов! Как Оксане сейчас тяжело, отвергнутой, находящейся под несправедливым, в сущности, подозрением – не сложно было догадаться! В конце концов, Валентин сам оскорбил огонь и своими руками выпустил джинна из бутылки!

«Потом позвоню ей как-нибудь. Поговорим», – решил Виталий, и совесть более или менее успокоилась.

Поспать сегодня так и не удалось – ни единого часа. Но Виталия это не расстраивало. Он пока держался бодро и сладостно предвкушал крещенскую купель. Вновь, как и в прошлом году, он оказался на Гремячем поздновато: в одиннадцать утра автомобилей на поле уже набралось предостаточно, к источнику выстроились длинные очереди по узким

деревянными настилами. С объемистой сумкой, где лежало все необходимое для купания, боком стал продвигаться вперед. Настилы разветвлялись, тянулись направо и налево, и все были плотно уставлены людьми. В руках почти у каждого – по несколько пятилитровых баллонов. Виталию хотелось пройти к купели короткой дорогой, хоть мостки здесь были уже. Несколько метров по краю настила над небольшим овражком – и прямо перед его носом оказалась черная спина. Виталий вежливо попросил немного подвинуться. Мужчина, стоявший впереди, ответил, что никого не намерен пропускать. Короткое препирательство – и выяснилось: скандалист уверен, что все, идущие за Виталием, хотят без очереди проникнуть к источнику. Руки зачесались аккуратным ударом сбросить злого паломника в овражек. Однако он постыдился портить священный день. А уходить с позором не хотелось.

– Ничего, мы тебя обойдем! – пробормотал ожесточенно.

Он прыгнул в овражек и, улыбаясь, подал руку женщине, шедшей позади. Больше никто из арьергарда не решился за ними последовать. Женщина – стройная и легкая – в два прыжка оказалась на твердой земле. А Виталий неожиданно обнаружил, что застывшее ледяное месиво подается под ногами. Второй тяжелый шаг – и он по щиколотку в чавкающей жиже из глины и снега. Третий шаг-прыжок вывел и его на твердую почву. Досада, обида, ярость мгновенно вспыхнули в душе, пока Виталий выбирался на мостки. Ботинок и брючина – в рыжей глине. Должно быть, тот, кто преграждал путь, всю злорадствует! А может, так же досадует, что не справился с поставленной самому себе задачей.

Дурные мысли и дурное настроение улетучились, как только Виталий увидел оживленную толпу вокруг купели. Люди раздевались, одевались, растирали покрасневшие тела полотенцами, шумно погружались в воду. Ощущение праздника и светлого чуда вернулось.

Виталий остановился на дальних подступах, переоделся в любимый халат – роскошный, из натурального тканого меха. Далее шествовал важно, как падишах на торжественном приеме, и благосклонно принимал восхищенные взоры и реплики встречающих.

У самой купели окончательно разделся. Плохо, когда некому сбросить на руки халат и полотенце. Хорошо, когда есть.

Полез вниз по отвесной лестнице. Ноги, погружившись в воду, перестали чувствовать ступеньки. Виталий, задрожав, перекрестился и стремительно канул в купель с головой. Ошалевший, вынырнул. Перед глазами плыло – оттого ли, что сильно зажмурился, или оттого, что низкое солнце заглянуло из-под деревянной крыши прямо в зрачки. Только успел увидеть знакомый силуэт на берегу и поторопился окунуться вновь. Перед третьим погружением приостановился. В отдалении, на пригорке среди деревьев, – высокая и узкая черная тень, длинные волосы струятся. Тень приглашающе качнулась ему навстречу. Виталий не торопясь вновь ушел с головой под воду и, наконец, почувствовал ее светлую мощь. От ледяной влаги, охватившей все его большое тело, замерло в восхищении сердце.

Следующее мгновение наполнилось – за густой, сверкающей завесой брызг – солнечными лучами, звоном голосов, потоками воды по лицу, ощущением жара под голой, мокрой кожей.